

Министерство культуры Республики Беларусь
УО «Белорусский государственный
университет культуры и искусств»

Н. А. БУЛАЦКАЯ

**СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ:
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(болгарская, польская, сербская, чешская)**

*Рекомендовано УМО по образованию
в области культуры и искусств
в качестве учебно-методического пособия
для студентов всех специальностей учреждения образования
«Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

2-е издание, переработанное и дополненное

Минск
БГУКИ
2015

УДК 821.16.09(075.8)
ББК 83.3(о)941я73
Б 907

Р е ц е н з е н т ы :

Л. Д. Синькова, доктор филологических наук, профессор
Белорусского государственного университета;
Е. А. Городницкий, кандидат филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ГНУ «Институт языка и литературы
им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси»;
Н. Л. Судьева, кандидат филологических наук, доцент
Белорусского государственного университета

Булацкая Н. А.

Б 907

Славянские литературы : классика и современность (болгарская, польская, сербская, чешская) : учеб.-метод. пособие / Н. А. Булацкая ; М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : БГУКИ, 2015. – 166 с.
ISBN 978-985-522-123-5.

Представлена история и современное состояние таких славянских литератур, как болгарская, польская, сербская, чешская. Сопровождается мини-хрестоматией и библиографическим материалом.

Адресуется студентам учреждений высшего образования нефилологического профиля, в первую очередь Белорусского государственного университета культуры и искусств, а также тем, кто интересуется литературой западных и южных славян.

УДК 821.16.09(075.8)
ББК 83.3(о)941я73

ISBN 978-985-522-123-5

© Булацкая Н.А., 2015
© Оформление. УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Введение	9
I. История славянских литератур	12
Болгарская литература	12
Польская литература	31
Сербская литература	66
Чешская литература	85
Список учебной литературы	111
Список литературы по истории отдельных литератур ...	113
Рекомендуем почитать	117
II. Мини-хрестоматия	119

От автора

«Слово – сила, – подчеркивает польский писатель Ян Парандовский в книге “Алхимия слова”. – Увековеченное в письме, оно обретает власть над мыслью и мечтой людей, и границ этой власти нельзя измерить и представить. Слово господствует над временем и пространством. Но, только будучи схваченной в сети букв, мысль живет и действует. Все остальное развеивает ветер. Прогресс в развитии человеческой мысли, достижения ума человека родились из этих слабеньких букв-стебельков на белом поле бумаги. В жилах культуры пульсируют капельки чернил. Плох писатель, который об этом не думает, плох писатель, если он продолжительность жизни своего творения меряет преходящим мигом, плох, если думает, что мгновение не накладывает на него тех же обязательств и той же ответственности, что и столетие».

Волей судьбы ли, таланта ли право на жизнь обретают лишь десять книг из тысячи и одна-две становятся бессмертными. Значит ли это, что читать много – лишь время тратить? Вовсе нет. Отобрать зерна от плевел, увидеть в художественной литературе искусство, приобрести культурный багаж способен овладевший навыками вдумчивого чтения, приемами эстетического восприятия, духовной культуры читатель. Для него чтение художественной литературы – серьезный труд, часто материал для дальнейшей или основной деятельности.

В течение нескольких лет до начала изложения раздела «Славянские литературы» как части курса «Мировая литература» проводилось анкетирование студентов Белорусского государственного университета культуры и искусств на предмет выявления знаний о писателях – представителях разных славянских литератур и их произведениях. Называя русских писателей, опрашиваемые в большинстве своем не могли припомнить (чаще вообще не знали) практически ни одного художника слова из других славянских государств. Открытием для них стали имена И. Андрича, М. Кундеры, В. Шимборской, Ч. Милоша, Б. Грабала и других.

Любая работа учебного характера дает знания. Но знания не должны стать грудой камней, под которой можно себя похоронить, потерять индивидуальность. Знания должны стать той высокой горой, на вершину которой следует забраться, чтобы видеть далеко и многое. Сегодня, к сожалению, узок круг читателей, в том числе и студентов, владеющих информацией и компетентных в вопросах развития и современного состояния литератур западных, восточных и южных славян.

Попробуем уменьшить образовательный пробел, узнать новое. Стремление к поиску, постоянное узнавание нового – неотъемлемая часть университетского образования и науки. За короткое время студенту нужно найти и осмыслить большой объем информации. Многие умело используют возможности компьютера, Интернета, однако не всегда знают, что именно искать, в каком направлении осуществлять поиск, и в этом отношении подготовленное пособие – помощь в отборе информации, своеобразный путеводитель по миру славянской литературы, которая является отражением этнокультурной сущности народа, рассказывает про его духовные устои и традиции.

Представленный в учебном пособии обзор исторического развития таких славянских литератур, как болгарская, польская, сербская, чешская, отражает национальную специфику и важнейшие проявления литературного творчества. Литературный процесс в каждой из них, несмотря на отдельные, часто вынужденные и объяснимые спады, в целом является прогрессирующим. Из внушительного списка имен и явлений для анализа нами были выбраны те, которые наиболее ярко выразили национальную ментальность, время, проблемы, привлечшие внимание общества и литературы. Сложностью оказалось приурочивание к определенным десятилетиям творчества того или иного писателя, хотя и наблюдалась очевидная связь с историческими моментами, литературными направлениями и течениями, логикой последовательного изложения материала.

Для получения общей картины о славянских литературах материал, изложенный в пособии, необходимо сопровождать чтением произведений. При этом неплохо было бы помнить о том, что важно не количество прочитанных, а количество понятых книг. Еще Эразм Роттердамский взывал к взявшему в руки книгу: «Читая, ты должен все основательно продумывать, чтобы прочитанное обратилось в твою плоть и кровь, а не было сложено в одной памяти, как в каком-либо словаре». Акцентируя внимание на важных и сложных литературных произведениях, приглашаем читателей-студентов к размышлению.

Идеальный вариант изучения национальных литератур – чтение произведений в оригинале, ведь любой перевод ущербен. Вывод: учите языки, читайте произведения в оригинале. В пособии фрагменты произведений даны в русском переводе. Существуют перево-

ды на белорусский язык произведений Я. Гашека, С. Лема, И. Андрича, Э. Ожешко, А. Мицкевича, В. Шимборской, П. Вежинова и др., но их явно недостаточно.

Белорусское славяноведение, представленное такими учеными, как И. Шабловская, С. Мусиенко, А. Мальдис, И. Черота, Е. Леонова, В. Рагойша, Е. Вострикова, Н. Решетникова, Т. Кобржицкая, Н. Хмельницкий и др., активно и успешно изучает современную и классическую литературу разных славянских народов, но учебника по славянским литературам для студентов белорусских гуманитарных вузов нефилологического профиля нет. Есть отдельные разделы (в основном по истории славянских литератур) в учебниках по зарубежной или мировой литературе. Данное учебное пособие – второе, дополненное новым материалом издание первого в Беларуси учебного пособия по славянским литературам обобщающего характера.

Материал в пособии располагается с учетом степени «взрослости» той или иной литературы: краткая история и сведения о современном состоянии; имена и произведения, уже вошедшие в золотой фонд мировой литературы и еще только пробивающиеся сквозь массовую литературу новаторские сочинения.

Пособие предназначено для студентов Белорусского государственного университета культуры и искусств, в первую очередь факультета информационно-документных коммуникаций. Исходя из специфики университета, потребностей этого факультета, называется много имен – представителей разных славянских литератур, как классиков, так и сегодня живущих и пишущих, тех, о ком говорят и спорят. Это дает возможность из большого количества имен и произведений выбрать по-настоящему талантливые и значимые. Зна-

комство с литературными именами и фактами развивает способность сравнительного изучения национальных литератур, включая выявление параллелей с явлениями отечественной словесности.

В структуре учебного пособия можно выделить два содержательно-функциональных раздела. Первый посвящен панорамному обзору исторического развития и современного состояния славянских литератур – болгарской, польской, сербской, чешской. Второй – минихрестоматия, составленная из фрагментов произведений писателей, ставящая задачи заинтересовать студента, дать почувствовать своеобразие тематики, стиля отдельных авторов, стимулировать желание погрузиться в художественные миры славянской литературы.

Для более детального изучения курса славянских литератур дается подборка учебной, информационно-справочной основной и дополнительной литературы, а также список произведений, рекомендуемых для чтения изучающим данный курс.

Подготовленный материал может способствовать углублению литературоведческой компетенции студентов, стать для потенциального читателя гидом по миру литературы славян, близких духовными и эстетическими ценностями белорусской литературе и культуре.

Опыт изучения истории славянских литератур убеждает в том, что настоящий писатель, как и настоящая литература, не претендуют на исключительную избранность того или иного народа, веры или литературы, ибо претензия на исключительность, на подавление инакомыслия становится причиной распада как личности, так и литературы.

Введение

Славянами принято называть крупнейшую группу родственных народов с этноязыковой общностью, издавна проживающих на территории Европы (в Восточной Европе, Азии и на Балканском полуострове). Общая численность славян (по данным на 2002 г.) составляет приблизительно 300–350 миллионов человек (русских 145 млн, украинцев около 50 млн, белорусов до 10 млн, поляков около 45 млн, чехов около 10 млн, словаков 5,5 млн, болгар 9–10 млн, сербов до 10 млн человек). В зависимости от языковой и культурной общности славян условно подразделяют на три большие группы. Это славяне восточные – русские, украинцы, белорусы, русины (небольшая, около 20 тысяч, группа словаков, переселившихся на территорию бывшей Югославии), западные – поляки, чехи, словаки, лужичане, кашубы и южные – болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, боснийцы, черногорцы. Основными религиями преимущественно являются православие и католицизм, меньше представлены старообрядчество, язычество и ислам. Распространен атеизм.

Древнее название славян – венеды – сохранилось в языке германских народов вплоть до позднего Средневековья, а в финском языке Россия до сих пор называется Венейей. Название «славяне» стало распространяться лишь 1,5 тысячи лет назад – в середине 1-го тысячелетия нашей эры. Сначала так назывались только западные славяне. Восточных называли анты.

Вопрос происхождения славян открыт. Теории об этногенезе славян не было вплоть до конца XVIII в.

Сохранились определенные сведения о происхождении названия «славяне». Версии таковы: 1) от *slovo* (люди, говорящие понятно, «по-нашему», в отличие от «немцев» – немых, чужих); 2) от индоевропейского корня *kleu* – молва, известность; 3) от топонима, видимо, названия реки (Славутич, Слава, Слуя, Славница); 4) от *s-lau-os* – народ. В языкознании установлено, что славянский язык молодой в индоевропейской группе.

В качестве литературного примера появления, территориального расселения и названий славянских племен приведем цитату из известнейшего произведения древнерусской литературы «Повести временных лет»: «Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы¹, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане². Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле, и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане³, иные – поморяне⁴.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Дви-

---

¹ Морава – название притока реки Дунай; Моравия – историческая область в Чехии, которую с середины 1-го тыс. н. э. населяли мораване и др.

² Хорутане – старинное название словенцев.

³ Мазовшане – западно-славянское племя, расселившееся в Мазовии и участвовавшее в этногенезе польской народности.

⁴ Поморяне – группа западно-славянских племен, участвовавшая в этногенезе польской народности, но сохранившая при этом большое своеобразие.

ну, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась “славянская”».

Важнейшую роль в становлении славянской письменности, культуры и литературы сыграли просветители, проповедники христианства, создатели славянской азбуки братья Кирилл (около 827–869) и Мефодий (около 815–885). Приглашенные в 863 г. из Византии князем Ростиславом в Великоморавскую державу, они создали славянскую церковь и перевели с греческого на старославянский язык несколько богослужебных книг. Кириллу принадлежит авторство сочинения «Писание о правой вере», молитв и бесед, а Мефодию – перевод полного текста Библии. Братьям приписывают создание кириллицы – первой славянской азбуки, которой пользовались южные, восточные и, возможно, западные славяне. Еще одной древней славянской азбукой была глаголица, отличающаяся от кириллицы формой букв и имевшая распространение в X–XI вв. в основном у юго-западных славян в западной части Балканского полуострова и в Моравии.

Еще во второй половине XIX в. самостоятельных славянских государств не существовало. Они входили в состав трех империй: Российской, Австро-Венгерской и Османской. Исключение составляли черногорцы и лужичане. К концу XX в. государственную самостоятельность имели все, кроме русских и лужичан. Национальное самосознание славян стало активизироваться со второй половины XVIII в., времени подъема национально-освободительного движения, национально-освободительных восстаний.

I

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Болгарская литература – самая древняя из славянских литератур. Она начинается с 886 г., с Преславской, первой в мире славянской книжной школы. По одной из версий, главным ее достижением было создание кириллицы. В школе обучались ученики, переводились на старославянский язык Библия, священные книги, писались литературные произведения, изготавливались керамические изделия. Важную роль в становлении школы сыграли первые славянские просветители, создатели славянской письменности Кирилл и Мефодий, а также их ученики. В 972 г. школу сжег византийский император Иоанн I Цимский.

Расцвет древней болгарской литературы относится к концу IX – началу X в. Это были сборники поучений, жития святых, проза и поэзия, а также переводы с греческого языка на староболгарский богослужебных книг, таких как Псалтырь, Четьи-Минеи, Апокалипсис, ряд трудов святых отцов. Переводной литературой Болгария снабжала другие славянские страны.

Как национальная художественная литература болгарская литература сформировалась поздно, что объясняется многовековым иноземным порабощением: сначала византийское господство (XI–XII вв.), потом с XIV в. османское иго, которое продолжалось почти пять столетий. Были уничтожены многие памятники национальной культуры, нависла угроза исчезновения языка. Об этом периоде болгарской истории написано немало. Приведем в качестве примера отрывок

из романа М. Макдермотта «Апостол свободы»: «Обычно болгары тихо и мирно жили в соседстве с турками, – разумеется, при условии, что они вовремя платили налоги, а на все вопросы отвечали со смирением и к ответу присовокупляли взятку; но в любую минуту достаточно было малейшей искры, чтобы вызвать взрыв мусульманского фанатизма, и он заливал окрестности как лава, оставляя после себя слезы и пепел пожарищ. Ничья жизнь и ничье имущество не были в безопасности... По всей Болгарии пели не только о любви юноши к девушке, не только о радостях и печалях обычной жизни; песни повествовали о ее ужасах с обыденной простотой, от которой даже сегодня стынет в жилах кровь и сжимается сердце. Песни рассказывали о том, как женщин уводят в цепях в рабство, отрывая от родного дома и детей; об украденных невестах; о насильственном обращении в ислам; о пытках и допросах, о тюрьмах и казнях. Дома в городе стояли спиной к мощеным улицам, а пышные сады прятались за белеными стенами двухметровой высоты, крытыми черепицей. Турецкое иго заставляло болгар прятаться, уходить в себя; каждая семья огораживалась каменными стенами, внутри которых пыталась создать оазис уюта и гармонии в зыбком море неуверенности в завтрашнем дне и страданий».

С началом турецкого ига литературная жизнь Болгарии переместилась в Россию, Сербию, Румынию, другие страны. Писатели отражали жизнь болгар под игом Османской империи и собственных ренегатов, призывали к борьбе против угнетателей. Произведения носили скорее реалистический, нежели романтически-сентиментальный характер.

Национальное возрождение связывают с XVIII в. Особую роль в этом сыграла книга монаха из Святогорского монастыря Паисия Хилендарского «Славяно-болгарская история о народах и царях болгар-

ских» 1762 г. В 70-е гг. национально-освободительное движение возглавили Васил Левски, Любен Каравелов, Христо Ботев. Революционеры и политики, они не только бунтовали против политического и экономического рабства, но и много сделали для культуры. Каждое из названных имен свято для болгар. Например, Васил Левски – идеолог и организатор болгарской национальной революции – стал национальным героем. Если турки надеялись задушить свободу, повесив Левского, которого люди называли Апостолом свободы, то просчитались. Его соратники, оставшиеся на свободе, подняли Апрельское восстание 1876 г. И хотя оно потерпело поражение и было кроваво разгромлено турками, получило резонанс во всем мире: в защиту права болгар на независимость выступили Тургенев, Гюго, Гарибальди; Россия объявила войну Турции. Прошло несколько лет, и Болгария радостно встречала победоносную русскую армию генерала Гурко, принесшую свободу, которую народ этого балканского государства ждал пятьсот лет. В Болгарии память о Левском чтут, не только запечатлев его образ в картинах, памятниках, монументах, но даже первое спортивное общество, основанное в 1912 г., крупнейший стадион Софии и ведущая футбольная команда города носят его имя. Личность Левского вдохновила не одного писателя на создание художественных произведений о нем.

Свободу народу Болгарии принесла русско-турецкая война 1877–1878 гг. Начался новый этап в развитии страны и национальной культуры, в том числе литературы.

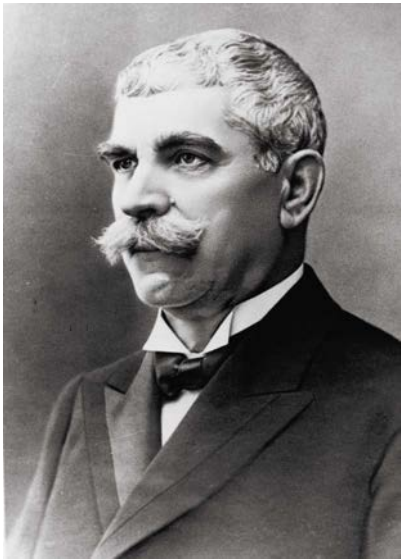
В болгарской литературе даже во второй половине XIX в. еще не было четкого размежевания литературных направлений. Сосуществовали сентиментализм, романтизм, реализм, но более всего превалировал

интерес к реализму. Болгарские писатели многое заимствовали у русских, так как жили, учились в России. Поэтому понятно, почему с конца 40-х гг. в Болгарию широко проникает русская литература, усиливаются культурные связи, учитывается опыт русской словесности. А в России этого времени особое значение придавалось реализму, развивались повесть и роман, объективно показывающие происходящее. К 60-м гг. в болгарской литературе относится появление такого прозаического жанра, как повесть. Интерес к жанру вызвала возможность обстоятельно представить многообразие жизни, поставить острые вопросы, вымысел соединить с действительностью. Роман заявит о себе лишь в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в.

У истоков болгарской прозы стояли **Любен Каравелов** и **Васил Друмев**. Л. Каравелов, будучи политическим и революционным деятелем, был вынужден жить на протяжении многих лет в эмиграции – то в России, то в Румынии, то в Сербии, являвшейся в то время центром освободительного движения южных славян. Сербские критики называли его одним из зачинателей сербского реализма. В Сербии была написана повесть «Виновата ли судьба?» Творчество «русского периода» подарило читателям книгу рассказов и повестей «Страницы из книги страданий болгарского племени». В Румынии он издавал газеты «Свобода» и «Независимость». Самым значительным в литературном наследии Каравелова считается повесть «Болгары старого времени» (1867) – произведение, достоверно передающее реальные жизненные ситуации и типичные характеры болгар, проникнутое национальным колоритом, тоской по родине, лиричностью и блестящим юмором.

Когда слава Каравелова была в зените, в литературе появилось новое имя – **Иван Вазов** (1850–1921). Поэт, прозаик, драматург, не разделявший революционных убеждений Каравелова, но уважавший его, И. Вазов в

дальнейшем становится патриархом болгарской литературы (у него даже было прозвище «дед»). Литературное наследие И. Вазова составляет 20 томов. Признание его как национального поэта произошло вскоре после освобождения Болгарии и продолжалось до конца жизни. Будучи молодым, он отстаивал идеалы национального освобождения и политической независимости болгар. Живя в 70-е гг. в Румынии, написал два сборника стихов, отразивших трудную судьбу болгарского народа и его борьбу против поработителей. Материалом для повестей была жизнь, главенствующее место занимала нравственная проблематика. Он пишет и о Василе Левском, и о «маленьком человеке», лишенном защиты в обществе, где властвует нажива, рисует национальный характер, выступая демократом и гуманистом. Писатель испробовал буквально все жанры, выступал за чистоту болгарского языка и определил лицо болгарской литературы на долгие годы. Самые известные его произведения – роман «Под игом», повесть «Отверженные», рассказы «Болгарка», «Недавнее». Идеалы социально-политического характера он воплотил в эпической трилогии «Наша родня», «Под игом», «Новая земля». Классик И. Вазов интересен и современникам, о чем свидетельствует проведенная в его стране в 2008–2009 гг. кампания «Большое чтение». Болгарским читателям предложили назвать авторов и романы, более всего им любившиеся. Список выглядел таким образом: 1-е место занял роман И. Вазова «Под игом», 2-е – «Время раздельное» А. Дончева, 3-е – «Табак» Д. Димова, на шестом месте – М. Булгаков, десятом – А. Дюма, двенадцатом – Г. Маркес.

После освобождения Болгария приобрела статус буржуазно-монархического государства. Демократические завоевания ослабевали. Усилилась эксплуатация трудящихся. Разорялись мелкие собственники, накапливалось богатство небольшой части общества, особенно землевладельцев. Произошло расслоение болгарской деревни. Крестьянский вопрос стал одним из главных. Появляется группа писателей, для творчества которых основной становится тема жизни болгарского крестьянина, болгарской деревни. Особенно выделяются такие прозаики, как **Михалаки Георгиев**, **Тодор Влайков**, а в 1897 г. впервые появляется **Елин Пелин** (псевдоним Димитра Стоянова) (1877–1949). В 26 лет он уже был известен и популярен в Болгарии. Писал не только о деревне, сельских жителях, их восприятии жизни. Он автор сатирических и юмористических рассказов, повестей «Гераковы», «Земля», сборника легенд, сборника стихов в прозе «Черные розы». Писатель увлекался социалистическими идеями, любил творчество М. Горького и А. Чехова. Во время Второй мировой войны был фронтовым корреспондентом.

В конце XIX в. в болгарской литературе усиливается критика буржуазных законов и морали, что отражается в творчестве И. Вазова, А. Страшимирова, П. Яворова. Возрождаются жанры фельетона, басни, сатирической поэмы. К этому времени относится творчество блестящего мастера сатиры **Алеко Константинова** (1863–1897), автора всего двух книг, вышедших при его жизни: путевых очерков «До Чикаго и обратно» и сатирической повести в рассказах «Бай Ганю» (1895), вошедшей в золотой фонд болгарской литературы. Двух книг оказалось достаточно, чтобы писатель стал классиком болгарской литературы. А. Константинов происходил из знатного рода. Получил блестящее юридическое образование в России, откуда вернулся

на родину в 1888 г. и стал служить судьей, потом адвокатом, разоблачал коррупцию и махинации, выступал против реакции, монархии, критиковал отрицательные стороны буржуазного общества, за что писателя уволили со службы, преследовали, травили, а впоследствии злодейски убили. Имя «бай Ганю» стало нарицательным в Болгарии. Желая подчеркнуть отрицательное в герое, писатель ставит его в необычные условия: то отправляет в путешествие по Европе, то показывает моющимся в бане, то посещающим венскую оперу или пражскую выставку. Каждый рассказ раскрывает одну из черт характера этого торговца розовым маслом (кроме того, он еще и член правящей партии, владелец какого-то предприятия) – человека бесцеремонного, самодовольного, необразованного, жадного, типичного представителя буржуазной среды. При этом он простоват, энергичен, рассудителен, юмористичен. Во второй части цикла рассказов бай Ганю возвращается из Европы и становится журналистом, депутатом, членом правительственной делегации, даже заигрывает с народом. Показана и окружающая обстановка (по выражению писателя, «зло не в нем, а в среде»). Это собирательный образ, но трактуют его по-разному.

На рубеже XIX–XX вв. болгарская литература обогащается психологизмом, наряду с национально-освободительными идеями поднимаются общечеловеческие проблемы. Господствующим методом становится реализм, ярким представителем которого можно назвать прозаика и драматурга **Йордана Йовкова** (1880–1937). Среди лучших его произведений – «Болгарка», «Наблюдатель», «Последняя радость», «Женское сердце», «Суд», «Легенды Стара-Планины» и др. Антивоенная проза этого писателя носит гуманистический характер. Много внимания он уделяет описанию жизни болгарского крестьянина. Этические взгляды Йовкова свидетельствуют о его симпатии к учению и

взглядам Л. Толстого. В историю болгарской литературы вошел как мастер малых форм психологической прозы.

В это же время в литературе возникает модернизм, представленный творчеством **Пенчо Славейкова**, **Пейо Яворова**, появляется пролетарская литература, а вместе с ней утверждается социалистический реализм.

В 1946 г. после образования Народной Республики Болгарии именно соцреализм становится основным методом литературы. Яркой звездой на литературном небосводе заблистал **Димитр Димов** (1909–1966) – прозаик, заслуженный деятель культуры Болгарии, профессор анатомии, член Болгарской коммунистической партии, автор романов «Поручик Бенц», «Осужденные души», в которых проявилось мастерство создания психологического повествования, и ряда пьес. Мировая слава пришла к писателю с выходом романа-эпопеи «Табак» (1951), в котором речь идет об истории взлета и падения табачного концерна «Никотинана», эксплуатации народа и застилающей глаза жажде наживы табачных магнатов, влияющих на судьбы людей, прежде всего героини романа – Ирины, поисках смысла жизни.

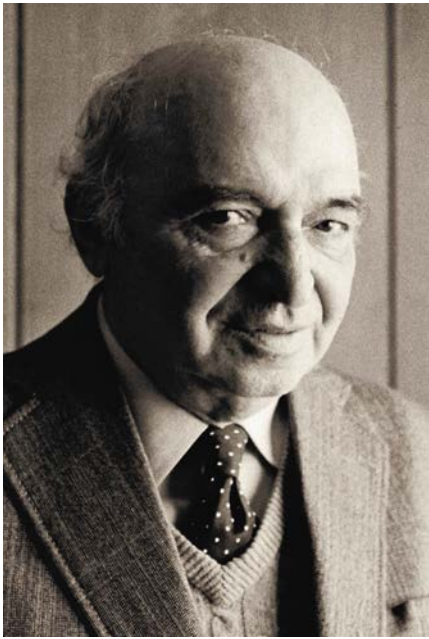
В эти годы ярко развивается жанр романа, особенно социально-психологического, широко используются документы, мемуары. Примерами могут служить трилогия «Солунские братья» Г. Караславова, «Легенда о Сибине, князе Преславском», «Антихрист», «Похититель персиков» Е. Станева. **Емилиан Станев** (псевдоним Николы Стоянова Станева) (1907–1979) – автор анималистических рассказов, сборников рассказов («Дива-птица», «Тихим вечером») о природе и человеке. Более 14 лет жизни писатель отдал работе над романом «Иван Кондарев», в котором описал события Сентябрьского восстания 1923 г. Историческая тема-

тика пронизывает романы «Легенда о Сибине, князе Преславском», «Антихрист», «Тырновская царица».

В 60–70-е гг. XX в. в болгарской литературе появляются произведения, сделавшие их авторов классиками болгарской литературы, Й. Радичкова, Павла Вежинова, А. Гуляшки, Б. Райнова.

Богомил Райнов (1919–2001) – прозаик, поэт и драматург, искусствовед, знаток живописи, киносценарист. Выпускник философского факультета Софийского университета. В 1941 г. выпустил первый сборник стихов. Огромную популярность принесли ему книги о разведчике Эмиле Боеве и инспекторе уголовного розыска Петре Антонове, в которых писатель проявил себя как мастер детективно-приключенческого романа («Инспектор и ночь», «Только для мужчин», «Что может быть лучше плохой погоды», «Большая скука»). В литературоведческом труде «Черный роман» Райнов исследовал феномен таких жанров, как шпионский триллер и детектив. В свое время экранизации его произведений «Что может быть лучше плохой погоды» и «Большая скука» были кассовыми бестселлерами.

Гонорары за книги Б. Райнова были так велики, что его партийные взносы (а он вступил в Болгарскую рабочую партию (коммунистов) в 1944 г.) во много раз превышали оклады болгарских ученых с мировыми именами. Отношение к писателю на родине неоднозначно, что связано с его общественной и политической деятельностью. Он много лет являлся членом ЦК БКП. Будучи заместителем председателя Союза болгарских писателей, насаждал соцреализм, участвовал в идейном разгроме в 50-х гг. независимых болгарских деятелей культуры (например, художника А. Жендова, поэтов А. Далчева, Х. Радевского). При этом именно Райнов совместно с художником Светлином Русевым приобретал картины для Национальной галереи зарубежного искусства (об этом роман Райнова «Странное это ремесло»).

Павел Вѣжинов (под этим псевдонимом с 1938 г. выступал Никола Делчев Гугов) (1914–1983) начал печататься в 30-е гг. XX в. Тематика творчества – городской быт, война, послевоенная жизнь («Вторая рота», «Звезды над нами», «Весы», «Современная долина»). Сложные проблемы морали нашли глубокое осмысление в произведениях «Запах миндаля», «Следы остаются», «Далеко от берега». В центре романа «Ночью на белых конях» – одновременно и лирического, и социально-философского, и исповедального – судьба ученого, подошедшего вплотную к открытию вируса рака, прошедшего через войну, революцию. Ему не судьба довести труд до конца, его волнует вопрос о наследниках, их духовных, а не только профессиональных качествах. В 1982 г. появился роман «Весы». Особенностью метода писателя явилось сочетание реализма с фантастикой. Известны его детективно-приключенческие и фантастические произведения, например, повесть «Барьер» – о границах человеческих возможностей (Доротея, героиня повести, умеет... летать), «Гибель Аякса», занимательные произведения для детей и юношества. Есть фильмы по его произведениям.

Андрей Гуляшки (1914–1995) – прозаик, драматург, мастер исторического и научно-фантастического повествования, автор таких произведений, как «Золотое руно», «Дом с лестницей красного дерева», «Яков и дьявол», «Похищение Данаи», «История с собаками», «Убийство на улице Чехова», «Золотой век», пьес «Болото», «Обещание», цикла «Приключения Аввакума Захова». Самый знаменитый его персонаж – контр-

разведчик Аввакум Захов впервые появляется в романе «Случай в Момчилове». В свое время Гуляшки был главным редактором болгарского журнала «Современник», секретарем Союза болгарских писателей.

Самым популярным драматургом последних десятилетий XX в., чьи произведения переведены на 30 языков мира, называют **Станислава Стратиева** (1941–2000). Пьесы «Автобус», «Замшевый пиджак» были поставлены во многих театрах, а его экранизированная комедия «Оркестр без названия» в XX в. была признана лучшим болгарским фильмом всех времен. Есть у него и проза, и сатирические произведения, например, сборник прозы 1991 г. «Болгарская модель». В 1997 г. появляется сборник «Лицо с картин Эль Греко». С. Стратиев писал о хаотичности мира, одиночестве и европеизации Болгарии.

Особое место в болгарской литературе занимает **Йордан Радичков** (1929–2004). Писатель дважды номинировался на Нобелевскую премию, что свидетельствует о его заслугах перед искусством слова. И хотя столь высокой наградой отметили других, Радичков стал лауреатом многих премий как у себя на родине, так и за ее пределами. Например, он носитель шведского ордена «Полярной звезды». В 1996 г. Международный совет по книгам для юношества внес его имя в список кандидатов на соискание премии им. Ганса Христиана Андерсена (иногда эту премию называют «малой Нобелевкой»). В 2003 г. Й. Радичков удостоился государственной награды в области культуры Св. Паисия Хилендарского. Писатель с мировым именем, он общался с коронованными особами, Папой Иоанном Павлом II, видными поэтами, художниками, кинорежиссерами,

музыкантами. К его мнению прислушивались не только собраты по перу. Так, он был на протяжении 13 лет (с 1973 по 1986 гг.) советником Совета по развитию духовных ценностей в Государственном совете Народной Республики Болгарии. Его произведения переведены на 37 языков мира. Более чем в 50 странах знакомы с его творчеством. Начиная как репортер молодежной газеты, литературой стал заниматься с 1949 г., опубликовав рассказы и очерки. Вершин мастерства писатель достигает в сборниках «Пороховой букварь», «Верблюды», «Автострада», романах «Праща», «Все и никто», «Ноев ковчег», повестях «Опрокинутое небо», «Жаркий полдень», «Воспоминания о лошадях» и других произведениях. В 2003 г. вышел сборник интервью писателя. Сам Й. Радичков считал наиболее удавшейся книгу «Нежная спираль», говорил, что в ней отражены его звездные мгновения, что этот труд исцелил после перенесенного им инфаркта. Личные наблюдения, впечатления раскрывают читателю нравственный мир писателя, проникая в глубины общечеловеческого бытия. В основе одноименного рассказа – случай из охотничьих странствий Й. Радичкова. Группа мужчин едет на охоту. За поворотом на снегу перед ними предстает усыпанный яркими красными ягодами куст шиповника. Один из охотников стреляет по пролетающей над их санями стае голубей. Раненая птица начинает терять высоту, кружить, падая и оставляя на снегу по спирали алые капли крови, так похожие на плоды шиповника. Капли голубиной крови вырисовывают на снегу таинственный иероглиф, и никто не решается шагнуть вперед и затоптать. Смерть может стать жизнью, ибо превращается в иную, духовную энергию. Писатель пытается открыть свой иероглиф и в гуще замерзшего шиповника, и в отвратительном зрелище мертвого голубя.

Произведения Йордана Радичкова можно перечитывать снова и снова. Писатель проникает в те сферы жизни, о которых человек не всегда задумывается. Он создает героя нового типа. При этом именно человек – главное действующее лицо как прозы, так и драматургии Радичкова. Его пьесы («Январь», «Суматоха», «Попытка полета») ставили в Австрии, Германии, Греции, Швейцарии, Дании, Польше, России, Чехии, Финляндии и других странах. Всегда помня о своих корнях, писатель проявлял искренний интерес к национальным проблемам. В последние годы жизни в творчестве Й. Радичкова – представителя магического реализма – появились новые штрихи: ироничный рассказ-ретроспекция с думами о современности.

Особенностью болгарской литературы второй половины XX в. явилась универсальность творчества ведущих литераторов. Иными словами, они были одновременно и поэтами, и прозаиками, и драматургами. К названным выше именам добавим **Георги Джагарова** (1925–1995), окончившего в Москве Литературный институт имени М. Горького. Во время Второй мировой войны он участвовал в антифашистском движении. С 1966 г. выполнял обязанности председателя Союза болгарских писателей. Был заместителем председателя Государственного совета Народной Республики Болгарии. Ему присвоено звание «Народный деятель культуры Болгарии». Выступал как поэт (сборники стихов «Мои песни», «В минуты молчания» и др.) и драматург (драмы «Двери закрываются», «Прокурор», «Эта маленькая земля» и др.). Общественный долг человека, конфликты современности, нравственные проблемы – вот основная тематика произведений Г. Джагарова, в которых сочетаются драматическая напряженность, лиричность и гражданская страстность.

В 80-е гг. XX в. в болгарской литературе стал известен **Георги Мишев** (р. 1935). Учился в ветеринарном техникуме, потом на факультете журналистики, стал писать сценарии к сериалам. Его произведения: «Матриархат» – о будничной жизни болгарок, сценарии к фильмам «Вольная зона», «Почти любовная история», «Дунаев мост», «Белый танец». Заговорили и о **Викторе Паскове** (1949–2009). Выпускник консерватории, он увлекся литературой, сочинял стихи. Будучи оперным певцом, композитором, Пасков, работавший в Германии музыкальным критиком, стал писать пьесы, прозу, основанную на автобиографическом материале, и сразу же привлек к себе читательский интерес. С 2008 г. работал атташе по вопросам культуры Болгарии в Швейцарии.

Признанным мастером жанра короткого рассказа является **Дончо Цончев** (1933–2010), выпустивший несколько десятков сборников, один из которых – «Красные слоны». Кроме рассказов, в багаже писателя повесть, с которой он пришел в литературу в 1966 г., «Мужчины без галстуков», романы «Принцы», «Желтый дом», «Тоска уходит», «Роман на колесах» и другие книги. Д. Цончев пишет о том, что хорошо знает. Его герои занимаются тем же, что и он: работают геологами, занимаются боксом или участвуют в автогонках, увлекаются охотой. Так возникает образ современного болгарина, верящего в добро, готового к самопожертвованию, не лишённого человеческих слабостей, а в целом – земного человека. Темы произведений разнообразны и актуальны: это и жизнь горожанина с его проблемами, и раздумья о природе, и охотничьи рассказы. Стиль его произведений лаконичен, задушевность сменяется юмором, порой сатирой.

Интерес читателей вызывает проза **Любена Дилова** (1927–2008), писателя-фантаста, дебютировавшего в 50-е гг. XX в., написавшего несколько сборников рассказов (например, «Голуби над Берлином»), 30 романов (среди них – «Путь Икара», «У страха много имен»), общий тираж книг которого составляет 4 миллиона экземпляров. В центре его фантастических произведений не НЛО, не пришельцы, не чудеса, а вопросы переустройства мира, человека (в одном из романов он пишет о возможности удаления у человека органа страха). Л. Дилов считал, что современная фантастика не может обойтись без социальной критики и юмора. Есть у него и книги о детях и для детей (например, о приключениях Нуми и Ники).

Внимание и интерес к детям, детской литературе – отличительная черта болгарской литературы. В качестве примера приведем имя **Бориса Априлова** (1921–1995), написавшего более 10 книг о детях, пьес, в том числе и для кукольного театра, детских телесериалов, сценариев. Болгарские дети хорошо знакомы с его книжным сериалом о лисенке-вундеркинде Лиско, переизданном в 1999 г. в 6 томах. Писал Б. Априлов и для взрослых.

Одно из центральных мест в современной болгарской литературе занимает лауреат многих национальных литературных премий **Георги Господинов** (р. 1968) – поэт, прозаик, драматург. Филолог по образованию, работал редактором газеты, журнала, был докторантом Института литературы при Болгарской академии наук. Он начинал как поэт: в 1992 г. вышла книга стихов «Лapidариум», а сборник «Черешня одного народа» переиздавался трижды. В середине 90-х гг. опубликовал «Болгарскую хрестоматию» и «Болгарскую антологию» – книги – литературные мистифика-

ции. Но мировое признание Г. Господинов получил как автор прозаического произведения «Естественный роман», впервые опубликованного в 1999 г. и неоднократно переизданного, переведенного на 15 языков мира и ставшего одной из самых читаемых на его родине книг. О чем книга? Действие происходит в конце 90-х гг. XX в. Оно о поколении 90-х, молодом писателе, находящемся в драматическом положении из-за развода с женой. В редакцию, где он работает, пришел пакет с литературным текстом без имени, адреса, подписи, даже гонорар некуда посылать. Сюжет достаточно размытый. Герой романа и Г. Господинов наблюдают за кусочками чужой жизни («Иногда меня посещает странное желание слоняться вечерами по городу и заглядывать в окна первых этажей»), сравнивая со своей. Получается роман из одних начал (по словам самого автора, «роман, который постоянно пускается в путь, что-то обещает, доходит до 17 страницы и начинает сначала»), со множеством отступлений, в нем переплетаются реальные события с постмодернистскими сентенциями. Образуются параллельные миры. Есть у Г. Господинова и пьесы, например, «Д. J.» (сокращение от Дон Жуан), отмеченная в 2004 г. премией за лучший драматургический текст на болгарском языке.

Многообразна поэзия XX в., в которой есть и интимная, и пейзажная, и философская тематика. Назовем ставших уже классиками болгарской поэзии **В. Ханчева, Д. Методиева, Валери Петрова, П. Матева, В. Башева**. Их поэтическое творчество – осмысление происходящего, философские думы, призыв к молодому поколению, как, например, в стихотворении В. Башева «Размышление»:

комнате: Семь образов болгарской литературной провинции». Его поэзия авангардна, что в болгарской литературе не вполне приживается. Нанков называет себя «поэтом-парадоксалистом», потому что строит стихи на языковых и смысловых парадоксах, использует приемы повтора, тавтологии, абсурда, зауми, графики-визуализации (он еще и художник!), словесной игры (прочитайте, например, в мини-хрестоматии данного учебного пособия стихотворение «Барболинке барболинке барболинке» и услышите, как по полу, шурша, рассыпаются бисеринки, а в другом стихотворении Нанкова «Китайская пагода – русская погода» словесная игра выстраивается визуально в изображение китайской пагоды с озорным русским «Ну, погоди!!!» у входа в храм). Поэт свободно владеет несколькими иностранными языками, в том числе русским, на котором тоже сочиняет стихи, к тому же он любит соединять разные языки. Специалист по творчеству А. Чехова и литературе постмодернизма Н. Нанков пишет, например, стихотворение «Набокочеховиада»:

Набоков все меньше нравится,
Чехов все больше нравится.
Набоков все больше не нравится,
Чехов все больше нравится.

(И я не могу с этим справиться...)

Современная болгарская литература пытается произвести переворот в эстетике, отмежеваться от прошлого. Особенно это касается молодых писателей, революционных в области языка и традиций. Сегодня книг издается гораздо больше, но меньшим тиражом, чем ранее. И по-прежнему востребована классическая литература.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Христианство пришло в Польшу в 966 г. и пользовалось латинским языком. Высшее духовенство вплоть до XII в. состояло из людей иностранного происхождения, писали они и проводили богослужение на латыни, т. е. на языке, непонятном для большинства верующих. Только спустя время было введено богослужение по-польски.

Первыми литературными трудами в Польше считаются списки IX в., хроники религиозного характера начала XII в. на латыни, ограниченные теологическими темами. Сочинения на польском языке появляются в XIII и XIV вв. Древнейший памятник польской литературы – это церковная и боевая песнь, подобная молитве, с обращением к богородице-деве, возникшая, как считают, в начале XV ст. Кроме религиозных песен сохранились легенды, написанные стихами. С XV в. на польском языке появляются переводы церковных текстов, песнопения, потом поучительные песни, вирши.

Старопольскую литературу делят на три периода. **Первый – Средневековье** (XII–XV вв.): событием стало открытие в 1364 г. Краковской академии (в ней в свое время учились Н. Коперник, М. Рей, Я. Кохановский), которая превратилась после 1400 г. в Ягеллонский университет (его окончила, например, Нобелевский лауреат поэт В. Шимборская). Отцом польской письменности считается **Миколай Рей** (1505–1569) – писатель, сатирик, моралист. Он первым стал писать на родном языке. Это были стихотворные трактаты, эпиграммы, диалоги. Творчество М. Рея отражает на-

циональную специфику. Защитник интересов шляхты, Рей в произведениях грубоватым, но сочным языком давал ей морально-политические указания и высмеивал ее противников (не случайно писатель считается создателем польской фразы⁵). Король Зигмунт Август за перевод (прозаическая версия) М. Реем «Псалтыри» пожаловал ему деревню. Ю. Крашевский написал о нем монографию, а А. Мицкевич прозу писателя сравнивал с работой М. Монтеня «Опыты».

Второй период – **Возрождение** (XVI в.): польский язык утверждается в качестве литературного, происходит расцвет гуманизма, центром книгопечатания становится Краков. Особое место занимает **Ян Кохановский**, крупнейший поэт польского Ренессанса, заложивший основы национального стихосложения. Он автор поэм, трагедии, переложения «Псалмов Давида», шуточных, подчас фривольных стихотворений. В «раках»⁶, им написанных, при зеркальной перестановке слов внутри строк каждая строка и все стихотворение получали противоположный смысл.

Третий период – **барокко** – длился до середины XVIII в. Барокко в литературе развивалось по двум направлениям: западного характера – галантное барокко и так называемое сарматское, национально ориентированное барокко. Именно тогда появились рифмованные хроники и трактаты, медитативная и любовная лирика. Наиболее яркие представители этого времени – **Самуэль Твардовский, Вацлав Потоцкий**.

Новая литература начинается с эпохи **Просвещения** (вторая половина XVIII – начало XIX в.), когда

---

⁵ Фразка (т. е. «пустяк, безделица, мелочь») – особый жанр стихотворной миниатюры-эпиграммы, культивируемый в Польше начиная с XVI в.

⁶ В России «рачы стихи» называли «перевертнями», или палиндромами. Это были строки, читаемые одинаково слева направо и наоборот. Классический пример – стих «А роза упала на лапу Азора» А. Фета.

шла борьба за реформы, национальную независимость, появились первые литературно-художественные журналы, национальный театр. В 1765 г. открывается первый публичный театр, заявляют о себе жанры бытовой комедии и сатиры. В литературу приходят классицизм и сентиментализм. Главнейшим выразителем польского Просвещения стал поэт, прозаик, переводчик **Игнацы Красицкий**, автор басен, сатир и, как считают, первого польского романа «Приключения Миколая Досвядчиньского».

В 1795 г. после упорной и кровопролитной борьбы польское государство перестало существовать. Произошел раздел Польши между Россией, Австрией и Пруссией.

На протяжении XIX в. литература развивалась в условиях национального угнетения народа под игом трех монархий. На ее развитие оказали влияние национально-освободительные восстания 1830–1831, 1846, 1848, 1863–1864 гг.

На рубеже 1810–1820-х гг. сложился **польский романтизм**. Его манифестом стали два тома «Поэзии» Адама Мицкевича. В литературе преобладали революционно-патриотические тенденции. Баллады, романсы, сонеты, лирические стихотворения, поэмы – такая жанровая палитра польского романтизма. Определяют движение польского романтизма с его безусловным творческим характером **Адам Мицкевич** («Гражина», «Конрад Валленрод», «Пан Тадеуш», «Дзяды»), **Антони Мальчевский** (автор только одного произведения – романа в стихах байронического характера «Мария»), **Юлиуш Словацкий** – основоположник новой польской драмы (философско-исторические поэмы «Король-Дух» (мистический эпос о польской истории с древних времен до Средневековья), «Беневский» (по виртуозности мастерства поэта это произведение

сравнивают с «Дон Жуаном» Байрона), драма «Кордиан»). **Циприан Норвид** создал оригинальную концепцию гуманистического универсализма. (Его еще называют последним романтиком и первым позитивистом.). В романтизме А. Мицкевича особо ощущаются связь с народом, восхищение природой, привязанность к родной земле. В поэзии Ю. Словацкого преобладают боль и страдание за родину и земляков, павших духом, стремление пробудить в них достоинство, желание действовать. Главное в творчестве Ц. Норвида – пристальное внимание к истории, осуждение необдуманных решений и поступков соотечественников. Влияние этих поэтов-романтиков в XX в. испытали Я. Ивашкевич, В. Броневский, Т. Ружевиц, С. Гроховяк, М. Яструн, З. Херберт и др.

Постепенно жанр поэмы обогащался, превращаясь в национальную эпопею. Это относится, в первую очередь, к поэме «Пан Тадеуш» (1834) (единственный в европейской литературе того времени героический эпос) А. Мицкевича. Белорусский фонд культуры к 200-летию юбилею поэта издал это произведение на трех языках – белорусском, польском и русском. Белорусский перевод, осуществленный в ГУЛАГе поэтом Петром Бителем в 50-е гг., не имевшим перед собой иных переводов, сделанных до него, хранился в архивах почти полвека и был опубликован впервые только в 1998 г. Сталинский узник в качестве пишущего инструмента использовал конец обугленной проволоки, а бумагой ему служили мешки из-под цемента. По этому произведению выдающийся польский режиссер Анджей Вайда снял блокбастер, поставив задачу не развлечь зрителя, а заставить задуматься. Основой озвучивания фильма послужил перевод П. Бителя как наиболее качественный и близкий к оригиналу.

В 60-е гг. в польскую литературу приходит реализм и начинает развиваться проза. Самым популярным оказывается жанр романа. «Творцом современного польского романа» Э. Ожешко называла **Юзефа Краше́вского** (1812–1887), эрудированного, трудолюбивого, самого плодовитого писателя, имя которого занесено в Книгу рекордов Гиннеса. Им гордится и польская, и белорусская культура. Он был не только историком, писателем, исследователем, но и профессионально занимался музыкой, изобразительным искусством. Писателя называют «чемпионом пера» и «маэстро гусиного пера» не случайно. «Роман из 6–10 тысяч строк я пишу обычно десять дней...», – признавался Ю. Крашевский. Он был родом из деревни Долгое Пружанского района (Беларусь). В 2014 г. Национальная библиотека Беларуси подготовила мультимедийный проект «Спадчына Юзафа Ігнацы Крашэўскага». На белорусский язык тем не менее Ю. Крашевского переводили мало. Событием следует считать перевод на белорусский язык М. Папекой поэмы «Вёска» к 200-летию со дня рождения Ю. Крашевского. Любопытно, что на обложке книги использованы не только живописная работа брестского художника И. Крупского, уроженца Пружанщины, но и изображение медальона (сегодня хранится в фондах областного краеведческого музея), посвященного пятидесятилетию литературной деятельности писателя и найденного во время вывоза земли из родового имения Крашевских.

Образование Ю. Крашевский получил в Виленском университете. Хорошо рисовал, любил историю, о которой много писал: например, четырехтомная история Вильно, двухтомная история Литвы. Но больше всего писателя интересовала история Польши. Огромно наследие Крашевского – около 600 томов: 223 романа и повести, несколько сборников стихов, пьесы, перево-

ды, работы по истории, этнографии, литературоведению. (При этом отметим, что не все в его творчестве отличается художественной безупречностью.) Самые известные произведения – романы «Старое предание», «Графиня Козель», «Брюль», «Волшебный фонарь».

Становление реализма шло интенсивно, при этом он приобретал специфические черты, обусловленные разделением Польши. В литературном процессе особое место занял **позитивизм** (такое название получил период в польской литературе с 1864 по 1890 г.). Позитивистская программа представляла собой отказ от вооруженной борьбы за национальную независимость, сосредоточенность на экономических, социальных и культурных проблемах, приоритет науки, тщательное изучение общества и окружающего мира, особое влияние общественных идей на творчество писателей. Широкое распространение получил так называемый варшавский позитивизм, имевший общественно-идеологический характер, апеллировавший ко всем гражданам, но опиравшийся на польскую интеллигенцию, которая должна была воспитывать, образовывать народ. Если в романтизме доминировала поэзия, то теперь на первый план выдвигается проза – повесть, роман. В литературе признается верховенство реалистического направления. Изменяется тематика литературы, она демократизируется. В прозе преобладает социальная проблематика, описание жизни крестьян, городских низов, появляются новые социально-психологические типы героев.

Позитивизму, в определенной степени его художественной реализации, оказалась близка выдающийся прозаик, хорошо известный и белорусскому читателю, **Элиза Ожешко** (1841–1910), чье литературное наследие составляет около 60 томов. Важнейшее место в творчестве писателя занимает белорусская тематика. Народные песни, предания, обряды, быт и психология

белорусов, их фольклор нашли отражение в рассказах «Гадеуш», «Романиха», «А...Б...Ц...», «Эхо», повестях «Низины», «Дзюрдзи», «Хам». Лучший роман Э. Ожешко «Над Неманом», изображающий жизнь сельской шляхты на территории бывшего Великого Княжества Литовского, по многоплановости и эпичности сравнивают с поэмой А. Мицкевича «Пан Тадеуш».

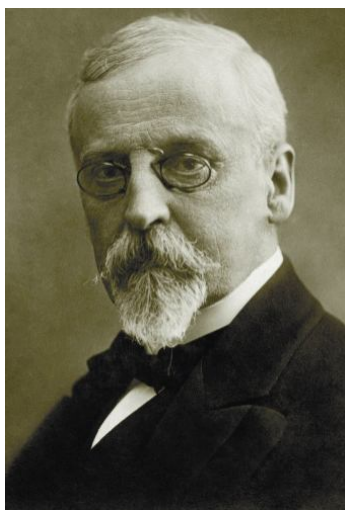
Творчество писателя отличают значительность проблематики, глубокий психологизм, поэтичность в описании природы, любви, труда. Ф. Богушевич, друживший с ней, называл Э. Ожешко «королевой живого слова и мучительной правды».

Проза этого времени жанрово обогащается, тяготеет к эпическим, масштабным полотнам. Это период расцвета исторического романа, представленного творениями Сенкевича, Пруса, Жеромского, Реймонта. Так, **Болеслав Прус**⁷ (1847–1912) (настоящее имя – Александр Гловацкий) в романе «Кукла» выводит галерею разнообразных социальных типов, исследует социальные связи. Писатель создает социально-психологический роман, а благодаря включению в структуру произведения дневниковых материалов одного из героев расширяет рамки повествования, которое приобретает многоаспектность и масштабность. Многим читателям хорошо известен роман «Фараон», события в котором происходят в Египте первой половины

---

⁷ По словам М. Домбровской, «Прус I – это герб обедневшей семьи Гловацких, последний пустячный обломок ее шляхетства, стоил лишь того, чтобы подписывать им пустяковую, как думал автор, писанину. Предчувствовал ли Александр Гловацкий, что поднимает это истлевшее прозвание до чести быть одним из величайших польских имен?»

XI в. до н. э. Прус дает свое толкование событий древнеегипетской истории, соотнося их с современностью, философски осмысливая. Писатель создает новый тип исторической прозы, отказываясь от любовной интриги как центральной в романе в пользу социально-политического конфликта и интеллектуализации повествования.

Признанным мастером жанра исторического романа по праву считается **Генрик Сенкевич** (1846–1916), лауреат Нобелевской премии 1905 г., автор исторической трилогии «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский». «Огнем и мечом» стал первым историческим романом писателя, опубликовавшего до этого только несколько рассказов и повестей. В первой части трилогии речь идет о борьбе Речи Посполитой с Украиной времен Богдана Хмельницкого. Вторая часть трилогии дает описание войны поляков со шведской интервенцией 1655–1656 гг. Третий роман поэтизирует подвиги польских рыцарей во времена турецкого вторжения. Впоследствии он напишет роман-эпопею «Камо грядеши?» и роман «Крестоносцы» (о борьбе славян с Тевтонским орденом, жестоко истязавшим восточные земли). Огромный успех на протяжении многих лет будет сопутствовать роману «Камо грядеши?» (в польском оригинале название по латыни – «Quo vadis?», церковно-славянское «Камо грядеши?» по-русски звучит как «Куда идешь?»). Название было подсказано преданием о том, как апостол Петр после уничтожения христиан в Риме покидает город и по дороге встречает Христа, которому задает вопрос: «Куда идешь, Господи?», на что тот отвечает: «Раз ты оставляешь народ мой, я иду в Рим на новое распятие». После этого Петр возвращается в Рим и

принимает мученическую смерть. Это единственный роман не о польской истории. Он о борьбе первых христиан римской общины с могущественнейшей Римской империей времен правления Нерона. Если в произведениях Ю. Крашевского отразилось романтизированное прошлое Польши, то романы Г. Сенкевича имели ярко выраженную идеологическую и общественную направленность. Они динамичны, полны страстей, колоритны, читаются с интересом. Произведения Сенкевича переведены на многие языки мира, в том числе и на белорусский, неоднократно экранизированы. Влияние писателя испытали на себе белорусские авторы, например, В. Короткевич в романе «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні».

В прозе рубежа веков углубляется социальный критицизм, разрабатываются темы деревни, власти земли, крестьянского бунта, капитализации города. Об этом пишет **Владислав Рэймонт** (1867–1925), лауреат Нобелевской премии 1924 г. Его перу принадлежит роман «Мужики» – энциклопедический, панорамный четырехтомный труд о жизни польского крестьянства, романы «Комедиантка» и «Последний сейм Речи Посполитой». Современником В. Реймонта являлся **Стефан Жеромский** (1864–1925). Его произведения отличают эмоциональность, драматизм коллизии, трагический финал. Писатель умело оперирует символами, приемами аллегории, подтекста, используя элементы импрессионизма и натурализма. Он писал о судьбах униженных и оскорбленных, национально-освободительном движении, современной действительности в многочисленных рассказах, драмах, романах. Так, исторический роман

«Пепел» повествует о формировании национального самосознания, трагедии польской шляхты в период с 1797 по 1812 г. «Пепел» считают национальным романом о национальном характере. (А. Вайда снял по этому произведению фильм, получивший мировое признание.) «Ветер с моря» – цикл исторических картин польской Балтики – утверждение прав Польши на Поморье. Роман «Бездомные» рассказывает о рабочих, их жизни и труде. Нравственный максимализм, обращение к современности звучат и в романе «Канун весны». Соотечественники видели в Жеромском борца за правду, называли «совестью польской литературы». При этом правительство не поддержало его кандидатуру при выдвижении на Нобелевскую премию, но посмертно наградило Государственной премией, что контрастировало с недавней травлей писателя из-за романа «Канун весны». Запоздалым извинением выглядели церемония посмертного награждения Государственной премией и похороны писателя (над городом летали самолеты, перед варшавским замком выстроили пехоту, конную кавалерию и артиллерию).

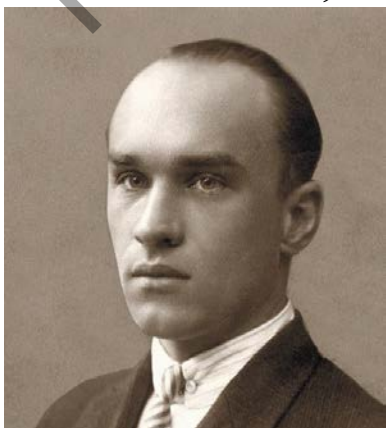
В конце XIX в. наблюдается отход от позитивизма и реализма. На арену вступает «Молодая Польша» (1890–1918) – организация молодых представителей искусства, отказавшихся от позитивизма и провозгласивших право художника на самовыражение, психологизм и вхождение национальной литературы в европейский культурный контекст. Они защищали «чистое искусство», асоциальное (например, С. Пшибышевский, влияние которого испытали на себе белорусские писатели З. Бядуля, М. Горецкий, Я. Купала. Последний полемизировал с ним в «Адвечнай песне», «Снеге»). «Младопольцы» дали толчок развитию новых направлений. Их творчеству присуще переплетение реализма с натуралистическими, символистскими, неороманти-

ческими и т. п. течениями. Модернизм (причины его появления те же, что и в западноевропейской литературе) исповедовали **К. Тетмайер**, **Я. Каспрович**, **Б. Лесьмян** (в 1994 г. стихи Лесьмяна, крупнейшего польского поэта XX в., появились в переводе О. Минкина на белорусский язык в сборнике «Пан Блішчынскі»), одержимые идеями декаданса и новаторства. Видной представительницей натурализма являлась Г. Запольская (лучшая пьеса – «Мораль пани Дульской», чья фамилия стала нарицательной для определения ханжества и мещанской пошлости, разоблачаемых в произведении). Центральное место в прозе «Молодой Польши» принадлежало С. Жеромскому.

В 1900 г. вышла первая книга стихотворений **Леопольда Стаффа** (1878–1957) «Сны о могуществе», принесшая ему признание в литературе. Впоследствии увидят свет еще 20 книг Стаффа, одного из самых почитаемых польских поэтов, но исключительно скромного человека. Он начинал как приверженец «Молодой Польши» и символизма, но выступал против декадентского отношения к жизни. Потом обнаружится его тяга к классицистическим традициям, культуре Античности и эпохи Возрождения. В 30-е гг. Стафф опубликует сборники стихов «Высокие деревья», «Цвет меда», в которых обратится к обыденной жизни, в них проявится его юмор и в определенной мере скепсис. Во время оккупации Польши гитлеровцами жил в Варшаве, преподавал в подпольном университете. Трагизм тех лет нашел отражение в сборнике «Мертвая погода». В лирике послевоенного периода (сборник «Девять муз» и др.) поэт отказался от метафоричности, традиционного метрического стиха. Стафф был лауреатом многих литературных премий, почетным профессором Варшавского и Ягеллонского университетов.

Начало XX в. в Польше было связано с пролетарским движением, давшим первые образцы пролетарской поэзии («Варшавянка» В. Свенцицкого, «Красное знамя» Б. Червеньского и др.). В 1918 г. Польша восстановила независимость после 130-летнего порабощения. Литература в эти годы выполняла особые функции: формировала общественное мнение, акцентировала внимание на проблемах национального освобождения. После 1918 г. обостряется борьба идеологий, происходит раскол общества: одни выступают в защиту буржуазного строя (например, поэты группы «Скамандр» отвергали идею патриотического и гражданского служения обществу как навязанную политическими обстоятельствами), другие ратуют за социалистические преобразования, демократию. Об этом можно прочитать в произведениях Ю. Тувима, М. Домбровской, Я. Лехоня, Я. Ивашкевича, З. Налковской.

Мария Домбровская (1889–1965) – классик польской литературы. Известность ей принес четырехтомный роман «Ночи и дни», посвященный жизни Польши рубежа XIX–XX вв. и судьбе трех поколений шляхетской семьи (как «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси), написанный в традициях реализма XIX в. Писатель продолжает традиции Ожешко и Пруса. Она автор сборников рассказов «Улыбка детства», «Люди оттуда». Романы М. Домбровской основаны на личных воспоминаниях, часто автобиографичны.

Ярослав Ивашкевич (1894–1980) – писатель, музыковед, переводчик, литературный критик. Детство и юность прошли на Украине, в польской образованной семье. В доме звучала музыка (родственником по материнской линии был Кароль Шимановский), и Яро-

слав сначала серьезно занимался музыкой, хотел посвятить ей жизнь. С 15 лет зарабатывал уроками музыки, которую называл самым большим искусством, поэтому понятно, почему музыка в жизни людей, муки и радости творчества образуют сюжетную и интеллектуальную основу многих его произведений. В 1912 г. поступил на юридический факультет Киевского университета и одновременно учился в консерватории. Затем в октябре 1918 г. семья переехала в Варшаву, где произошло знакомство с Тувимом, Лехонем, Слонимским. Его жизнью стали богема, эстетизм, кабаре. Потом уходит от этого, пишет повесть «Луна восходит» (о себе, молодом, его любимая книга). В начале 30-х гг. Ивашкевич уже известный писатель. Он автор нескольких поэтических сборников, новелл и рассказов («Анна Граци», «Березняк», «Солнце в кухне»), романов «Красные щиты», «Заговор мужчин», пьес «Лето в Ноане», «Маскарад», художественной биографии-романа «Фредерик Шопен». Мир у Ивашкевича одновременно и прекрасен и несовершенен, человек богат радостью бытия и несчастен. Сложные философские проблемы писатель решает не назидательно, не абстрактно, а воплощает в живых образах, исследует. В поэзии он лирик философской и любовной темы, стилизатор. Во время Второй мировой войны Ивашкевич не прекращает работу, пишет цикл стихов «Темные тропинки», «Итальянские новеллы», книгу воспоминаний. В 60–70-е гг. обращается к свободному стиху, раскрывает правду о гитлеризме, переосмысливает уроки войны, говорит о проблемах поколения, жизни, труде. Итогом размышлений над судьбами народа и человека становится эпопея в трех томах «Хвала и слава» (наподобие «Тихого Дона» М. Шолохова или «Хождения по мукам» А. Толстого). Выступает и как драматург (пьесы «Женитьба господина Бальзака», «Космогония»), публицист, переводчик произведений

Чехова, Толстого, Бунина, Фета, Неруды, Валери. Произведения Я. Ивашкевича переводили на многие языки мира, в том числе на белорусский язык. Опубликованы рассказы писателя в переводе Янки Брыля.

Галерея писателей этого времени будет неполной без **Зофи Налковской** (1884–1954). Она и писатель, и документалист, и художник, и историк. В прозе Налковская – реалист, поднимающий проблемы интеллигенции, рассказывающий об особенностях женской души («Женщины», «Роман Терезы Геннерт», «Ровесницы», «Граница», «Князь»). Ее героиня борется за женские права, социальную справедливость, а любовный сюжет связывает политические проблемы. После Второй мировой войны З. Налковская выполняла обязанности члена комиссии по расследованию преступлений нацистов и готовила документы для Нюрнбергского процесса. Основываясь на материалах комиссии, написала одно из самых значительных произведений послевоенной польской прозы – цикл «Медальоны», состоящий из 7 рассказов. Документальностью пронизана вся книга. Так, в рассказе «Профессор Спаннер» речь идет о научно-исследовательском институте фашистов, где придумали рецепт изготовления мыла из человеческих внутренностей. Есть у нее и политический роман о Пилсудском («Узлы жизни»). Часть жизни Налковская провела в Гродно, где в университете открыт музей писателя.

В межвоенное время в польской литературе было 3 группировки: скамандриты (ратовали за культ жизни, разговорный язык, их герой – человек с улицы), экспрессионисты и футуристы. В 30-е гг. получает распространение литература факта, дневника, репортажа. Роман отходит от привычной семейно-бытовой проблематики, приоритет получает документально-репортажная форма – начинает консолидироваться антифашистский фронт.

Накануне Второй мировой войны самым необычным драматургом-новатором, разрушавшим традиции классического театра и выдвинувшим теорию «чистой формы», был философ, художник, прозаик и драматург **Виткацы** (псевдоним Станислава Игнация Виткевича). Он автор романов антитоталитарного характера «Прощание с осенью», «Ненасытность», не одного десятка экспериментальных пьес («Прагматисты», «Сапожники», «Дюбал Вахазар, или На перевалах Абсурда» и др.). Писатель попытался создать «собственный» язык, синтезировав художественную прозу и философию.

Вторая мировая война принесла горе и в литературу. Часть писателей погибла в концлагерях, как, например, педагог, врач, прозаик и драматург **Януш Корчак** («Дети улицы», «Король Матиуш», «Сенат безумцев», «Как любить детей» и др.), сожженный в газовой камере концлагеря в Трешлинке вместе со своими 200 воспитанниками. Прошел через концлагерь, во время Второй мировой войны несколько лет провел в плену **Константы Ильдефонс Галчиньский** – поэт-лирик, поэт-эксцентрик, поэт-мистификатор. Он создатель сатирического театра «Зеленый гусь», эпиграфом для которого стало высказывание Бомарше «Давайте смеяться, кто знает, просуществует ли мир еще три недели», автор сборника стихов «Лирические песни», стихов «На смерть бабочки, раздавленной грузовиком», «Скумбрия в томате» и др. Используя иронию и сатиру, Галчиньский пытался предостеречь современников от легкомыслия перед надвигавшейся катастрофой, от политических игр, и фантазмагорическая образность, сочетание несочетаемого в стихах, поэтическая игра с течением времени становились все более пессимистичными. После освобождения, в апреле 1945 г., продолжил творчество. Удивительна его поэма «Вит Ствош» о средневековом скульпторе, авторе

алтаря, который тот создавал в одном из костелов Кракова в течение 12 лет, со стоящей у входа фигурой Христа, не по-церковному правдоподобной. (Во время войны алтарь спрятали, но его нашли, вывезли в Германию, а потом все же вернули. В алтаре – сцены жизни Христа и Марии, Успение Богоматери.) В 1951 г. появляется поэма «Ниобея» (это Польша, оплакивающая своих сыновей, погибших на войне, торжественный реквием по павшим). Через концлагерь прошли **Леон Кручковский**, чьи пьесы «Возмездие» и «Немцы» отражают философский подход к пережитому им прошлому, и **Тадеуш Голуй** – автор стихов, повестей, романов «Королевство без земли», «Рай», ряда пьес. «Рай» – роман-разоблачение «научной» деятельности нацистов. Рай – название поместья немецкого профессора, в котором фашисты устроили концлагерь и проводили опыты над пленными, превращая их в полуживых рабов. Главный герой романа – журналист, добивающийся в ФРГ судебного процесса над нацистами, но наталкивающийся на страх некоторых оставшихся в живых заключенных и низость преступников. Таких обличающих произведений в польской литературе того времени было немного. К литературе периода войны следует отнести и литературу Сопротивления, которая создавалась на территории оккупированной Польши.

Семь лет на Западе в изгнании провел **Юлиан Тувим** (1894–1953) – поэт, переводчик (в том числе перевел «Слово о полку Игореве»). Его поэзия – «...простые чуда, тот край, где в лете / Спит старый кот под форточкою чутко на парапете». Поэтического мастерства достиг в сборниках «Чернолесье», «Цыганская библия», незаконченной поэме «Цветы Польши». Он сотворял стихи подобно фокуснику: играл словами, давал неожиданные сочетания, использовал иронию. В 1936 г. написал сатирическую поэму «Бал в опере», конфискованную цензурой и опубликованную только

после войны. В поэме использован контраст в изображении праздной, гуляющей до одури элиты, и бесправной, беспросветной жизни тех, кто кормит, поит, одевает первых. У подъезда к опере – роллс-ройсы, бьюики, прочие иномарки. На сцене, в центре круга, «мечет бликами со сцены быстрых бедер центрифуга», и буквально на каждом шагу

Сыщик сыщику моргает
                                в гардеробе, в бальной зале,
И под крышей, и в подвале,
                                и под сценой, и в буфете,
И в проходе, и в клозете,
                                и в курилке, и в конторе,
В бутафорской, в коридоре,
                                там, где пляшут и рыгают,
Сыщик сыщику моргает...

Переосмысливая библейские мифы и образы, предчувствуя наступление фашизма и предостерегая, поэт говорит в поэме о безумии мира, трагических последствиях, гибели целых народов.

Ю. Тувим – автор эстрадных песен, либретто оперетт, водевилей. Многие знают его еще и как детского писателя. Тувим с детства коллекционировал слова, и не случайно появились написанные им книги по истории нравов, обычаев, языка Польши, филологические труды «Чары и черти в Польше: хрестоматия черно-книжия», «Четыре века польской фразки» и др.

После войны идет восстановление страны, работает Союз польских писателей, утверждается в качестве ведущего метод социалистического реализма. Дальнейшая история польской литературы будет тесно связана с происходившими в общественно-политической жизни событиями.

Важной вехой становится 1956 г., который называют польским Октябрем. Началось крушение эпохи

социалистического реализма, что было связано со смертью Сталина. Изменившаяся политическая ситуация сказалась и на литературе. Стали писать иначе. С упразднением метода социалистического реализма активизировались проза и драматургия, хотя цензура все же существовала. Дебютировало новое поколение писателей, расширились издательские возможности, началась так называемая оттепель. Допустима стала критика тоталитаризма. Определилась, как ее называли, польская дорога к социализму. Однако события в Венгрии 1956 г. (восстание было кроваво подавлено) насторожили поляков.

В литературе появились дебютанты, которых назвали «поколение-56». Это прозаики **М. Хласко** (позже эмигрировал, вернуться на родину ему не разрешили), **М. Новаковский**, **В. Терлецкий**, поэты **В. Шимборская**, **С. Гроховяк**, **З. Херберт**. За ними внимательно следили старшие писатели – Ивашкевич, Анджеевский, из эмигрантов – Гомбрович, Парницкий.

Активно развивалось после 1956 г. творчество **Станислава Лема** (1921–2006), врача по образованию, литературный дебют которого состоялся в 1946 г. С. Лем – ведущий автор национальной научно-фантастической литературы, прозаик, драматург, критик, оригинальный философ. Один за другим появлялись его романы «Астронавты» (об экспедиции на Венеру), «Магелланово облако» (увлекательное произведение о будущем коммунистическом обществе), сборники рассказов «Сезам», «Вторжение с Альдебарана». В сфере интересов С. Лема оказывается и кибернетика. В начале 50-х гг. Лем-писатель побеждает Лема-ученого. В 60-е гг. создаются «Сказки роботов», «Рассказы о пилоте Пирксе», «Возвращение со звезд»,

«Сумма технологии», «Солярис» (вершинное, неоднократно экранизированное произведение о контакте с иным Разумом), «Голос Неба» (размышление о современной цивилизации, границах научного познания). Кроме этого были опубликованы романы «Мир на Земле» (1988) – о перспективах разрабатываемых на Луне новых систем оружия, «Человек с Марса» (1997), второй том «Фантастики и футурологии» (2004). С. Лем остается авторитетом как для ценителей научной фантастики, так и для любителей жанра философской притчи. К концу XX в. были переведены на русский язык и изданы все художественные произведения писателя. Осуществлены также переводы и на белорусский язык. Книги С. Лема переведены на 25 языков мира, а их общий тираж приближается к 10 млн экземпляров. Сегодня большой популярностью пользуются аудиокниги по его произведениям. Используя научно-фантастический прием, С. Лем ставит серьезные философские и нравственные проблемы. Герой Лема находится в неизвестных для него условиях, поставлен перед моральным выбором, к которому он и подготовлен и не подготовлен, вследствие чего вынужден рисковать жизнью. Но он обычный человек, как и мы. И все проблемы, требующие решения на других планетах, ответственность, которую он возлагает на себя, – все оказывается по плечу человеку, ибо нет пределов человеческим возможностям и способностям. Рассказ об этом делает книги Лема всегда интересными. Кроме названных произведений, Лем написал роман-антиутопию «Эдем», детективный роман «Следствие», автобиографический роман «Высокий замок», эссе по проблемам науки о литературе «Философия случая» и многое другое. У него не все бесспорно, книги по-разному можно читать и трактовать, но именно это и интересно.

Во второй половине 60-х гг. в литературу приходит поколение писателей «новой волны», или «поколение-68»,

ярчайшими представителями которого были поэты **Е. Липская, С. Бараньчак, А. Загаевский, Р. Крыницкий** – современные, оппозиционные существующей власти писатели, остро реагирующие на происходящее в стране. Для их поэзии характерны критическое отношение к действительности, языковые эксперименты, ломка политических стереотипов, отказ от шаблонов. Сегодня Адам Загаевский (р. 1945), например, один из наиболее известных в мире польских поэтов, лауреат многочисленных литературных премий и других наград. В свое время публиковался в самиздате, жил во Франции, в 2002 г. вернулся на родину. Рышард Крыницкий (р. 1943) на протяжении последних двадцати лет вместе с женой издает современную польскую поэзию, в частности недавно увидел свет фолиант «Собрание стихотворений» Збигнева Херберта. Прозу «новой волны» представляли **Т. Конвицкий, М. Новаковский, С. Киселевский** и др. Многие официальные государственные издательства не печатали, возможность публикации предоставляли независимые издательства. Например, плодовитый писатель **Марек Новаковский** (1935–2014) публиковался за границей, его наказывали власти, но он оставался верен избранному пути. В 60-е гг. его называли певцом социального дна, в 80-е – тенденциозным компроментатором прислужников тоталитарной системы, в 90-е – радикальным критиком современной Польши с ее бессильными законами, социальным беспорядком, капитализацией. Об этом произведения «Этот старый вор», «Червяки». Работа «Мой словарь ПНР» (2002) представляет собой каталог абсурда и подлости периода социалистической Польши. Но есть у Новаковского и лирические произведения, например, очаровательный цикл «Отблески».

Перу Тадеуша Конвицкого (1926–2015) принадлежат произведения «Ничто или ничто», «Общественный сонник», «Чтиво», «Хроника любовных происше-

ствий», «Малый апокалипсис», «Польский комплекс», в которых речь идет о деградации человека в условиях тоталитаризма. Прозаик часто использует мотивы сна, видений, абсурда. В его творчестве сильны литовские мотивы.

60-е гг. XX в. в польской литературе связаны с развитием деревенской прозы. Пример – произведения **Юлиана Кавальца**, мастера философского осмысления судеб, психологии крестьянина («Танцующий ястреб», «Ищу дом»). О деревне писал **Веслав Мысливский** («Голый сад», «Замок», «Камень на камень»). С начала 60-х гг. изменилась в плане изображения человеческих характеров и проза о Второй мировой войне (произведения Т. Голуя, Е. Анджеевского и др.).

Ежи Анджеевский (1909–1983), начавший литературный путь в 1932 г., по праву считается классиком польской литературы. Он очень любил поэзию, но никогда не позиционировал себя как поэт, хотя названия многих его произведений связаны с поэзией, например, название реалистического романа «Пепел и алмаз» (А. Вайда снял по этому произведению фильм). Анджеевский выступал как прозаик, драматург, кинодраматург. Дружил с Я. Ивашкевичем, Ч. Милошем, любил прозу Л. Толстого (толстовское «не могу молчать» было и его кредо). Издал сборник рассказов «Ночь», тематически связанный с оккупацией Польши (в нем есть рассказ об Освенциме). Свойственное писателю неприятие национальной розни нашло отражение в повести «Страстная неделя», где речь идет об уничтожении евреев. Роман «Врата рая» повествует о молодых людях, сборник рассказов «Золотой лис» – о подростках, их внутреннем мире. Роман «Тьма покрывает землю», как и «Врата рая», – произведение иносказательного характера. Автор рассказывает об испанской инквизиции, ставшей метафорой мира современного. Когда в 1968 г. войска стран Варшавского

договора вступили в Чехословакию, он не молчал. В результате роман «Мезга» («Месиво»), написанный в 70-е гг., по цензурным соображениям не был напечатан, его опубликовали только в 1981 г. Это роман о написании романа, о невозможности его создания, о хаосе как кризисе тоталитарной системы коммунизма. Е. Анджеевский описал все блестяще, но диагноз тоталитарной системе в Польше так и не поставил, выводов не сделал. Уже после смерти писателя вышла еще одна его книга.

60–70-е гг. отмечены расцветом поэзии **Тадеуша Ружевича** (1921–2014) – выпускника Ягеллонского университета, в дальнейшем самого почетного доктора ряда университетов Польши, лауреата множества премий, автора не одного десятка поэтических и двадцати прозаических и драматургических сборников (например, стихотворные сборники «Избранное», «Стихотворения и поэмы», «Выход», «Купи кота в мешке», «Рельеф», «То и это» и др.). Его называют поэтом-турпистом, выступающим против всевозможных штампов (сборники стихов и рассказов «Зеленая роза», «Третье лицо», «Смерть в старых декорациях»). Мир художественной фантазии демонстрирует творчество поэта **Станислава Гроховяка** (1934–1976), автора сборников «Канон», «Охота на тетеревов».

Во второй половине XX в. популярность приобретает прозаик **Ежи Ставинский** (1921–2010), молодость которого пришлась на военное время. В зрелые годы он будет выполнять функции главы секции киносценаристов, редактора издательства, директора киностудии. Произведения Ставинского посвящены в

основном темам Второй мировой войны, оккупации. В конце 60-х гг. бестселлером становится повесть «Час пик», рассказывающая о жизни современного горожанина. Работа, карьера, семья, любовница – все вмиг приобретает иной смысл после услышанного главным героем страшного диагноза. Готовясь умереть, он подводит черту под своей жизнью. Но смерть отменяется, впереди долгая жизнь. И главное теперь, как говорится в повести, – «дорого доставшийся... опыт не должен пропасть даром», а пока герой торжественно ставит себе «по всем предметам заслуженную двойку».

В 1968 г. после событий в Чехословакии⁸ в Польше начались забастовки, потом аресты. Более 10 тысяч представителей польской интеллигенции выехало из страны. Среди тех, кто тогда уезжал начинающими литераторами, сегодня известные писатели (например, С. Бараньчак (1946–2014), живший в Америке). После 70-х гг. начинает развиваться подпольная литература. Характерной особенностью литературной Польши этого времени было наличие самиздата.

В 1981 г. в политической жизни страны произошел поворот. Появилось общество «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой. В 1989 г. «Солидарность» пришла к власти, Валенса стал президентом Польши. В мае 1989 г. был образован независимый Союз польских писателей, председателем которого стал Юзеф Шчепаньский. С 1996 г. Валенса уже не президент. Сейчас в Польше правит сейм во главе с президентом.

---

⁸ В ночь на 21.08.1968 г. в Чехословакию были введены войска пяти стран Варшавского договора. Операция, получившая кодовое название «Дунай», преследовала цель прекратить происходивший в ЧССР процесс политических и экономических реформ, инициированных первым секретарем ЦК КП Чехословакии А. Дубчеком – «Пражскую весну», когда Чехословакия начала демонстрировать все большую независимость от СССР.

Литература 80–90-х гг. XX в. представлена поэзией 40-летних – Б. Май, А. Павлак, С. Бараньчак («Атлантида», «Послание с того света»), А. Загаевский («Поездка во Львов», «Письмо», «Песенка эмигранта»). Тематика их произведений – осмысление проблем бытия, поиски правды и истины, желания, которые не осуществимы, тема эмиграции, мотив тоски и уединения, беспомощности перед обстоятельствами.

С огромным интересом был принят условно поздний дебют Е. Рыльского, опубликовавшего два рассказа – «Станкевич» и «Возвращение», что-то вроде исторической прозы времен революционной России и гражданской войны с философским подтекстом; вышел том прозы «Только холод». Жанр исторического романа обновляет в своем творчестве **Геодор Парницкий** (роман «Серебряные орлы»). Выделяется проза **Тадеуша Конвицкого**, рисующего гротескные, символические образы современной Польши («Восходы и заходы луны», воспоминания, книга «Вечерние зори»); **Анджея Шчыпёрского** (повесть «Начало» принесла ему мировую известность); **Юлиана Стрыковского** (повесть «Эхо», роман «Австерия»).

В 1986 г. в Польше впервые печатается собрание сочинений **Витольда Гомбрóвича** (1904–1969) – парадоксального, эпатажного прозаика и драматурга со сложной судьбой. В конце 60-х гг. XX в. он был признан в Европе, переведен на многие языки мира, но практически неизвестен у себя на родине. А началось все с 1934 г., когда, оставив юриспруденцию и издав книгу полуфантастических психологических рассказов «Записки подросткового периода», он полностью посвятил себя литературе. За неделю до начала Второй мировой войны выехал из Польши, прибыл в Буэнос-Айрес, остался, что дало повод части современников обвинить его в отсутствии патриотизма и в трусости.

Только в 1953 г. во Франции выходят из печати драма «Обет» и повесть «Транс-Атлантик» (о скептическом отношении к отечественной культурной традиции), а в 1967 г. роман «Космос» (о взаимосвязи между ходом событий и их глубинным смыслом). Переведены на русский язык его романы «Фердидурка», «Порнография». В. Гомбрович автор трехтомного «Дневника» – самого откровенного автопортрета в польской литературе. Писатель считается представителем театра абсурда (пьесы «Брак», «Оперетка», «Венчание», «Ивонна, принцесса Бургундская»), сочетает авангардизм и морализаторство. У его произведений масса прочтений, ассоциаций. Так, в центре «Фердидурки» (варианты перевода названия: дураковаление, измыывание над ..., натягивание на кого-либо нелепейшую морду) история творческой личности, развитие темы «зрелость – незрелость», от детства до зрелости. Под внешне абсурдным сюжетом скрыта философия человеческих отношений. Одновременно это сатира, подчас и пародия, на образование и школу, литературоведов и критиков. Это новый тип повествования – смесь романа семейного, автобиографического, сатирического, реалистического и модернистского – универсального, его прочитывают по-разному. Пересказать содержание сложно, можно, но не это является главным и необходимым. Главное – свобода личности, человек – движущая сила мироздания, стремящаяся разрушить схемы и стереотипы и одновременно создающая все эти схемы и стереотипы, иными словами, у писателя особая, гомбровичская, концепция личности. Были попытки объяснить метод Гомбровича связью с Хайдеггером или Сартром, т. к. многие их идеи совпадают. Однако произведения Ж.-П. Сартра появились позднее высказанного польским писателем.

Литературным достоянием второй половины XX в. являются лучшие образцы художественно-доку-

ментальной прозы в лице ее создателей **К. Брандыса, Т. Брезы, А. Кусьневича, Я. Парандовского**. Например, Парандовский написал романизированные биографии О. Уайльда («Король жизни»), Ф. Петрарки («Петрарка»), повесть «Возвращение к жизни», в популярной для молодежи форме пересказал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера.

Говоря о современной польской литературе, нельзя забывать и о С. Леме – мэтре как в научной фантастике, так и в жанре философской притчи. Мастером иронического детектива признана **Иоанна Хмелевская** (1932–2013), автор более пятидесяти книг, общий тираж которых доходит до 10 млн экземпляров. Среди самых известных «Что сказал покойник», «Лекарство от любви» и др. Она писала одновременно по три детектива. Об экранизации своих произведений говорила, что они не имеют никакого отношения к ее творчеству.

Список женских имен писателей в современной польской литературе пополнила прозаик, лауреат премий Польского общества книгоиздателей, премии «Нике» **Ольга Токарчук** (р. 1964). Автор романов «Путь людей Книги», «Правек и другие времена», «Дом дневной, дом ночной», «Последние истории», «Бегуны», сборника рассказов «Игра на разных барабанах» и др. Одна из ведущих польских газет утверждает, что О. Токарчук удалось почти невозможное – ее произведения высоко оценили не только читатели, но и литературные критики, а восторженные рецензии на книги можно встретить в самых известных мировых изданиях. Ее произведения переведены на десятки языков, в том числе и на белорусский язык. Некоторые из произведений О. Токарчук экранизированы.

На полки книжных магазинов вернулись писатели, ранее забытые, например **Сергей Песецкий**, прославивший в своих романах белорусский довоенный Ра-

ков. На минской книжной выставке 2014 г. поклонники его таланта активно покупали произведения, выпущенные издательством «Регистр». А в Польше роман С. Песецкого «Любовник Большой Медведицы» оказался лидером в жанре польской приключенческой прозы XX в.

Литературу фэнтези представляет **Анджей Сапковский** (р. 1948), один из пяти самых издаваемых в Польше писателей. Самое знаменитое произведение – новеллу «Ведьмак» – написал в 1986 г. Из нее потом получилась семитомная сага, наполненная элементами и героями славянского фольклора (Старичок-лесовичок, Кикимора, Дева Мора, Живия – богиня живой природы у славян). Произведения отличает реалистичность, красочность и подробность описания, иногда излишне эротичные и шокирующие откровения и язык. В конце XX – начале XXI в. им написаны «Кровь эльфов», «Крещение огнем», «Владычица озера», «Испанский крест», «Змея» и др. А. Сапковскому принадлежит авторство критических статей о фэнтези («Пособие для начинающих писателей фэнтези», «Меч, магия, экран» и др.), сюжета очень популярной в Польше книги-игры «Око Иррдеса». За заслуги перед польской культурой писатель в 1998 г. был удостоен престижной премии «Passport».

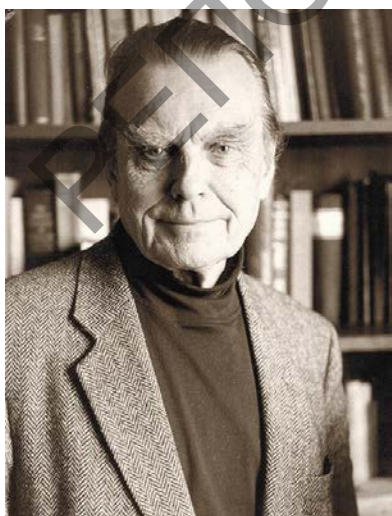
Литература конца XX – начала XXI в. представлена прозой молодых писателей, довольно жестко критикующих современную цивилизацию и ее представителей: банковских служащих, шоу-бизнес, рекламщиков, бизнесменов и т. п. Вводя действительность в состояние фантазмагии, соединяя реалистическое с мистикой, экспериментируя с языком, они создают ощущение тупиковости жизни. В качестве приемов используются монолог, коллаж, аллегория, а языковые новации, сленг и вульгаризмы воспринимаются адекватно и естественно как признак современности.

Заставила о себе заговорить молодая писательница (дебютировала в 17 лет) **Дорота Масловская** (р. 1983 г.), разделившая критиков и читателей на два лагеря: принимающих и обличающих написанное ею. Она автор романов, ставших коммерческими бестселлерами: «Польско-русская война под бело-красным флагом» (2005), «Павлин королевы» (за это произведение ей присуждена премия «Нике», которую называют «польской Нобелевкой»), а по драме «У нас все хорошо» (2008) был поставлен спектакль, представленный в 2010 г. на Московском фестивале «Золотая маска». В произведениях автор использует фантастические языковые конструкции как инструмент создания текста, что позволяет критикам называть их то хип-хопом, то рэпом. Но в пьесе «Двое бедных румын, говорящих по-польски» (2006) Д. Масловской, по ее признанию, «язык... пришлось сильно обуздать, свести к реальности» («Иностранная литература», 2008, № 7, с. 133). Предмет исследования автора – жизнь Польши, ее представителей, их пороков. Жесткость манеры писательницы дает ей возможность открыто говорить о современном мире, его фальшивых ценностях. Кроме Д. Масловской можно назвать таких писателей, как С. Смута («Отходняк»), М. Дзидо («Устрица»), М. Кохан («Баллада о добром качке»). Писательским талантом обладает Магдалена Тулли – прозаик-постмодернист, дебютировавшая в 1995 г. книгой-антиутопией «Сны и камни», о которой писательница сказала, что ее произведение – книга не о городе, а о жизни и смерти. Потом будут и другие работы, среди которых романы «Изъян» (2006), «Контролер снов» (2007) и др.

Европейским бестселлером стало произведение **Януша Вишневского** (р. 1954) «Одиночество в Сети» (2001), герои которого – душевно одинокие люди – не могут быть вместе. Они общаются, встречаясь на интернет-чатах, откровенно делятся своими жизненными

историями, перипетиями, эротическими фантазиями. Начало книги и одновременно ее лейтмотив – «Из всего, что вечно, самый краткий срок у любви» – заставляет задуматься. Три года книга была бестселлером, по ней в 2006 г. снят кинофильм, одну из ролей в котором сыграл сам автор. Первым из польских писателей Я. Вишневский опубликовал свой e-mail, объясняя это тем, что герои книги пользовались Интернетом, после чего получил около 50 тыс. писем от читателей из разных стран. Придя в литературу из науки, которой Вишневский серьезно занимался (имеет степень доктора информатики и доктора химических наук), он опубликовал такие произведения, как «Повторение судьбы», «Зачем нужны мужчины?», в 2008–2010 гг. выпустил в свет книги «Молекулы эмоций», «Интимная теория относительности», «Аритмия чувств» и др., в 2013 – роман «На фейсбуке с сыном», сборник эссе «Сцены из супружеской жизни». Его по-прежнему интересуют проблемы человеческих взаимоотношений, диссонансы жизни и любви, мир вокруг нас.

В последние годы польские издатели засыпали читателей новыми именами, литературными новинками, не все из которых представляют художественную ценность. Но выбор огромен.

Поэзию XX в. невозможно представить без лауреата Нобелевской премии 1980 г. **Чеслава Милоша** (1911–2004). Сам себя он определил так: «польский писатель литовского происхождения». Учился в Вильно, Париже. Дебютировал в 1931 г. в университетском журнале. Кроме стихов писал прозу философского, мемуарного,

историко-литературного, исторического содержания. Писатель использовал как традиционные, так и экспериментальные и даже авангардные приемы.

Первая книга стихов «Поэма о застывшем времени» и вторая, «Три зимы», были опубликованы в 30-е гг. XX в. Во время Второй мировой войны вместе с Е. Анджеевским организует андеграундную литературную жизнь Варшавы: книги, журналы, конкурсы. (Совместными усилиями Ч. Милош, Е. Анджеевский и поэт Е. Загурский издадут антологию «Непокоренная песнь. Польская поэзия военного времени».) Ч. Милош интенсивно работает: пишет книгу стихов «Спасение», эссе о литературе, ведет переписку с Анджеевским, опубликованную в 1996 г., изучает английский, переводит Элиота и Шекспира. С 1945 г. находится на дипломатической службе (США, Франция). В 1951 г. писатель решил не возвращаться в коммунистическую Польшу и с 1961 г. жил в США, преподавал славянские языки и литературу в университете г. Беркли (Калифорния). Его книги начинают издавать на родине с 1986 г. К польскому читателю Ч. Милош вернулся в ореоле Нобелевского лауреата, пророка и культового писателя. Самые известные работы – сборники «Дети Европы», «Моральный трактат», «Хроники», «На берегу реки», «Год охотника», «Другой простор», поэма «Нравственный трактат», книга прозы «Порабощенный разум» (о влиянии тоталитаризма на личность художника), «История польской литературы» на английском языке.

Особое место в современной польской поэзии занимает лауреат Нобелевской премии 1996 г. **Вислава Шимборская** (1923–2012). Она училась в Ягеллонском университете. Изучала филологию и социологию. Первые два сборника реалистических стихов о войне, родине появились в начале 50-х гг. Третий сборник вышел во времена польской оттепели («При-

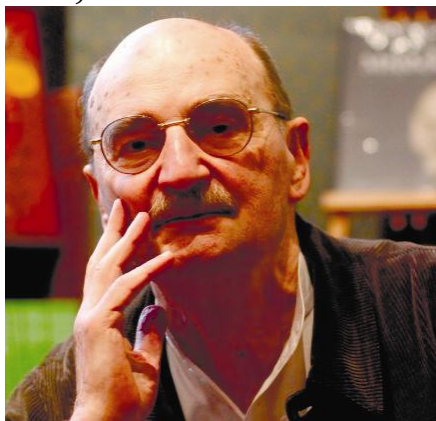

звывы к йети»), в нем пессимистичные, антиутопичные взгляды на жизнь уравновешены шуткой, игрой, надеждой. В дальнейшем преобладающими становятся философские мотивы, лиричность личных переживаний смещается в сторону человека вообще, стих приобретает характер то эссе, то проповеди. Литературные критики говорят о Шимборской как об интеллектуальном, философском поэте. После издания четвертой книжки стихов «Соль» о ней заговорила вся Польша. Потом будут «Потому и живем», «Избранные стихи», «В реке Гераклита», «Реабилитация», «Конец и начало». В центре поэзии Шимборской – человек, его отношения с изменяющимся миром. Поэт описывает судьбу, роль человека в истории, передает драматизм человеческой жизни; ее творчество философично. Всего издано около двух десятков сборников стихов, среди которых «Большие числа», «Люди на мосту», «Минута», «Двоеточие», «Избранное», посмертно опубликованный «Довольно». По словам С. Бараньчака, собрата по перу и литературоведа, В. Шимборская «противостоит меняющимся модам и остается собой, а тем не менее то и дело опережает антропологов, психологов, социологов, историков, политологов и других поэтов в умении ухватить суть того, что беспокоит нас и болит в современном мире и в нашей человеческой природе...».

Соотечественники прочли посмертный том поэзии **Мечислава Яструна** (1903–1983). Появилось целое поколение поэтов, пишущих об антиурбанизации, создающих авторскую песню. Поэзия сегодняшней Польши – эксперименты со словом.

В области драматургии второй половины XX в. выделим имена **С. Мрожека** («Танго», «Счастливым случай», «Эмигранты»), **Я. Парандовского** (драма «Медея»), **Т. Ружевича**, причисляемого к представителям театра абсурда. На его счету более 15 пьес-новаций, в которых нет действия, а героем становится обычный человек. Самые известные пьесы – «Картотека», «Мышеловка».

Славомир Мрожек (1930–2013) учился на архитектурном факультете Краковского политехнического института и посещал Академию художеств. Начал с работы в газете. Первой своей серьезной работой считает сборник коротких рассказов «Слон» (1957), многие выражения из которого стали крылатыми. Потом будут сборники «Свадьба в Атомцах», «Прогрессист», «Дождь», отличающиеся традициями польского юмора. Кроме того, он автор карикатур («Польша в картинках»); позже, в 1982 г., вышла книга «Рисунки». Графика и слово у Мрожека связаны: рисунок снабжается диалогом или короткой подписью, так что друг без друга они существовать не могут, а иногда они вообще напоминают комиксы. Мрожек – свободный художник, рисовал то, что видел: табличку с надписью «Светлое будущее» и удирающего человечка оттуда, куда табличка указывает. Но он не только «политический художник». Его рисунки о сложной борьбе добра и зла, проблемах с детьми, ловушках любви, животных. С 1963 г. жил в Италии, в 1968 г. переехал в Париж. Остро критиковал события 1968 г. и не вернулся на родину, где его просто запретили. В 1973 г. издал книгу «Два письма». Добровольное изгнание закончилось возвращением на родину с приходом к власти политического объединения «Со-

лидарность». Критикуя новую власть после разгрома «Солидарности», вновь оказался под запретом, уехал. С 1987 г. жил в Мексике, написал «Мою автобиографию», а после принятия решения вернуться на родину начал вести «Дневник возвращения». С 1998 г. жил в Польше. В 2008 г. опять уехал. Поселился во Франции. Умер в Ницце. Прославился как драматург театра абсурда: пьесы «Полиция», «Стриптиз», «Танго», «Эмигранты», «Контракт», «Портрет», «Любовь в Крыму». Способом театрального гротеска, парадокса жизненные ситуации в пьесах предельно обостряются, укрупняются, нагнетаются драматургом, и все становится абсурдно и не нравоучительно. Пьесы многократно ставились в театрах, экранизированы. «Эмигрантов» экранизировали три раза, «Танго» – четыре. Он автор книг «Короткие письма», «Доносы», «Рассказы» и др. В Польше на драматургии С. Мрожека выросло не одно поколение зрителей, в печати появилось почти все, им написанное. Ставили и смотрели с интересом его пьесы и в русских, и в белорусских театрах. В 2002 г. писатель присутствовал в качестве почетного гостя, корифея театра абсурда на театральном фестивале в Санкт-Петербурге. В конце XX – начале XXI в. на русском языке вышли сборники рассказов «Хочу быть лошастью», «Театр парадокса», «Удивительные истории из разных книг и журналов. 1953–1993», «Тестариум. Избранные пьесы и проза», «Дневник возвращения. Рассказы».

История польской литературы была бы неполной без блестящего мастера афоризмов, поэта **Станислава Ежи Леца** (1909–1966). (Выбранное им производное от фамилии отца – де Туш-Летц. Лец на идише означает «клоун», «пересмешник».) Учился в Вене, затем во Львове, где в 1933 г. появился первый сборник его стихов «Barwy» («Цвета»), фразки из которого высоко оценил Ю. Тувим. Во время Второй мировой

войны поэт оказался в концлагере. При повторной попытке бегства он был схвачен, приговорен к расстрелу. Эсэсовец, заставивший Леца копать себе могилу, был лопатой им зарублен. Переодевшись в форму своего мучителя, С. Лец добрался до Варшавы, работал в подпольной прессе, партизанил, участвовал в боях, за что получил Кавалерский Крест ордена «Polonia Restituta» (Возрожденная Польша). Послевоенные годы ознаменовались выходом томика стихов, посвященных военному лихолетью, сборников сатирических стихов и фразек, работой атташе по вопросам культуры в Вене. Затем будет время жизни в Израиле, тоска по оставленной родине и как результат возвращение в Польшу в 1952 г. Только после оттепели С. Лец получил полную свободу творчества и издал антологию «Из тысячи и одной фразки» (это двух-четырёхстрочные стихи-эпиграммы). Ему принадлежат знаменитые афоризмы «Вначале было Слово – потом появилась Фраза», «Иногда надо замолчать, чтобы тебя услышали», «Чтобы добраться до источника, надо плыть против течения», «В каждой стране вопрос Гамлета звучит во-своему», «Верующий ли я? Об этом один Бог знает», «Все уже давно написано. По счастью, не обо всем подумано» и др. Книга «Почти все» – наиболее полное собрание сочинений С. Леца. В нее вошли и знаменитые «Непричесанные мысли», и не столь известные «Непричесанные мысли из записных книжек и салфеток», и так называемые «Фразки» – комические двустишия, и подборка стихов из разных сборников.

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сербы относятся к южной группе славян, однако в XIX в. их называли западными славянами. Например, у А. Пушкина есть произведение «Песни западных славян», в котором речь идет о сербском эпосе. Сербское национальное движение было горячо поддержано русским народом. В русской армии служил Милорадович – генерал, герой Отечественной войны 1812 г. Севастополь строил серб Войнович. В XIX в. южные славяне воспринимались в России как кровные родичи, друзья-единоверцы, политические и военные союзники. В восстании одного из балканских народов принимал участие русский писатель-народоволец С. Степняк-Кравчинский. Имея военную специальность, он командовал единственной пушкой, бывшей на вооружении повстанцев. Интерес к сербам долго не угасал. Произведения сербской литературы переводили Майков, Щербина, потом поэты некрасовского направления Михайлов, Минаев, Трефолев, в XX в. – Ахматова, Исаковский, Кирсанов, Тушнова, Друнина, Куняев, Рождественский.

Сербская литература – одна из национальных литератур бывшей Югославии. Истоки сербской литературы восходят ко времени деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия (вторая половина IX в.). Конец XII – начало XIII в. – начало сербской литературы. Древняя и средневековая литература – это литература, развивающаяся на сербскохорватском языке и имевшая преимущественно церковно-дидактический характер (жития, летописи, «похвалы», песни). Значительными литературными памятниками можно назвать

«Кодекс царя Душана» и красиво иллюстрированное Мирославово Евангелие XII в. В конце XV – начале XVI в. зародилось сербское книгопечатание. Однако длительное время развитие литературы сдерживало османское иго, литература сосредоточивалась в монастырях, а когда сербское государство погибает, писатели-монахи ищут прибежища в России, поэтому наиболее полно жизнь сербского народа отразилась в фольклоре, особенно в поэзии. На развитие сербской литературы, в частности драматургии, оказала влияние народная баллада «Хасанагиница», снискавшая мировую известность. Она переведена более чем на 30 языков мира, в числе переводчиков оказались И. В. Гете, Вальтер Скотт, Ш. Нодье, А. Ламартин, А. Пушкин, А. Ахматова и др. Сюжет баллады не однажды использовали сербские деятели искусств – драматурги, поэты, режиссеры. В России о ней узнали в конце XVIII в.

Культурное возрождение сербов связывают с XVIII в. и именем просветителя Доситея Обрадовича, заложившего основы светской литературы. Духовный подъем усиливается в первой половине XIX в. Выдающуюся роль в национальном возрождении сыграл **Вук Караджич**, сделавший перевод Нового Завета на сербский язык. Филолог, историк, фольклорист, он осуществил реформу сербского литературного языка, составил грамматику и словарь на основе народной речи, способствовал формированию новой сербской литературы.

В 40–60-е гг. XIX в. происходит расцвет романтизма. Наиболее видный писатель-романтик – **Бранко Радичевич**, кумир многих поколений сербской молодежи, выразивший в поэзии идеи сербского национального возрождения. Сербский романтизм тяготел к героическому, национально-патриотическому, что ярко проявилось в творчестве П. Негоша (поэма «Горный венец»), Л. Костича (трагедии на сюжеты из национальной истории). Уже у романтиков стали проявлять-

ся реалистические тенденции, а с 60-х гг. поворот к реализму оказался очевиден. У реалистов, например, **Милована Глишича** – знатока и бытописателя сербской деревни, переводчика, в частности «Войны и мира» Л. Толстого, – преобладала проза и жанр романа. В литературе нарастал социальный критицизм, углублялся психологический анализ. В конце XIX – начале XX в. получает развитие сербский модернизм (произведения Йована Дучича, Милована Ракича), в поэзии которого наряду с изяществом формы, эмоциональностью, лиризмом прочитывается философия индивидуализма и любовь к родине.

После Первой мировой войны в сербской литературе заявляют о себе писатели так называемого потерянного поколения (М. Црнянский, Д. Васич и др.). В 1918 г. было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия). Появились так называемая социальная литература, опирающаяся на революционную идеологию (например роман Б. Чосича «Скошенное поле»), сюрреализм (произведения А. Вучо), в 20-е гг. XX в. возник экспрессионизм (М. Црнянский), выразивший глубокую неудовлетворенность современника, его бегство от действительности. Вначале вызвавший интерес ко второй половине 20-х гг. экспрессионизм ослабевает и теряет свое влияние.

Во время Второй мировой войны многие сербские писатели участвовали в борьбе против захватчиков и продолжали литературную деятельность (Б. Чопич, М. Лалич и др.). После освобождения, в 1945 г. было организовано Общество сербских писателей, объединившее писателей-антифашистов, а в 1946 г. состоялся I съезд писателей. Но уже в середине 50-х гг. в сербской литературе происходит размежевание между писателями-реалистами и писателями – представителями модернистских течений. Появляются и новые течения, например, в поэзии так называемый абстрактный ин-

теллектуализм (произведения М. Павловича, И. Христича). Отмечаются попытки синтезировать реализм и модернизм («Солнце далеко», «Разделы» Д. Чосича, «Переселение» М. Црнянского и др.).

Панорама литературной жизни отражала общественно-политические события в стране, что понятно, т. к. в те годы связь и зависимость литературы от общественной ситуации были очень мощные. Поэтому рассматривать прозу, поэзию, драматургию следует с учетом их идейной, художественной, эстетической значимости, образно-художественных средств, тематики, жанровых особенностей. Назовем несколько ярких фигур, дающих представление о времени и литературе. Это известнейшие и популярные писатели XX ст. – прозаики **М. Лалич**, **Б. Чосич**, **И. Андрич**, **М. Павич**; поэт гуманистического и общественного звучания **Д. Максимович**; поэт, чьи стихи стали манифестом «потерянного поколения», переводчик, составитель антологии китайской и японской поэзии, драматург **М. Црнянский**; поэт, прозаик, переводчик, номинированный на Нобелевскую премию по литературе **Д. Киш**; драматурги **М. Джурджевич**, **Дж. Лебович**, **А. Попавич**.

Михаиле Лалич (1914–1992) – писатель-реалист, интересовавшийся морально-этическими и психологическими проблемами. В 1941 г. стал участником движения Сопротивления, был схвачен гестапо и приговорен к смертной казни, однако бежал из концлагеря и присоединился к греческим партизанам. Серьезно и профессионально занялся писательством в послевоенные годы и получил признание за цикл романов о борьбе против фашизма («Свадьба», «Злая весна», «Облава», «Лелейская гора» – произведение, считающееся одним из самых значимых психологических фантастических романов, написанных после Второй мировой войны). В 60–80-е гг. являлся членом Сербской академии наук и искусств, автором сборников но-

велл «Гости», «Пустынная земля», романов «Узники», «Когда гора оденется зеленью» и др.

Особое место в сербской поэзии заняла **Десанка Максимович** (1898–1993). Детство будущей писательницы прошло в провинции. Любовь к родному языку, национальным корням всегда будет ощущаться в ее творчестве, станет источником поэтического вдохновения. Она училась в Белградском университете, Сорбонне, защитила магистерскую диссертацию о Жанне д'Арк, учительствовала в гимназии. В 60-е гг. XX в. была избрана членом-корреспондентом Сербской академии наук и искусств. Поэтический успех пришел в 1924 г. (время выхода первого сборника под названием «Стихи»). Писала в основном верлибром с нерегулярной рифмой. Читателей привлекали в стихах поэта реалистичность изображения людских судеб, народных характеров (сборники «Новые стихотворения», «Поэт и отчизна»). Альтруизм, патриотизм, глубокое чувство любви лейтмотивом проходят через все ее творчество. Традиционными для произведений являются темы войны и мира, добра и зла, свободы и насилия, преступления и наказания. Особое внимание в творчестве уделено теме войны. Пронзительно звучит она в стихотворении «Детская косичка в Освенциме»: «... Вот палачи ледяные – банды их ясно вижу – / Косят людские волосы, мечут в стога большие. / Легкие детские локоны ветер уносит выше, / В грузные копны сложены женские косы густые. / Слово шерсть настриженную, словно руно овечье, / В кучи их кто-то сваливает и припинает ногами. / Вижу – пылают яростью большие глаза человечьи, / Вижу старух испуганных рядом со стариками...».

Стихотворение «И триста – много» пронизано болью за потери, которые принесла Вторая мировая война: «... Мало здесь значит слеза пролитая, / Слово любое здесь значит мало. / Мертвые немые, и я умолкаю. / Только триста здесь их пало, / Это для них бесконечно много».

Стихотворение «Кровавая сказка» стало откликом на террор оккупантов в Крагуеваце в 1941 г., когда были уничтожены 7000 жителей, в том числе 300 школьников. На мемориальном памятнике жертвам фашизма высечены строки из стихотворения Десанки Максимович. «Кровавая сказка» подвигла белорусов П. Панченко к написанию одноименного произведения «Боль Сербии» и Я. Сипакова – работы «Урок. Сербская балада XX стагоддзя».

В послевоенное время появились сборники стихов «Запах земли», «Пленник снов», «Говори тихо», книга «Требую помилования: Спор поэта с Законником царя Душана» (в ней деспотизм и гуманизм перекликаются в разных веках, вступают в диалог и придают произведению актуальность и злободневность). Д. Максимович является автором романов «Открытое окно», «Мятежный класс», «Не забыть», «Прадевочка», нескольких сборников рассказов. Ей написано более 30 книг в стихах и прозе для детей.

Самыми плодотворными для Максимович были 70–80-е гг. XX в. (сборники «Нет больше времени», «Ничья страна», «Рубежи памяти»). Будучи в преклонном возрасте, поэт издает сборник стихов «Слово о любви», в котором романтически прекрасно передает ощущения жизни и ее неисчерпаемость. В 1987 г. увидели свет еще два сборника стихов – «Бабье лето» и «Фестиваль снов». Последний составлен из сонетов, которые прочитываются как дневник воспоминаний внутренне цельной личности о долгой жизни, счастли-

вой и трагичной. Их лирический герой во многом напоминает самого поэта.

О чем бы ни писала Десанка Максимович, она предельно искренна и лирична:

Счастье

перевод А. Ахматовой

Я время по часам не отмечаю,
по ходу солнца не считаю срока,
заря встает – когда его встречаю,
и снова ночь, когда он вновь далеко.

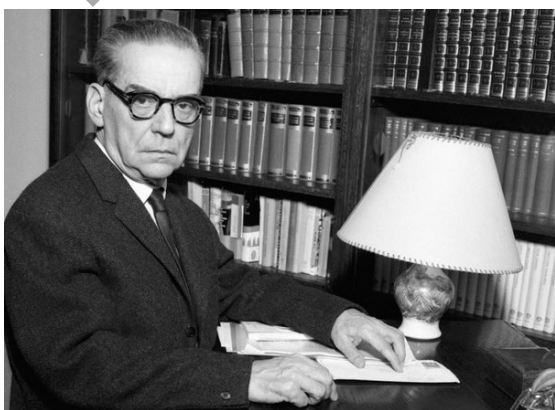
И смех не мера счастья. Не хочу я
знать, чье сильней и тягостней томленье.
Есть счастье в грусти: вместе с ним молчу я,
и слышно двух сердец одно биенье.

И мне не жаль ветвей моих весенних,
что будут смыты жизни водопадом.
Пусть молодость уходит легкой тенью:
он, зачарованный, со мною рядом!

Произведения Д. Максимович переводили многие писатели, в том числе и белорусские Н. Гилевич, Э. Огнецвет, Л. Рублевская, В. Коризно, К. Северинец.

Известнейшим сербским прозаиком, политиком с мировым именем (15-й Генеральный секретарь Движения неприсоединения), теоретиком сербского национального движения – возрождения Сербии в конце 1980-х гг. считается **Добрица Чосич** (1921–2014), 25-томное собрание избранных сочинений которого вышло в первое десятилетие XXI в. Во время Второй мировой войны присоединился к партизанам, после войны активно участвовал в пропаганде коммунистических идеалов, сотрудничал с И. Б. Тито (коммунистическим лидером и руководителем Югославии), всегда имел независимую политическую позицию.

В 90-е гг. XX в. он был первым президентом Союзной Республики Югославия. Как писатель прославился романами «Солнце далеко», «Сказка», «Корни», «Время смерти», «Время зла», «Грешник», другими прозаическими произведениями и публицистическими работами, например «Реальное и возможное», «Косово». Каждый из романов относительно самостоятелен и одновременно из них складывается эпическая картина истории, жизни народа Сербии: то на фоне воюющей Европы («Солнце далеко», «Время смерти»), то при описании существования сербского крестьянства XIX в. в романе «Корни». Профессор, наш соотечественник, академик Сербской академии наук и искусств И. Черота утверждает, что никакой другой писатель этой страны не передал так многосторонне, основательно, во всех коллизиях историческое бытие, дух и характер своего народа, как это сделал Д. Чосич. В 2010 г. в Москве на Первом славянском литературном форуме «Золотой витязь» Добрица Чосич получил золотую медаль «За выдающийся вклад в развитие литературы». Для сербского поэта Р. Петрова-Ного Десанка Максимович и Добрица Чосич олицетворяют женский и мужской принципы Сербии XX в. Поэт сравнил Д. Максимович со столетней славянской липой, утешавшей сербов как пасынков истории, а Д. Чосича – со столетним дубом, одновременно стыдившим, ободрившим сербов и взывавшим к их совести. Последний роман писателя «В чужом веке» вышел в 2011 г.

Балканским Гомером, югославским Толстым называют единственного среди балканских писателей лауреата Нобелевской премии 1961 г. **Иво Андрича** (1892–1975). Он родился в боснийском горо-

де Травнике. Окончив гимназию в Сараево, в 1912 г. поступил на философский факультет Загребского университета. Будучи гимназистом, включился в национально-освободительное движение и стал членом национальной революционной организации «Молодая Босния», выступал сторонником идеи объединения и независимости южных славян. Как член организации был арестован и три года провел в тюрьме и ссылке.

Литературную деятельность начал в Загребе со стихов; издавал с товарищами журнал, с 1919 г. стал жить в Белграде. Первый сборник стихов в прозе «Из моря» вышел в 1918 г., второй, «Волнения», – в 1920. В эти годы в литературе преобладал модернизм. Однако Андрич синтезировал, искал. Стихи писал всю жизнь, но в зрелом возрасте не печатал, их стали публиковать уже после его смерти. Писатель сочетал две стихии – лирическую и эпическую, старался преодолеть их поляризацию. Часто определял свои произведения как «лирические записи». Например, стихотворение в прозе в одной фразе: «На что ни гляну, все песня, но все, что ни трону, – боль». Один из самых значимых мотивов в его творчестве – мотив боли (нет другой реальности, кроме горя и боли). Также часто прочитываются мотивы тишины, таинства, границы, переходности, дороги, реки, моста.

В 1924 г. Андрич защитил докторскую диссертацию. Сделал карьеру дипломата. Работал в Италии, Ватикане, Румынии, Австрии, Франции, Испании, Швейцарии, Германии. И хотя работа не позволяла много времени уделять литературе, он, оставив поэзию, написал и опубликовал три сборника рассказов. В 1939 г. был назначен послом в Германию. Получив сообщение о неотвратимости нападения на Югославию, спешно возвратился на родину. Отвергнув сотрудничество с оккупантами, запретил переиздание своих книг, отказался от предложенной пенсии и фак-

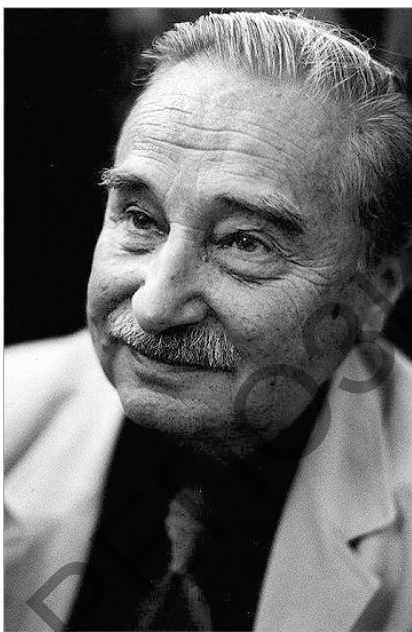
тически попал под домашний арест. Не имея возможности принимать участие в движении Сопротивления, он, как скажет впоследствии, «спасался трудом»: вел дневники, на основе которых появились очерки и рассказы, написал самые значительные произведения «Мост на Дрине», «Травницкую хронику», «Барышню», составившие трилогию, которая позднее принесет ему мировое признание.

Поэтика трилогии основана на фольклоре с использованием мифологии, условного и фантастического. И. Андрич философски осмысливает мир, исследует специфику балканского менталитета. Рассказывая о родных для него местах, находящихся на пограничье двух культур, поднимает проблемы сосуществования Востока и Запада. Так, события в романе «Мост на Дрине» охватывают период с 1566 по 1914 г. Все определяет и связывает мост через реку Дрину, простоявший 300 лет. Мост – символ, он отделяет христианство от ислама, славянский мир от Османской империи, Европу от Азии. Он помнит многое: замурованных в него двух младенцев; девушку, не желающую выйти замуж не по любви, прыгнувшую с моста; самых красивых и здоровых мальчиков, насильно увезенных от родителей и отуреченных; играющих детей – вся жизнь была связана с мостом. Но мост взрывают. И это прочитывается как конец целой эпохи и старого мира. Другим важным символом становится река – течение времени. По композиции роман близок к циклу новелл и хронике. В нем много легенд и преданий, соединяются историзм и вымысел.

После войны И. Андрич вернулся к активной деятельности: стал депутатом высших органов власти, председателем Союза писателей, председателем общества дружбы с СССР и Францией, членом руководства Национальной академии наук. Творчески наполненный период дал читателям собрание рассказов «Новые

истории», повесть «Проклятый двор». Было сделано много переводов его произведений на другие языки, в том числе и на белорусский. А в 1961 г., конкурируя с Г. Грином, Д. Стейнбеком, А. Моравия, писатель получил Нобелевскую премию за, как было записано в решении комитета, «эпическую силу отражения вами судеб вашей страны». В Югославии И. Андрич стал первым деятелем культуры, получившим премию «За труд всей жизни».

Интервью писатель не давал, считая, что «для художника – создавать, а не говорить» (цитата из Гете, которую любил повторять). Библиография написанного Андричем составляет 7000 единиц, издано 30 томов его наследия. Ежегодно на родине выходит одна монография о нем или о его деятельности, присуждается премия по литературе имени Иво Андрича.

Современником ныне живущих является **Милорад Пáвич** (1929–2009) — сербский поэт, прозаик, автор фундаментального труда «История сербской литературы», переводчик (дважды перевел «Евгения Онегина» на сербский язык, в его переводе вышло восьмитомное собрание сочинений А. Пушкина), академик Сербской академии наук и искусств, член Европейского совета по культуре.

В рейтинге книжных магазинов он главенствует в так называемой большой славянской тройке: кроме М. Павича, это чешский писатель Милан Кундера и польский Чеслав Милош. В 2004 г. был номинирован на Нобелевскую премию в области литературы. Критики из разных стран сравнивают его то с Гомером, то с Борхесом, называют «автором первой книги XXI ве-

ка», хотя это книги лишь по внешнему облику – обложка и страницы, а романы только по форме.

М. Павич родился в семье с литературными традициями, идущими от прадеда. Закончил в 1954 г. отделение литературы философского факультета Белградского университета. Неординарный писатель (однажды сам себя нарисовал человеком со скрипкой вместо головы), творчество которого нельзя отнести к какому-либо одному направлению, течению или жанру. Он писатель для молодых, любящих игру, головоломки, тайну, интригу, держащую в напряжении до конца, владеющих компьютером. М. Павич считал, что классика устарела, что нужно дать читателю свободу решить, где в произведении начало, а где конец. «...Я во всяком случае знаю, что литературу в будущее ведут не писатели, а читатели, ведь в мире всегда гораздо больше талантливых читателей, чем талантливых писателей», – утверждал М. Павич.

Произведения писателя необычны уже по форме: «Хазарский словарь» – роман-лексикон, «Последняя любовь в Константинополе» – роман – пособие для гадания на картах таро, где каждая из 22 (0–21) глав носит название карты таро и становится отдельным рассказом. Но, сложив из них книгу, можно разложить карты и узнать свою судьбу в соответствующих главах, прочитав по-новому согласно раскладу. От того, как лягут карты, зависят сюжет и характер развязки. «Внутренняя сторона ветра» – роман – водяные часы, «Пейзаж, нарисованный чаем» – роман-кроссворд, «Звездная мантия» – роман – астрологический справочник. «Бумажный театр» написан как роман-антология: в нем тридцать восемь придуманных Павичем писателей из тридцати восьми стран, выдуманные писателем от их лица рассказы, сочиненные им же их биографии и библиография.

Оригинальность книг М. Павича притягивает читателя. Вот, например, как начинается «Стеклянная улитка»: мадемуазель Хатшепсут – продавщице в магазине дамского белья – приснился кувшин с двумя носиками: вино завязалось узлом и двумя отдельными струйками вылилось одновременно в два бокала. Сборник «Русская борзая» составлен так, что, как пишет в послесловии М. Павич, «на вопрос, поставленный в одном рассказе, можно найти ответ в другом; если же их прочитать вместе, они составят третий рассказ». Интригует и начало романа «Хазарский словарь». Вместо слов – пустота, белая (чистая) страница: «на этом месте лежит читатель, который никогда не возьмет в руки эту книгу. Здесь он спит вечным сном». Игра с читателем продолжится. Правда, не все согласятся на игру и дотянутся до последней страницы; не всем окажется понятным замысел и смысл произведения, хотя писатель поясняет.

Впервые в 1990 г. М. Павич придумал и применил термин «гиперлитература», хотя первое, самое знаменитое произведение писателя «Хазарский словарь», отвечающее определению, увидело свет на шесть лет раньше.

Для правильного понимания гиперпрозы, ключом к книгам Павича жена писателя – писатель Ясмينا Михайлович называет пособия по компьютерной грамоте, компьютерной видеоигре. Можно, полагает она, «создать программное обеспечение, некоторые ключевые сюжеты преподнести визуально, в виде кинофильма или мультипликации, другие – с помощью звука, все это для расширения творческой активности читателя». Книги снабжаются софтвером (алгоритмом действий), иначе они могут показаться бессмысленными.

Ранее использовавшийся только в художественной прозе нелинейный способ чтения писатель применил в

словаре словарей о хазарах – лучшем и самом сложном произведении – «Хазарском словаре».

«Хазарский словарь» – это роман-лексикон в 100 тысяч слов. В предисловии указывается на то, что произведение можно читать от конца к началу, по диагонали, если учитывать систему отсылок, или по статьям, как словарь. Это авторский ход, хотя можно читать как обычную книгу, чтобы уловить философскую и идейную концепции писателя. А если решитесь на игру, выбирая свой вариант, вы можете получить 2,5 миллиона способов прочтения «Хазарского словаря».

Это роман-мистификация, основанный на реальном историческом событии, которое относят к концу VIII – началу IX в. Кирилл и Мефодий посетили хазар, основавших во времена средневековья между двумя морями сильное государство и исповедовавших забытую теперь религию. Хазарскому кагану приснился сон, который он посчитал знаком о необходимости принятия его народом новой религии. Тогда были созданы представители трех главных религий мира – христианства, ислама и иудаизма (понятно, почему в романе 3 части – 3 книги: красная, символизирующая христианство, зеленая – ислам и желтая – иудейство). В центре словаря статьи, посвященные хазарской полемике о выборе религии. Христианская версия утверждает, что хазары приняли христианство, еврейская – иудаизм, исламская – ислам. И словарь, и те, кто его создавал или восстанавливал, были уничтожены. Так, Бранкович придерживался христианской версии и погиб от турецкой сабли; еврей Коэн утверждал иудейскую версию и, увидев человека, которому долго снился, впал в оцепенение; Масуди – защитник исламской версии – увидел во сне столь страшное, что поседел, усы его начали гноиться, а на следующий день он был зарублен турками. Герой последней истории, связанной с XX в., собирал сведения о хазарском словаре. На его запросы

приходили посылки с предметами, которые, как сообщил компьютер, упоминались в словаре. Но и этого героя в конце концов (на конференции) убивает четырехлетний мальчик. История поисков обрывается. Почему? Из-за чего? Сюжет частично отвечает на эти вопросы.

Роман оказался настолько интересным и необычным, что был творчески переосмыслен людьми из разных стран: написаны скрипичный концерт, камерная симфония, фортепианный дуэт, поставлен балет, издана электронная версия на CD (по электронному адресу chaos.lenin.ru/lexicon можно познакомиться с интерактивной мужской версией книги). По мотивам произведений М. Павича создана оратория, есть хореографические постановки и балет, снят художественный фильм («Византийская синева»), поставлен спектакль («Ловцы снов» по произведению «Последняя любовь в Константинополе»), вышла книга комиксов.

Ставший бестселлером роман «Хазарский словарь» швейцарский критик А. Клапель сравнил с рестораном, где каждый составляет собственное меню. Мысль понравилась Павичу, и в 1993 г. он пишет пьесу «Вечность и еще один день» в виде меню для театрального ужина, который составляют по своему желанию читатель, зритель или режиссер (существует девять комбинаций произведения). В качестве заправки (закуски) выбирается одна из трех вводных частей пьесы, будут и вино, и ужин с основным блюдом, а развязка (десерт) завершит действие. Как пишет в начале произведения Павич, «естественно, что любая из этих девяти версий включает необходимый для каждого спектакля минимум зрительских впечатлений – заправку, интригу и развязку, иначе говоря, является вполне классической пьесой, к каким мы привыкли. Новое состоит в том, что, просмотрев этот минимум, можно идти дальше. Чем больше вариантов увидит зритель, тем полнее будет его представление об истории любви Петкутина и

Калины, ибо все три вводные части связаны между собой, как связаны и три варианта финала драмы «Вечность и еще один день»». В заключение добавим, что зритель имеет полное право выбрать понравившийся ему вариант пьесы, а театр, если угодно, может объединиться с другими театрами в одном спектакле. Существуют и другие возможности, например обмен гас-тролями, если разные версии исполняются в различных городах.

Писатель предлагает многовариантность развития сюжета (действия), что для него не литературный прием, а идеология творчества. Так, в «Стеклянной улитке» зажигалка в одном из вариантов повествования исполняет заветное желание, в другом – нет. Роман «Ящик для письменных принадлежностей» имеет два завершения – одно в книге, другое в Интернете. В книге указан электронный адрес, и каждый, кто пожелает, может совместить чтение книги с чтением конца романа в сети Интернет. И многим интересно узнать, чем закончится история. Эксперимент, ставший принципом М. Павича, интересен, но часто ведет к преобладанию формы над содержанием, текст выглядит перегруженным, а любителям классической литературы кажется бессмысленным.

Манера письма Павича оказалась привлекательной для десятков подражателей. Но есть и последователи, например, один из наиболее часто читаемых и значимых сербских писателей **Горан Петрович** (р. 1961), который младше М. Павича на поколение. Он выпускник филологического факультета Белградского университета. Работал библиотекарем в библиотеке в Жиче,

рядом с одноименным монастырем. Первая опубликованная книга прозы появилась в 1989 г. («Советы для облегчения жизни»). В 1993 г. читатели познакомились с романом «Атлас, составленный небом». Потом выйдут сборник рассказов «Остров и окрестные рассказы», роман «Осада церкви Святого Спаса», отчасти основанный на реальных исторических фактах, как, например, разрушении в 1291 г. войском болгар и куманов монастыря Жича. У Г. Петровича в произведении история и волшебство, явь и сон переплетаются. Древний, единственный в мире монастырь без крепостных стен, стоящий на семи ветрах, пытались захватить и уничтожить враги. В нем хранилось, спрятанное в бороде у игумена монастыря, перышко ангела из волшебного плаща, состоящего из 10 тысяч перьев, византийского императора. Пушинку получил архиепископ сербский Савва, и хранилась она в монастыре. Вот за этой реликвией и охотился вединский князь Шишман (плащ был найден ранее, только одного перышка не хватало). При наступлении войска, молитвами насельников монастырь вместе со всем хозяйством поднялся в воздух, и достать его, дотянуться до него стало невозможно. А пушинку нашли в 1996 г. при реставрации монастыря после землетрясения. Каменный пол подняли, и перышко взлетело под купол и парит над Жичей. Грустное, красивое и ажурное повествование, состоящее из символических чисел: 40 (40 глав, 40 дней осады монастыря, 40 день Вознесения Христа и др.), 3 (чина ангельского мира), 4 (окна), 7 (ветров), из запахов, живых звуков. И становится понятно, почему Г. Петрович вспоминал о том, что когда писал произведение, часто слушал симфоническую музыку. Красивая сербская притча о Жичи сегодня звучит весьма актуально. В 2000 г. за роман «Книга с местом для свидания» Г. Петровичу присудили самую значимую литературную премию жур-

нала «НИН». В 2002 г. появился сборник рассказов «Ближний». Он также автор драмы «Паром» (2004) и сборника рассказов – миниатюрных размышлений о жизни, отраженной в фотографии, иконописи, кино, музыке, творчестве, пограничных ситуациях «Различия» (2006). Сам талантливый повествователь, Г. Петрович перенимает манеру своего литературного учителя и предшественника, при этом сохраняя собственное лицо. В книге «Атлас, составленный небом» Петрович использует правила постмодернизма, в частности, прием интерактивной игры. В романе есть символический образ разумного кривого зеркала, которое утром отражает прошлое, днем – настоящее, а вечером – будущее. Но иногда в зеркале вообще ничего не увидишь. Многие в авторской манере Г. Петровича напоминают книги Милорада Павича.

К современным сербским писателям относится и **Сава Дамянов** (р. 1956) – поэт, прозаик, литературный критик, литературовед. Выпускник философского факультета Нови-Садского университета, ученик М. Павича, доктор философии, он преподавал классическую и современную сербскую литературу не только в вузах родной страны, но и за ее пределами. Как ученый исследовал особенности фантастической литературы, постмодернизма и изучал компаративистику. Его многочисленные статьи публиковались в прессе и редактируемых им журналах. Начиная с 80-х гг. выступил как автор целого ряда книг, среди которых «Новая сербская фантастика» (антология), «Апокрифическая история сербского модерна», «История как Апокриф». Стихи Савы Дамянова переведены на многие языки, включены в антологии современной сербской поэзии и прозы.

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

У истоков первых произведений чешской литературы стояли Кирилл и Мефодий и их ученики (рубеж IX–X вв.). С IX в. связано обращение чехов в христианство. К концу XI в. с усилением влияния римской церкви старославянский язык вытесняется латынью. Наиболее значительный памятник на латинском языке – «Чешская хроника» Козьмы Пражского. В конце XIII в. возникает письменность на чешском языке и начинает развиваться чешская литература. В XIV в. на чешском языке существовала литература, в которой были представлены все традиционные для Средневековья жанры: рыцарские романы, летописи, сказания о святых, сочинения религиозного характера, песни вагантов, правда, большей частью подражательного характера. Одним из первых известных по имени чешских писателей был **Смил Фля́шка**, показавший противоречия между королем и феодальной знатью (соч. «Новый свет» 1378 г.).

Особым этапом в развитии чешской литературы считают первую половину XV в. В это время заявляет о себе гусистское движение как борьба против католической церкви, феодального гнета и немецкого засилья. Название движения связано с именем **Яна Гуса** (1369–1415), ставшего национальным героем. Идеолог чешской Реформации, он хотел демократизировать церковь, критиковал ее за коррупционность, осуждал чрезмерное богатство католической церкви, оспаривал некоторые теологические трактаты. Писал на чешском языке проповеди, трактаты, послания; дал толкование Евангелия в «Постилле» (собрание чешских пропове-

дей, простейших по форме объяснений прочитанного из Евангелия). Человек прогрессивных взглядов, ученый, служивший сначала деканом, потом ректором Пражского университета, был осужден церковным собором в Констанце и сожжен как еретик в 1415 г., и только Папа Иоанн II принял назад в лоно церкви Яна Гуса. Гусов век называют золотым веком чешского гуманизма, а литературу этого времени – золотым веком.

В 1468 г. в Чехии началось книгопечатание – явление для литературы, безусловно, положительное. После поражения восстания 1618–1620 гг. Чехия на долгие годы потеряла независимость. Четыре столетия чехи не имели права говорить на родном языке. Засилье католической реакции в XVII–XVIII вв. сказалось и на литературе: чешские книги уничтожались, многие писатели вынужденно оказались в эмиграции. Среди них **Ян Коменский** – выдающийся чешский мыслитель, чьи педагогические сочинения, написанные по-латыни, послужили основой всей современной педагогики. Вынужденный покинуть родину, скитаться, он мечтал о мире и счастье для людей, был гуманистом, искал в христианстве подкрепления своим идеалам. В мировой литературе Я. Коменский известен как автор более 140 сочинений, в том числе утонченной, образной аллегории «Лабиринт света и рай сердца», трактата «О поэзии чешской», педагогического труда «Дидактика», переводов стихотворных псалмов. Им собраны и сохранены для народа 2 тысячи чешских пословиц и поговорок.

С конца XVIII в. намечается подъем и оживление национальной культуры, зарождается новейший период литературы. В 1825 г. появляется первая книга об истории чешской литературы, первый театр, журналы, музеи, возрождается фольклор. Преобладающими становятся тенденции предромантизма.

В 30-е гг. XIX в. в чешской литературе возникает революционный романтизм, отразивший мятежный порыв к свободе, лирическое начало, философскую проблематику. Ярчайшим представителем романтизма является **Карел Маха**, которого называют чешским Богдановичем. Он написал поэму «Май», переводил на русский язык «Цыган» Пушкина. И у самого писателя есть произведение 1835 г. под названием «Цыгане».

1848–1849 – годы революции в чешских землях, когда открыто провозглашались революционные и национальные идеи. Это время расцвета реализма, важная роль в становлении которого принадлежит драматургу **Йозефу Каэтану Тылу**. В его музыкальной комедии «Фидловачка» есть песня «Где родина моя?», ставшая национальным гимном. Тыл написал историческую драму «Ян Гус». Он автор пьесы «У Каэтана» (этим именем назывался и созданный им театр), сказок, статей, рассказов.

Матерью чешского реализма считают **Божену Немцову**, которая нарисовала идиллическую картину сельской жизни в повести «Бабушка» (1855) (поэтому ее называют еще и бабушкой чешского реализма). Важную роль в утверждении реализма сыграл крупнейший выразитель чешской поэтической мысли **Ян Неруда** (не путайте с чилийским поэтом Пабло Нерудой, взявшим псевдоним по имени чешского писателя). Он автор сборников стихов «Баллады и романсы», «Песни страстной пятницы», «Космические песни», «Простые мотивы»; сборников прозы, лучший из которых – «Малостранские повести» (Малая страна – название района Праги, где вырос будущий писатель). Сборник состоит из 13 повестей, напоминающих «Миргород» Н. Гоголя или «Пошехонскую старину» М. Салтыкова-Щедрина. В них высмеиваются мещанство, некоторые стороны городской жизни.

Трудна была жизнь чешского писателя того времени, о чем шутивно-серьезно написал друг Неруды, автор 78 эпиграмм **К. Гавличек-Боровский**:

Только голод честному грозит.
Вору угрожает лишь веревка.
Чешскому писателю – увы! –
Сразу и петля, и голодовка.

Гавличек писал не только сатирические стихи, но и хлесткую прозу, являлся переводчиком на чешский язык произведений Н. Гоголя, М. Лермонтова.

Среди имен этого времени **Алоис Ирасек**, автор исторических романов «Псоглавцы», «Гусистский король», исторических драм «Ян Гус», «Ян Жижка», повестей, сказок. Лекции Ирасека об истории Чехии времен независимости явно отразились на мировоззрении Я. Гашека, слушавшего его в гимназии. Следует помнить о том, что без произведений исторического жанра не может быть сформировано национальное самосознание.

Особое место в литературе начала XX в. занимает **Ярослав Гашек** (1883–1923) – сатирик, автор фельетонов, новелл, рассказов, число которых перевалило за тысячу. В Чехии много мест, связанных с именами выдающихся писателей, художников, композиторов: Литомысль – с композитором Б. Сметаной, Гронов – с Ирасеком, Простейов – с писателем И. Волькером, Липнице – с Я. Гашеком, которого похоронили у стены маленького липницкого кладбища, в уголке, рядом с самоубийцами и незаконными детьми. Похоронили как безверца, безбожного писателя (да, он был врагом религии и клерикализма). Жил, учился в Праге, был исключен из гимназии за участие в демонстрации. По-

том учился в коммерческом училище. Еще в детстве, помогая священнику как министрант, хорошо изучил закулисную жизнь духовенства, и первые копы начинающего прозаика полетели в их сторону. Разорвав с религией, опубликовал немало сатирических рассказов («Камень жизни», «Хвала богу», «В аду», «Смерть сатаны» и др.). Высмеивал «чудеса» религии, ее служителей. Когда началась Первая мировая война, был мобилизован, отправлен на Русский фронт, где в 1915 г. добровольно сдался в плен. Служил в России, принял 1917 год, стал большевиком и только в 1920 г. вернулся домой, направленный на помощь чешскому революционному движению. Буржуазная печать на родине ополчилась против него: его травили, преследовали. Наступило одиночество, изоляция. Спасала идея романа о Швейке. Используя события из собственной биографии, он написал роман «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1921–1923), в котором разоблачаются империалистические войны, государственный и религиозный гнет. Швейк становится выразителем народного мнения: жизнь – не школа для обучения светским манерам. Образ Швейка вызвал неприятие со стороны критики, отмечавшей грубость и вульгарность героя, не увидевшей того, что в нем заложены принцип комической мистификации, поэтика смеховой игры, дающие автору возможность вовлечь читателя в развенчание милитаризма, национального гнета. Роман – историческая картина определенной эпохи. Война для Гашека – нелепое, несуразное, неисторическое событие, поэтому все доведено до абсурда. В Чехии книгу восприняли как плебейскую, автора травили. Роман не был закончен. На белорусский язык его переводили Зарецкий, Крапива, Ивашин.

В 1918 г. произошел окончательный распад Габсбургской империи, и 28 октября 1918 г. было провозглашено создание нового независимого государства –

Чехословацкой республики – страны с равными правами для чехов и словаков. Первым президентом стал доктор наук **Т. Г. М'асарик**, проповедовавший идеи гуманизма и демократии. Этот человек не побоялся разоблачить подделки старинных рукописей, что, несомненно, ударило по национальному самосознанию, но правда восторжествовала. В это время Чехословакия преодолела экономический кризис, вошла в десятку индустриально развитых стран мира. Начался подъем рабочего движения. В 20-е гг. зарождается пролетарское течение в поэзии, теоретиками которого были В. Нейман, И. Волькер. Кроме революционной поэзии в 20-е гг. появляется социально-обличительный роман (романы М. Майеровой «Лучший из миров», И. Ольбрахта «Анка-пролетарка», В. Ванчуры «Пекарь Ян Маргоуль» и др.).

Особо выделим имя **Ярослава С'ейфerta** (1901–1986), первого чехословацкого Нобелевского лауреата 1984 г., дебютировавшего сборником стихов «Город в слезах», в котором сочетались революционная проблематика с романтическим лиризмом. Он был членом объединения «Деветсил» – колыбели чешского авангарда, увлекался идеями всеобщего равенства. В предвоенные и военные годы жил заботами своего народа, а его творчество помогало соотечественникам в борьбе против фашизма. Поддержав восставших в Чехословакии 1968 г., впал в немилость властей, в результате чего смог печататься только в самиздате. В сборнике «Руки Венеры» Я. Сейферт расскажет о любви к женщине. Культура и красота Праги станут темой «Веера Божены Немцовой», «Каменного моста». Рисунки чешского художника Йозефа Лады,

воспоминания детства подскажут ему тематику сборников стихов «Мальчик и звезды», «Маменька». Потом будут сборники «Отливка колоколов», «Зонтик с Пиккадилли» и одно из самых значительных творений – сборник стихов «Чумной столб» («Моровой столб»). Главным мотивом его творчества считают высказанное поэтом в стихах: «Но если в мире ближний мой страдает хоть один – несчастен я». Поэзию Сейферта отличает синтез различных течений европейского авангарда с отечественными философско-культурными корнями, что символично для чешской поэтической традиции.

В середине 20-х гг. молодые писатели и художники объединяются в общество «Деветсил», предложившее взамен лозунгов пролетарского искусства раскрепощение личности, поиск нового стиля, авангардистскую концепцию поэтизма. **Поэтизм** возникает как направление, связанное как с «Деветсилом», так и с пролетарской литературой. При этом он чуждается идеологии вообще, провозглашая новый стиль, далекий от академизма, канонов классического искусства, апеллировавший к людям – современникам эпохи радио, кино, модерна. Впоследствии поэтизм перерастет в сюрреализм, ориентированный на изучение подсознания, ассоциаций. В ряду ярких сторонников «Деветсила», поэтизма и сюрреализма можно назвать писателей **В. Незвала**, создавшего группу чешских сюрреалистов, **В. Ванчuru**, **К. Библа**.

20–30-е гг. XX в. – это и деятельность **Карела Чапека** (1890–1938), номинанта Нобелевской премии по литературе 1936 г., за 22 года работы в литературе написавшего 44 книги, первая из которых появилась в 1916 г. Его считали рафинированным эстетом, ин-

телигентом. Трогательно о Чапеке говорит его жена-актриса в написанном ею «Чешском романе». Добрый человек, К. Чапек любил изображать себя садовником; сам или вместе с братом-художником Йозефом иллюстрировал свои книги, переводил французскую поэзию, Г. Аполлинера, А. Рембо.

Чапек считал, что в искусстве нет тождества между реальностью и жизнью, что «вне добра и зла искусства быть не может», что «великая литература способна создать великое и в жизни» (а не только исправлять или портить людей). Основным методом К. Чапека, задача его эстетики – доказательство от противного, соединение развлечения и откровения, радости и горя, добра и зла. В его произведениях мир не гармоничен, поэтому судьбы героев часто складываются трагично. Он утверждал прекрасное от обратного средством парадокса. Философия Чапека заключалась в ценности каждого человека как личности. Он выступал против насилия, стараясь защитить человеческую жизнь, и хотел сделать это средствами литературы и искусства.

Отличительной чертой произведений К. Чапека является наличие в них детективной фабулы, случайности или происшествия. Исходным материалом становились вырезки из газет, которые он раскладывал по папкам: «О людях», «Вещи», «Времена года». Из этого потом рождались миниатюры, составлявшие книги. К. Чапек – виртуоз малых форм, писал рассказы для взрослых и детей, повести, романы, пьесы, путевые заметки, притчи, апокрифы, изобретал новые жанры. Был Чапек-поэт, Чапек-сказочник, Чапек-романтик, Чапек-реалист. Будучи доктором философии, сначала испытал влияние философии прагматизма и релятивизма: истин множество, «каждый прав по-своему» – отсюда понятно, почему во многих его произведениях существует несколько правд. Однако обострение социальных противоречий и доктрина фашизма убедили

его в несостоятельности идей релятивизма, что нашло отражение в трилогии «Гордубал», «Метеор», «Обыкновенная жизнь».

Он исследовал корни фашизма, его возникновение в романе «Война с саламандрами» (опубликован в 1935 г.), выступил антифашистом в пьесе «Мать» (о воинствующем гуманизме, невозможности оправдания любого оружия; сатира на милитаризм и расовые теории), раскрыл будущее планеты, показал опасность неконтролируемого научно-технического прогресса в драме «R.U.R.» (впервые использовал придуманное вместе с братом слово «робот»), романах «Фабрика Абсолюта», «Кракатит» (изобретается взрывчатка, способная уничтожить мир). Написал пьесы «Белая болезнь», «Средство Макропулоса», «Из жизни насекомых», несколько сборников рассказов («Рассказы из одного кармана», «Рассказы из другого кармана», «Маленькие рассказы», «Мучительные рассказы», «Сияющие глубины» и др.).

В романе «Война с саламандрами» – романе-протесте, романе-предостережении, романе-памфлете – использовал метод фантастического допущения, гротеска, метафоры (превращение животных в подобие людей самими людьми), ввел в роман протоколы деловых заседаний, трактаты ученых, речи политиков, анкеты. Пародия, юмор, сатира послужили методом доказательства. Рассказывая фантастическую историю очеловечивания саламандр, писатель поднимает вопрос о научных открытиях и ответственности за последствия экспериментов (вспомним произведения Булгакова, Замятина, Лема), предостерегает о превращении науки в конвейер, разоблачает омассовление культуры и фашизм, воплощенный в саламандрона начальнике.

30-е гг. XX в. в Чехословакии были отмечены экономическим кризисом, обострением социальных проти-

воречий, угрозой фашистской опасности. Все это усиливало поляризацию сил в чешской литературе. Критике подвергается концепция автономности искусства (как у авангардистов, сюрреалистов). С другой стороны, это были годы начала оригинальной школы чешского сюрреализма, работы виднейших ее представителей С. К. Неймана, В. Завады, Ф. Галаса, В. Незвала. **Витезслав Нёзвал** (1900–1958) предложил свободную ассоциативность «вместо идеологии, сюжета, логики». Он стал одним из основателей «Группы сюрреалистов Чехии» и автором «Манифеста сюрреализма в ЧСР», пронизанного бунтарством, революционностью и антибуржуазностью. Написал ряд интереснейших стихов, например, «Попугай на мотоцикле», сборник стихов «Маленький садик роз», поэмы «Удивительный кудесник», «Эдисон» (восторг перед жизнью и необходимость противостоять злу). Новой образностью проникнуты сборники «Пражский пешеход», «Прага с пальцами дождя» (Прага в разное время суток, смена настроения). Его переводили Ахмадулина, Панизник, Жичка. Другом участника «Деветсила» В. Незвала был **Владислав Ванчура** (1891–1942), прославившийся романами «Пекарь Ян Маргоуль», «Семья Горвата», художественной хроникой «Картины из истории чешского народа», рассказами и драмами, сценариями и режиссурой фильмов. Являясь ярчайшим представителем чешского авангарда 1920–1930-х гг., виртуозом модернистской прозы, он в дальнейшем стал одним из зачинателей соцреалистической литературы. Активный антифашист, патриот и участник движения Сопротивления, В. Ванчура был расстрелян гитлеровцами.

В 1938 г. Чехословакия стала жертвой фашизма. Началась оккупация, страна потеряла независимость. Гитлер оправдывал введение войск в Чехословакию защитой немецкоязычного населения. Подавление на-

циональной духовной жизни патриотично настроенной интеллигенции стало нормой жизни.

1939–1945 – годы гитлеровской оккупации, гибели многих литераторов. Среди них – В. Ванчура, Й. Чапек, И. Ортен, Ю. Фучик. **Юлиус Фучик** (1903–1943) – национальный герой, один из самых известных в мире писателей-антифашистов. В 1921 г. вступил в Компартию, начал писать статьи, учился на философском факультете Карлова университета в Праге. Сблизился с творческой молодежью, редактировал журнал «Борба», сотрудничал в печатном органе «Руде право», где благодаря Фучику появляются новые имена деятелей культуры, писателей, публикуется и сам. В 1930, 1934 гг. приезжал в Россию, о чем написал статью «В стране, где наше завтра стало вчерашним днем». Самое значительное его произведение – «Репортаж с петлей на шее». Это документально-художественная книга, основанная на личных впечатлениях. В 1942 г. он попал в гестапо, был подвергнут чудовищным пыткам, а потом казнен на гильотине. В застенках тюрьмы создал книгу о героизме борцов Сопротивления, за которую в 1950 г. ему посмертно была присуждена Международная премия Мира. Сегодня стоит пожалеть о переименовании одной из станций пражского метро, носившей его имя.

В 1945 г. Чехословакия была освобождена, а уже в 1949 г. состоялся I съезд чехословацких писателей, был образован Союз чехословацких писателей. В 50–60-е гг. социалистический реализм доминирует в литературе. Международное признание получили романы **Марии Пуймановой**, которая по литературной (творческой) манере близка Марселю Прусту. Это был ее взгляд на новый мир – романы «Люди на перепутье» (о проблемах чешского пролетариата и судьбах интеллигенции), «Игра с огнем» (антифашистская книга), «Жизнь против смерти». Прозаики **В. Ржезач**, **Б. Ржи-**

га, поэты **М. Флориан**, **В. Завада** и др. создают произведения, отражающие дух социалистического строительства. Но были и те, кто стремился показать реальную сложность и противоречивость исторического процесса, проблемы современности, например прозаик **Ян Отченашек** (1924–1979). В 1952–1960 гг. работал в Союзе чехословацких писателей, выполнял функции первого секретаря. Написал автобиографический роман «Широким шагом», романы «Гражданин Брих», «Хромой Орфей», ряд сценариев, повестей «Ромео, Джульетта и тьма» (произведение об оккупации Чехословакии, о любви еврейки и чеха), «Когда в раю шел дождь» и др.

К середине 60-х гг. усилилось влияние модернизма, «нового романа», абсурда драмы. А в 1968–1969 гг. произошел политический кризис, с оттепелью было покончено после введения войск стран Варшавского договора для «нормализации» политической ситуации в стране. После 1972 г. вновь возвращаются строгие правила соцреализма, воспевающего прелести социалистического общества. После либерализации 60-х гг. публиковались произведения только проверенных в идеологическом отношении авторов. Однако было и другое, и другие. Те, кто принимал участие в событиях Пражской весны или сочувствовал им, подвергались преследованиям, не имели доступа к массовому читателю, покидали страну или публиковались в самиздате. Произведения, которые не могли не быть признаны за их достоинства и принадлежали популярным авторам, проходили строгий контроль цензуры, корректировались, но все же печатались. Так случилось с некоторыми произведениями Б. Грабала. Единственной возможностью для писателя публиковаться на родине стала его подпись под интервью накануне коммунистических выборов 1975 г., что вызвало негативное отношение у определенной части чешской интеллигенции и студенчества, выразивших протест сжигани-

ем его книг. Ситуация прояснилась позже, и начиная с 90-х гг. необычная популярность писателя стала компенсацией за годы преследований и замалчивания его творчества на родине.

Произведения **Богумила Грабала** (1914–1997), переведенные на многие языки мира, на русском языке стали появляться в литературных журналах только в начале 1990-х гг., спустя более 20 лет после того, как с ними познакомились в Европе и Америке. Объясняется это тем, что произведения Грабала, не соответствовавшие духу соцреализма, находились в «черном списке», хотя писатель никогда не состоял ни в какой политической организации и даже не был членом ПЕН-клуба⁹.

Студенческие годы стали для Б. Грабала временем формирования литературного вкуса. Юрист по образованию, литературный путь он начал в 1937 г. публикацией в газете заметки «Дождь идет». Во время войны работал телеграфистом, дежурным по станции, после войны – страховым агентом, коммивояжером, рабочим на сталелитейном заводе, упаковщиком макулатуры, служащим сцены в театре. Профессии, которые он испробовал, нашли отражение в творчестве. Однако не стоит думать, что все в произведениях автобиографично. Грабал создает «автобиографичный миф», мистифицированную автобиографию или, как сам говорил, «искусственную судьбу», хотя многие герои его произведений имеют прототипы в семье писателя или в кругу его друзей. Кредо Б. Грабала заключалось в следующем: нет ничего такого, что бы не заслуживало

---

⁹ ПЕН-клуб – международная организация, объединяющая писателей, редакторов и переводчиков. Название клуба – аббревиатура англ. слов *поэт, эссеист, новеллист*, складывающаяся в слово *pen* – авторучка.

любви, и поэтому нужно все включить в художественное произведение. Красота скрыта везде: в ужасе, в уничтожении и боли, в поломанных человеческих судьбах.

Рассказы писал с 1954 г., но в 1959 г. они были запрещены. С 1963 г. Грабал стал выступать уже как профессиональный литератор: написал цикл стихотворений, испытывая влияние сюрреализма, а также поэтики художественной «Группы 42», возникшей в военное время вокруг поэта Иржи Колларжа; повесть «Уроки танцев для пожилых и продолжающих»; сборники рассказов «Жемчужина на дне» и «Пабители» (слово «пабители» Грабал придумал для определенного типа людей наподобие сумасшедших, параллель – Швейк). Он создавал прозу, напоминающую репортаж, сочинял новеллы в экзистенциалистском ключе, натуралистические рассказы. Как сюрреалист устремлялся в сферу надреального.

Благодаря повести «Поезда особого назначения» (1965) к писателю пришла мировая слава. Фильм голливудского режиссера чешского происхождения, друга писателя Иржи Менцела, снятый по этому произведению, в 1967 г. был удостоен премии «Оскар» за лучшую иностранную киноленту. События в повести разворачиваются во время Второй мировой войны и имеют автобиографическую основу. Используя фривольный сюжет в духе Рабле для трактовки военных событий, Грабал эпатировал читателей, ибо в то время в литературе воспевался подвиг народа в войне. Это были новации не всеми понятые и оцененные.

В дальнейшем новаторская манера письма Грабала будет тесно связана с техникой коллажа (ассорти, смесь) его друга и учителя Иржи Колларжа. Для писателя работа с текстом была «работой с ножницами»: первый раз написал – оставил, потом перечитал – и вырезал. Пример – сборник «Объявление о продаже

дома, в котором я уже не хочу жить» (1965). В следующем десятилетии писатель начал использовать технику письма «алла прима» (набело, без редактирования и исправлений), восходящую к «автоматическому письму» сюрреалистов. А в 90-е гг., используя коллаж, он комбинирует чужие и собственные тексты, например, свой текст сочетает с программой инаугурации президента В. Гавела и отрывками из художественной литературы или добавляет газетные новости. Это прослеживается в произведениях «Инаугурация и внутренний монолог» и «Публичное самоубийство».

После 1968 г. произведения Богумила Грабала были запрещены. Большинство книг публиковалось в самиздате за рубежом или спустя годы после их написания. Так, роман «Пострижение» (1970) был издан только в 1976 г. Ради объективности заметим, что в 70–80-е гг. некоторые его книги, пропущенные через цензуру, официальные издательства все же печатали, т. к. власти не могли допустить, чтобы имя влиятельного и популярного писателя ассоциировалось исключительно с диссидентским движением.

В 1970 г. было написано одно из лучших произведений Грабала – роман «Я обслуживал английского короля». Печатался роман нелегально в самиздате, массовому чешскому читателю стал доступен только в 1989 г., на русском языке был опубликован в 1991 г. Книга – большая история, разделенная на отдельные части, которые в итоге составляют целостную картину жизни. Повествование носит исповедальный характер и представляет собой интимную беседу с читателем. Главный герой книги описывает события своей жизни как сторонний наблюдатель, стараясь быть объективным, не упуская ни малейшей детали. Начинается каждая глава словами: «Послушайте-ка, что я вам теперь расскажу», а завершается – «Хватит с

вас? На этом я сегодня закончу!» К кому это относится, становится ясно только в конце романа.

Фундаментальное не по объему, а по смыслу «Слишком шумное одиночество» появилось нелегально в 1977 г., а официально, без цензурного вмешательства, спустя 12 лет. Если предыдущий роман – лироэпическое повествование с активным героем, то в этой книге – философско-медитативное с героем-созерцателем. Б. Грабал использовал в творчестве сюрреалистический метод свободного ассоциативного начинания¹⁰, или параноико-критический. Его произведениям присущ чешский юмор, ирония, которая все выворачивает наизнанку, в них ощущается любовь к философии Канта, много сильных эмоций, необычная манера письма.

Следующее десятилетие в творчестве Б. Грабала ознаменовалось созданием автобиографической трилогии «Свадьбы в доме», «Vita puowa», «Разрывы». Повести этого цикла, написанные от лица жены о нем самом, отражают политическую ситуацию после введения в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Последнее спровоцировало конфликт писателя с властями.

После «бархатной революции» 1989 г. Богумил Грабал вновь обрел массовую аудиторию. Вернулось к соотечественникам литературное наследие, долго замалчиваемое. Всемирно известный писатель вызывал интерес не только у читателей, но и у политиков. Например, по просьбе тогдашнего президента США

---

¹⁰ Сюрреализм (фр. *surréalisme* – сверхреализм) – направление в искусстве. Философская основа – фрейдизм, подсознательные озарения, скоростная запись первых пришедших в голову слов, обрывков речи, видений; фантастика алогично чередующихся фрагментов, шоковые способы воздействия на читателей. Литературное объяснение сюрреализма дано в рассказе К. Чапека «Поэт», помещенном в приложении к данному пособию.

Билла Клинтона президент Чехии Вацлав Гавел организовал встречу с Б. Грабалом в одной из пражских пивных по требованию последнего. В 90-е гг. писателю было присуждено около десятка престижных международных премий в области литературы, он совершил поездки по университетам Европы и Америки с авторскими лекциями, а в 1996 г. получил чешскую медаль «За заслуги». Менее чем через два месяца после этого события оказался в больнице, а еще через месяц – 3 января 1997 г. – умер вследствие падения из окна 6 этажа. Кто-то говорит о несчастном случае: кормил голубей и выпал, кто-то – о самоубийстве. Последнему есть объяснение: мотив самоубийства часто встречается в его произведениях, например, в «Волшебной флейте». (К слову, с шестого этажа хотели выпрыгнуть Ф. Кафка и Р. М. Рильке, так свел счеты с жизнью К. Библ.) В один из последних дней рождения Грабал записал: «Зачем я буду праздновать этот день, если мне хочется умереть? Рождение – да, но по другую сторону...».

К современным писателям-драматургам относится **Вацлав Гавел** (1936–2011), всемирная известность к которому пришла в 60-е гг. XX в. Он был одним из основателей общественного движения «Хартия-77». За свои диссидентские взгляды трижды находился в тюрьме. В годы гонений создал ряд пьес, а также получившую международную известность книгу писем из заключения. После Пражской весны 1968 г.¹¹ пьесы Гаве-

---

¹¹ Пражская весна – период политической и культурной либерализации в Чехословакии с 05.01 по 20.08.1968 г., закончившийся

ла в Чехословакии оказались под запретом. В 1983 г. подпольно появился том эссе «Письма к Ольге» – изложение экзистенциалиста¹² Гавела. В пьесах «Реконструкция», «Аудиенция», «Яйцо и курица», «Праздник в саду», «Уведомление», «Вернисаж», «Протест», «Большое опустошение», публицистических работах реальную ситуацию в Чехии писатель доводит до абсурда. Не случайно он придумал ироничное название для страны – Абсурдистан, в которой нормой стал абсурд. Главные темы произведений В. Гавела – личность и государство, личность и идиотизм системы, а герои – люди, занимавшие особое положение в обществе и пытавшиеся примирить совесть со своими привилегиями. Метод писателя представляет собой соединение особенностей чешского театра абсурда и публицистичности; произведения содержат философский подтекст, аллюзии, символику, антикоды, социально-психологический анализ. В 1989 г. в результате «бархатной революции» писателя избирают первым президентом Чехословацкой Социалистической Республики. Президентские полномочия В. Гавел сложил с себя в 2003 г. Будучи президентом, пьес уже не писал, неоднократно заявляя, что вернется к литературной деятельности на «политической пенсии». Среди драматургов – современников Гавела выделяется Й. Тополь.

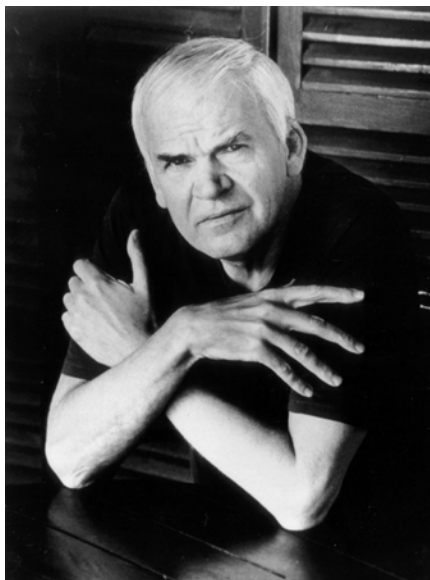
Особое место в чешской литературе занимает творчество **Милана Кундеры** (1929), одного из самых

вводом в страну войск Организации Варшавского договора (СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши).

¹² Экзистенциализм (от лат. *exsistentia* – существование) – направление в философии XX в., трагический гуманизм (Ж.-П. Сартр) до болезненной ущербности; основные мотивы – заброшенность, страх, муки совести, тревога, смятение, вызов властям, т.е. писательское видение жизни.

популярных писателей современности, мастера интеллектуальной прозы, дважды номинировавшегося на Нобелевскую премию. Сын ректора музыкальной академии, сам хорошо играл на рояле и трубе, а когда понадобилось, подрабатывал джазовым музыкантом (обратите внимание на многочисленные музыкальные вставки и композиции в его романах).

До 25 лет музыка его прельщала гораздо больше литературы. Она для него была составляющей частью жизни. Понятно, почему некоторые свои романы он будет называть опусами, нумеровать их, как это принято у композиторов, например, в книге «Бессмертие» (1993) встречается «опус номер семь», использовать вариации тем и мотивов, менять темп внутри произведения и т. п. Проучился на философском факультете Карлова университета два семестра, перешел в Академию изящных искусств. В 1946 г. опубликовал первые стихи. Преподавал мировую литературу, в 1948 г. вступил в Компартию, из которой в 1950-м г. за «ошибочные взгляды» был исключен. После начала хрущевской оттепели его восстановили в партии, но в 1970 г. вновь исключили за участие в событиях 1968 г.

Литературную деятельность начал в 50-е гг. XX в. с поэзии, к которой в дальнейшем не возвращался. В 1953 г. вышел сборник стихов «Человек – необъятный сад», в котором Кундера рассуждал о человеческой личности, в 1955 г. – поэтический цикл «Последний май», прославлявший героизм Юлиуса Фучика. Пишет три тетради рассказов «Смешные любви» (1963,

1965, 1968), эссе, делает переводы, первый роман (по сути политический) «Шутка» (1967), в котором рассказывается история испорченной из-за шутки жизни человека в эпоху сталинизма послевоенной Чехословакии. Главный герой романа студент Людвик на отправленной девушке, участнице курсов политграмоты, открытке написал фразу, понятную только им двоим. Ярая сторонница коммунистических взглядов, девушка отнесла ее в партком факультета, посчитавший надпись «Оптимизм – опиум для народа! От здорового духа несет тупостью. Да здравствует Троцкий!» аполитичной. Однокурсники проголосовали за исключение парня из университета, партии, он попадает в штрафбат, ломается его жизнь и... Проходит время, герой желает отомстить, но в итоге ощущает отчужденность от мира. Его враг П. Земанек из ярого сталиниста в посттоталитарной Чехословакии превращается в лояльного успешного человека. Желание Людвика рассчитаться с ним, символично отыгравшись на его жене и таким образом унизив, ни к чему не приводит, так как Земанеку она безразлична, у него есть молодая любовница. И Людвик в итоге ощущает пустоту и одиночество. Послевоенное поколение предстает в романе в размышлениях о свободе и тоталитаризме, коммунизме и религии, музыке и любви, утрате человеком в условиях социализма своей индивидуальности. Опубликованный в 1968 г. роман знаменитый писатель Луи Арагон назвал самой значительной книгой XX в.

Есть у Кундеры и пьесы: «Жак и его господин» о Д. Дидро, «Владельцы ключей» о контрасте, противопоставлении героев и обывателей.

После известных событий 1968 г. поддержавшему восставших писателю запретили преподавать, книги

изъяли из библиотек, имя вычеркнули даже из телефонных справочников. В 1975 г. – когда Кундера не мог издаваться по политическим соображениям – его пригласили в Париж на преподавательскую работу. Роман «Вальс на прощание» – последний, написанный в Праге. Сначала кажется, что речь идет о любви, но потом понимаешь: это отражение безвыходности положения, в котором оказалась родная автору страна, а печаль, отчаяние, равнодушие людей вынуждают героя покинуть родину.

В первые годы эмиграции был написан роман «Книга смеха и забвения». В нем нет законченного сюжета, он насыщен отдельными эпизодами, герои которых борются с забвением и приходят к мысли о том, что прошлое улучшить нельзя. Реакцией чехословацких властей на это произведение стало лишение писателя в 1979 г. гражданства. С 1981 г. М. Кундера является гражданином Франции. Там он публикует роман «Невыносимая легкость бытия» (закончен в 1972 г.), который становится бестселлером. Это произведение о любви, эротике, измене, истории современного человека в условиях Чехословакии после событий Пражской весны. Мозаичность повествования приводит к размытости фабулы, полифоничности тем и образов, многоаспектности философских рассуждений писателя. Его интересуют не только внутренние переживания героев (Томаша, Терезы, Сабины и др.), но и вопросы более глубокого уровня человеческой психики (например, иррациональные сновидения главной героини романа). Поражает оригинальный взгляд М. Кундеру на жизнь. Кундеру-философа всегда и особенно интересовала проблема легкости-тяжести бытия, и в произведении он воплощает ее в образах героев, полемизируя с учением грека Парменида и ницшеанской идеей вечного

возвращения. Известная политическая обстановка в стране радикально несколько раз меняет жизнь героев. Философичность произведения основана на трактовании легкости и тяжести бытия.

Синтезом романа и эссе явилось произведение «Бессмертие» (1988) – последнее, написанное на чешском языке. В нем рассматриваются вопросы бытия, фиктивности происходящего, европейской культуры.

В 1990–2000 гг. М. Кундера написал романы «Бессмертие», «Неспешность» («Медлительность», много откровенных сцен, скандальный роман), «Подлинность», «Идентичность», «Неведение». Хотя основу многих произведений составляют абстрактные категории, автор интересуется изучением живых людей, их поступков, отношением к любви, родине, долгу, Богу. Темы – эмиграция, ностальгия, одиночество, память. Многие секретом успеха Милана Кундеры считают умение ставить вопросы жизни и мира, в котором человек существует, отсутствие назидательности, свободную манеру изложения и обращение как к рядовому читателю, так и интеллектуалу.

Чтобы лучше понять творчество, художественный метод писателя, следует познакомиться со сборниками эссе «Искусство романа» и «Нарушенные завещания», содержащими размышления о возможностях романа как антитоталитарного жанра, о словах-символах, фантастичном и ирреальном, вербальной картине мира, о противостоянии политики и культуры Запада и Востока. Книги Кундеры переведены на многие языки мира.

Один из самых читаемых современных прозаиков – **Михал В́ивег** (р. 1962), произведения которого включены в хрестоматии чешских учебников. Пришел в литературу в 1990 г., опубликовал более двух десятков книг. Это и детская литература, и детективы, и серьез-

ная социально-психологическая проза. Бестселлером стало произведение «Лучшие годы – псу под хвост». Прекрасно владея богатой палитрой юмора и иронии, в которой нередко оживают типично чешские – гашековские интонации, Вивег пишет о наболевшем – о ключевых моментах чешской истории второй половины XX ст. 1968 и 1989 гг. – две даты, организующие действие романа. В 1968-м г. танками военного блока (стран Варшавского договора) была раздавлена мечта о «социализме с человеческим лицом». Начались годы безвременья, когда чешский народ и прежде всего интеллигенция полной чашей испили горечь унижения и предательства: врачи и юристы вынуждены были работать мойщиками окон, истопниками и ночными сторожами, а кое-кто, поддавшись искушению, ради карьеры стал служить режиму. Это был мир перевернутых понятий, перевернутых норм человеческих взаимоотношений. И не заключен ли особый смысл в таинственной игре календарных чисел, когда перевернутое 68 становится 89? Так в романе трагедия 68-го закономерно и неизбежно оборачивается «бархатной революцией» 89-го. М. Вивег был удостоен премии Иржи Ортена, поэта, погибшего во время засиления фашизма в Праге. Прозу писателя отличает захватывающий сюжет, словесная игра, юмор, частенько переходящий в черный. Он написал «Рассказы о браке и сексе», «Воспитание девушек в Чехии», «Роман для женщин», «Ангелы на каждый день» и другие произведения. Все чаще его стали критиковать за недостаточный психологизм в угоду эпатажу, эротике, скандалу, злоупотребление ненормативной лексикой, называть постмодернистом.

Популярностью пользуются произведения **Радека Йона** (р. 1954), пишущего о молодежи и для молодежи

жи. Он закончил сценарный факультет университета. Является автором рассказов, романов «Джинсовый мир», «Начало летоисчисления», «Memento». Последнее произведение – о наркомании. Чтобы лучше узнать этот мир, писатель вошел в среду наркоманов, написал сначала об этом репортаж, а потом роман-предостережение, избавленный излишней патетики и нравоучений, которые так не любят молодые. Есть у него и сценарии кинофильмов, например, кинофильма «Почему?» о футбольных болельщиках-фанатах.

Кроме вышеперечисленных писателей, современную чешскую литературу представляют **Владимир Нефф**, автор исторических романов «У королей не бывает ног», «Перстень Борджиа»; **Владимир Парал**, написавший роман «Декамерон-2000, или Любовь в Праге»; **Станислав Рудольф**, пишущий о подростках; **Йозеф Томан** – автор пьес антифашистского характера, сборников стихов, прозы для детей и взрослых; **Милошав Стингл**, совершивший 40 кругосветных путешествий, написавший порядка 40 книг общим тиражом около 16 млн экземпляров о жизни народов разных стран; **Яхим Топол**, поэт и прозаик – постмодернист: «Золотая голова», «Ангел», «По студеной земле»; **Йозеф Шкворецкий** – номинант Нобелевской премии, автор произведений в прозе «Конец нейлонового века», «Невеста из Техаса» и др.; **Ян Балабан** (1961–2010), современный чешский прозаик, переводчик, рассказывающий о проблемах современного человека, в определенный момент жизни переоценивающего существующее и прожитое. Его сборники рассказов «Средневековье», «Божий канат» содержат автобиографические мотивы, размышления мужчины «среднего возраста», избавляющегося от иллюзий. Он экспериментирует с композицией в сборниках рассказов

«Каникулы» и «Возможно, мы уходим». Формально независимые, рассказы спаяны идейно-тематически, чего не скажешь о романах «Черный баран» и «Куда шел ангел», отличающихся композиционной фрагментарностью. Большой интерес вызывают книги поэта и прозаика **Ленки Райнеровой** (1916–2008), награжденной Большим крестом за литературное творчество (она последний пражский автор, писавший по-немецки), чешской медалью «За заслуги» I степени, «Кольцом Шиллера», медалью Гете, другими наградами. Жизнь обошлась с ней жестоко. До Второй мировой войны работала в газете. В 1939 г., находясь в командировке за границей, получила известие о гитлеровской оккупации Праги. Никто из ее родственников не пережил войну и Холокост. Испытала на себе сталинские репрессии, будучи арестованной. После Пражской весны потеряла работу, получила запрет на публикации, вынуждена была переквалифицироваться в переводчика. Начали печатать ее произведения лишь в 80-х гг. XX в. «Кафе мечты одной пражанки» (1996), «Запах миндаля» (1998), «Сумасбродная Прага» (2005), «Тайна следующей минуты» (2007) – далеко не весь перечень написанного. Известный издатель Ф. Вагенбах как-то сказал: «Хотите узнать, как разговаривал Кафка? Тогда послушайте Райнерову».

Кто-то из современных чешских писателей живет на родине, кто-то за границей, но при этом чешская литература не делится на литературу «тут» и «там».

СПИСОК УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Андреев, В. Д. История болгарской литературы / В. Д. Андреев. – М. : Высш. шк., 1978. – 319 с.

Баршчэўскі, Л. П. Беларуская літаратура і свет / Л. П. Баршчэўскі, П. В. Васючэнка, М. А. Тычына. – Мінск : Радыёла-плюс, 2006. – 576 с.

Кузнецова, Р. Р. История чешской литературы / Р. Р. Кузнецова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 342 с.

Леонова, Е. А. Польская литература / Е. А. Леонова // История зарубежной литературы второй половины XIX – начала XX веков : учеб. пособие / Т. В. Ковалева, Т. Д. Кириллова, Е. А. Леонова. – Минск : Завигар, 1997. – С. 210–232.

Мещеряков, С. Н. Сербская литература второй половины XII – XIX вв. : Краткий очерк истории : учеб. пособие / С. Н. Мещеряков. – М. : МАКС-Пресс, 2004. – 113 с.

Очерки истории культуры славян. – М. : Индрик, 1996. – 490 с.

Шабловская, И. В. История зарубежной литературы XX века (первая половина) / И. В. Шабловская. – Минск : Экономпресс, 1998. – 382 с.

Дополнительная

Гимбутис, М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутис. – М. : Центрполиграф, 2001. – 216 с.

История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. – Минск : Экономпресс, 2001. – 352 с.

История зарубежной литературы XX века : 1917–1945. – М. : Просвещение, 1984. – 304 с.

История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны : в 2 т. / редкол. В. А. Хорев. – М. : Индрик, 1995. – Т. 1. – 695 с. ; 2001. – Т. 2. – 759 с.

История литератур западных и южных славян : в 3 т. – М. : Индрик, 2001. – Т. III : Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). – 992 с.

Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энцикл., 1987. – 750 с.

Мальдзіс, А. І. На скрыжаванні славянскіх традыцый / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.

Соколянскі, А. А. Введение в славянскую филологию / А. А. Соколянскі. – М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 400 с.

Супрун, А. Е. Введение в славянскую филологию / А. Е. Супрун, А. М. Калюта. – Мінск : Выш. шк., 1981. – 432 с.

Шаблоўская, І. В. Сусветная літаратура ў беларускай прасторы: Рэцэнзья. Тыпалогія. Кантакты / І. В. Шаблоўская. – Мінск : Радыёла-плюс, 2007. – 304 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

История болгарской литературы

Андреев, В. Д. История болгарской литературы / В. Д. Андреев. – М. : Высш. шк., 1978. – 319 с.

Болгарская литература : хрестоматия : учеб. пособие для студ. филол. спец. вузов / сост. В. Д. Андреев. – М. : Высш. шк., 1987. – 392 с.

Власов, В. Г. Славянская азбука и славянские просветители / В. Г. Власов. – М. : Знание, 1989. – 64 с.

Зарев, П. Панорама болгарской литературы : в 2 т. / П. Зарев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 2 т.

Из века в век. Болгарская поэзия : стихотворения / сост., предисл., примеч. Е. В. Исаевой, С. Н. Гловюка, А. В. Герасимова. – М. : Пранат, 2005. – 704 с.

Пьесы болгарских писателей. – М. : Искусство, 1971. – 439 с.

Современная болгарская повесть. – М. : Прогресс, 1975. – 522 с.

Современная болгарская драматургия : сб. / сост. М. Праматарова. – М. : Болг. культ.-информ. центр, 2004. – 314 с.

История польской литературы

Адельгейм, И. Польская проза межвоенного двадцатилетия: между Западом и Россией. Феномен психологического языка / И. Адельгейм. – М. : Индрик, 2000. – 202 с.

Адельгейм, И. Поэтика «промежутка». Молодая польская проза после 1989 года. – М. : Индрик, 2010. – 544 с.

Астафьева, Н. Г. Польские поэтессы : антология / Н. Г. Астафьева. – СПб. : Алетейя, 2002. – 629 с.

История польской литературы : в 2 т. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – 616 с. ; 1969. – Т. 2. – 504 с.

Кабржыцкая, Т. В. Фальклор і літаратура : феномен беларуска-польска-ўкраінскага культурнага сумежжа / Т. В. Кабржыцкая, М. М. Хмяльніцкі, Э. Ю. Дзюкава ; пад рэд. Т. В. Кабржыцкай. – Мінск : Кнігазбор, 2011. – 184 с.

Леонова, Е. А. Польская литература / Е. А. Леонова // История зарубежной литературы второй половины XIX – начала XX веков : учеб. пособие / Т. В. Ковалева, Т. Д. Кириллова, Е. А. Леонова. – Минск : Завигар, 1997. – С. 210–232.

Польская новелла XIX–XX вв. – Л. : Худож. лит., 1988. – 302 с.

Польская романтическая поэма XIX в. – М. : Худож. лит., 1982. – 344 с.

Польские поэты XX века : антология : в 2 т. / пер. с пол., сост., предисл. Н. Астафьевой, В. Британишского. – СПб. : Алетейя, 2000. – 2 т.

Польские фразы / ред. С. Михалков. – М. : Прогресс, 1964. – 152 с.

Творческий портрет Ч. Милоша // Крыніца. – 1997. – № 7. – С. 63–95.

Творческий портрет С. Мрожека // Иностранная литература. – 2001. – № 7. – С. 159–239.

Хмяльніцкі, М. М. Польская драматургія XX стагоддзя : вучэб. дапам. / М. М. Хмяльніцкі. – Мінск : БДУ, 2008. – 79 с.

История сербской литературы

Зарубежные славянские литературы. XX век. – М. : Наука, 1970. – 433 с.

Драматургия Югославии. – М. : Искусство, 1982. – 646 с.

Лихачева, Л. П. Иво Андрич : биобиблиогр. указ. / Л. П. Лихачева. – М. : Книга, 1974. – 125 с.

Мещеряков, С. Н. Сербская литература второй половины XII–XIX вв.: Краткий очерк истории : учеб. пособие / С. Н. Мещеряков. – М. : МАКС-Пресс, 2004. – 113 с.

Мовы ўсяго жывога. Сербскія народныя казкі / уклад., прадм., пер. І. Чароты. – Мінск : Мастац. літ., 2007. – 151 с.

Народ сербскі: яго абрады і звычаі, святы і святыні : зб. арт. / уклад., камент. і агул. рэд. І. А. Чароты. – Мінск : РІВШ, 2006. – Вып. 2. – 99 с.

Поэзия современной Югославии. – М. : Худож. лит., 1981. – 510 с.

Радволина, И. М. У одного костра. Портреты югославских писателей / И. М. Радволина. – М. : Сов. писатель, 1977. – 304 с.

Сербская паэзія / уклад., пер., камент. М. Джэркавіч, І. Чарота. – Мінск : Мастац. літ., 1989. – 350 с.

Чарота, І. А. Югаславіянскія літаратуры і культуры : вучэб. дапам. / І. А. Чарота, М. В. Трус. – Мінск : БДУ, 1999. – 73 с.

Яковлева, Н. Б. Современный роман Югославии / Н. Б. Яковлева. – М. : Наука, 1980. – 208 с.

История чешской литературы

Ад падання да рамана : выбраныя творы чэшскай прозы XIX – першай паловы XX стагоддзя : вучэб. дапам. / склад., пер. з чэш. мовы, аўт. камент. Н. Б. Рашэтнікавай. – Мінск : БДУ, 2010. – 163 с.

Антология чешской поэзии XIX–XX веков : в 3 т. – М. : Худож. лит., 1959. – 3 т.

Бернштейн, И. А. Чешский роман XX в. и пути реализма в европейских литературах / И. А. Бернштейн. – М. : Наука, 1979. – 304 с.

Вострыкава, А. У. Чэшская літаратура памежжа XIX–XX стагоддзяў : вучэб.-метад. дапам. / А. У. Вострыкава. – Мінск : БДУ, 2008. – 115 с.

Вострыкава, А. У. Чэшская літаратура другой паловы XX стагоддзя : дапам. / А. У. Вострыкава. – Мінск : БДУ, 2012. – 103 с.

Вострыкава, А. У. Сучасная чэшская літаратура: вернутыя імёны : курс лекцый / А. У. Вострыкава. – Мінск : БДУ, 2005. – 58 с.

«Гэты цудоўны край – зямля чэхаў...». Выбраныя творы з чэшскай літаратуры XIX стагоддзя : вучэб. дапам. / склад., пер. з чэш. мовы і аўт. камент. Н. Б. Рашэтнікавай. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2009. – 174 с.

Драматургія Чэхасловакіі. – М. : Искусство, 1976. – 350 с.

История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. – М. : Индрик, 1995. – Т. 1. – 695 с. ; 2001. – Т. 2. – 759 с.

Кузнецова, Р. История чешской литературы / Р. Кузнецова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 342 с.

Никольский, С. В. История образа Швейка: новое о Ярославле Гашеке и его герое / С. В. Никольский. – М. : Индрик, 1997. – 176 с.

Творческий портрет В. Гавела // Крыніца. – 1997. – № 1. – С. 2–38.

Творческий портрет М. Кундеры // Крыніца. – 1998. – № 10. – С. 50–97.

Чешская новелла XIX – начала XX века. – Л. : Худож. лит., 1987. – 528 с.

Чешские повести и рассказы. – М. : Прогресс, 1977. – 560 с.

Шаблоўская, І. В. Паэтыка чэшскага рамана XX стагоддзя / І. В. Шаблоўская. – Мінск : БДУ, 1995. – 258 с.

Шерлаимова, С. А. Литература «пражской весны»: до и после / С. А. Шерлаимова. – М. : Наука, 2002. – 195 с.

РЕКОМЕНДУЕМ ПОЧИТАТЬ

Болгарская литература

Вазов И. Под иггом.
Константинов А. Бай Ганю.
Елин Пелин. Гераковы.
Димов Д. Табак.
Талев Д. Преспанские колокола. Железный светильник.
Гуляшки А. Любовь. Приключения Аввакума Захова.
Радичков Й. Все и никто. Пороховой букварь.
Райнов Б. Черные лебеди. Нет ничего лучше плохой погоды. Большая скука.
Вежинов П. Барьер. Ночью на белых конях.
Станев Е. Похититель персиков.
Стратиев С. Автобус.
Господинов Г. Естественный роман.
Борисов Г. Стихи.

Польская литература

Мицкевич А. Дзяды. Пан Тадэвуш. Гражина.
Крашевский Ю. Графиня Козель. Старое предание.
Реймонт В. Мужики.
Жеромский С. Пепел.
Ожешко Э. Над Неманом. Хам.
Прус Б. Фараон.
Сенкевич Г. Камо грядеши? Огнем и мечом. Потоп.
Пан Володыевский. Крестоносцы.
Бреза Т. Бронзовые врата.
Тувим Ю. Цветы Польши. Бал в опере.
Голуй Т. Рай.
Ивашкевич Я. Повести. Рассказы.
Анджеевский Е. Пепел и алмаз. Врата рая.
Лем С. Солярис. Голос Неба. Приключения пилота Пиркса.
Ставинский Е. Час пик.

Гомбрович В. Фердидурке.
Шимборская В. Стихи. Мир, достойный возвращения.
Мрожек С. Эмигранты.
Ружевиц Т. Западня. Стихи.
Конвицкий Т. Чтиво.
Милош Ч. Стихотворения.
Токарчук О. Правек и другие времена. Бегуны.
Сапковский А. Ведьмак.
Вишневский Я. Одиночество в сети.
Хмелевская И. Что сказал покойник.

Чешская литература

Неруда Я. Малостранские повести.
Ирасек А. Псоглавцы.
Сейферт С. Стихи.
Незвал В. Васильки и города. Эдисон.
Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка.
Чапек К. Война с саламандрами. Рассказы.
Пуйманова М. Люди на перепутье.
Фучик Ю. Репортаж с петлей на шее.
Отченашек Я. Ромео, Джульетта и тьма.
Грабал В. Слишком шумное одиночество. Я обслуживал английского короля.
Кундера М. Шутка. Невыносимая легкость бытия.
Гавел В. Праздник в саду.
Йон Р. Мemento.
Вивег М. Лучшие годы – псу под хвост.
Балабан Я. Средневековье. Каникулы.

Сербская литература

Андрич И. Мост на Дрине.
Максимович Д. Стихи.
Лалич М. Лелейская гора.
Чосич Д. Солнце далеко.
Павич М. Хазарский словарь. Ящик для письменных принадлежностей.
Петрович Г. Атлас, составленный небом. Осада церкви Святого Спаса.

II

МИНИ-ХРЕСТОМАТИЯ

Богумил Грабал

Слишком шумное одиночество

(фрагменты)

перевод С. Скорвида

Тридцать пять лет я занимаюсь литературой, и это моя история любви. Тридцать пять лет я прессую старую бумагу и книги, тридцать пять лет пачкаюсь типографскими знаками, так что стал похож на толковые словари, которых за эти годы через мои руки прошло, наверное, центнеров тридцать; я сосуд с живой и мертвой водой, стоит меня чуточку наклонить – из меня потекут сплошь мудрые мысли, я против своей воли образован и даже не знаю, какие мысли мои, то есть из меня, а какие я вычитал, так за эти тридцать пять лет во мне срослись я сам и окружающий меня мир; ведь я, читая, можно сказать, не читаю, а набираю в клюв красивую фразу и смакую ее, как конфету, как рюмочку ликера, до тех пор, пока эта мысль не впитается в меня, подобно алкоголю, до тех пор она всасывается, пока не только проникнет в мозг и сердце, но просочится с кровью до самой последней жилки. И вот так я за один месяц прессую в среднем двадцать центнеров книг, но чтобы найти в себе силы для этого моего богоугодного дела, я за тридцать пять лет выпил столько пива, что его хватило бы на пятидесятиметровый плавательный бассейн или целые ряды кадок под рождественских карпов. Так я стал

мудрым поневоле и заявляю, что мой мозг – это спрессованные гидравлическим прессом мысли, связки идей, Золушкин орешек – вот что такое моя голова, на которой выгорели волосы, и я понимаю, что куда лучше было в прежние времена, когда все знания сберегала одна лишь людская память; тогда, если бы кто-то затеял изничтожать книги, он был бы принужден пропускать через пресс человеческие головы, хотя и это оказалось бы бесполезным, ведь настоящие мысли берутся снаружи, они всходят подле человека, как тесто в квашне, так что напрасно Кониаши всего мира жгут книги: если они, эти книги, заключают в себе нечто подлинное, слышится лишь тихий смех сжигаемых страниц, ибо хорошая книга всегда обращена куда-то вовне. Я тут купил приборчик, умеющий складывать, умножать и извлекать корни, габаритами не внушительнее бумажника, и когда, набравшись смелости, я отверткой выломал его заднюю стенку, то с радостным испугом разглядел внутри, к собственному удовольствию, крохотную пластинку размером с почтовую марку и толщиной с десяток книжных листов – и больше ничего, только воздух, заряженный математическими вариациями воздуха! Вот так, когда мои глаза погружаются в хорошую книгу, отвлекаясь от напечатанных слов, от текста ее тоже остаются лишь нематериальные мысли, которые витают в воздухе, почивают на воздухе, питаются воздухом и в воздух же возвращаются, ибо все в итоге состоит из воздуха – так же, как одновременно присутствует и отсутствует кровь Господня в Святом причастии. <...>

Тридцать пять лет я прессую макулатуру, и за это время старьевщики сбросили в мой подвал столько прекрасных книг, что, имей я хоть три сарая, все они оказались бы заполнены. После Второй мировой войны кто-то свалил возле моего гидравлического пресса корзину книг, и когда я пришел в себя и

раскрыл одну из этих красавиц, то увидел штамп Королевской Прусской библиотеки, а на следующий день с потолка в подвал посыпались переплетенные в кожу книги, воздух искрился от их золотых обрезов и заглавий, и я поспешил наверх, а там стояли два парня, и я выудил из них, что где-то возле Нового Страшеци есть сарай, в котором среди соломы столько этих книг, что глаза разбегаются. Тогда я пошел к военному библиотекарю, и мы с ним отправились в Страшеци и там в поле отыскивали не один, а целых три сарая с Королевской Прусской библиотекой, и, налюбовавшись, мы договорились, что армейские машины будут одна за другой всю неделю свозить эти книги в Прагу, во флигель Министерства иностранных дел, чтобы, когда все успокоится, библиотека опять вернулась туда, откуда ее привезли, но кто-то проведал об этом ненадежном укрытии, и Королевскую Прусскую библиотеку объявили военным трофеем, и армейские машины вновь возили переплетенные в кожу книги с золотыми обрезами и заглавиями на вокзал, и там их грузили на открытые платформы, и шел дождь, лило целую неделю, и когда последняя машина привезла последние книги, поезд поехал навстречу ливню, и с открытых платформ капала золотая вода, смешанная с копотью и типографской краской, а я стоял, опершись о парапет, и ужасался тому, чему был свидетелем; когда последний вагон исчез в дождливом дне, дождь смешивался у меня на лице со слезами, и я ушел с вокзала и, увидев полицейского в форме, скрестил руки и совершенно искренне попросил его надеть на меня наручники, или побрякушки, как говорят в Либени, и арестовать, потому что я совершил преступление: я, мол, сознаюсь в преступлении против человечности. А когда он меня в конце концов задержал, то в участке меня не только подняли на смех, но еще и пригрозили, что посадят в тюрьму.

Михал Вивег
Лучшие годы – псу под хвост
(фрагменты романа)

перевод Н. Шульгиной

Карьера отца Квидо кончилась на склоне лета тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, причем так же внезапно, как и началась.

Правда, уже прошлой осенью случилась одна, казалось бы, пустяковая история, в которой иной, у кого на такие вещи особый нюх, мог бы углядеть некую увертюру, некий первый симптом будущего кризиса: маленький Пацо – точно таким же образом, как когда-то его старший брат – сбросил, играя в детском саду в кегли, застекленный портрет президента, правда, на сей раз уже, конечно, не Людвига Свободы, а Густава Гусака.

Падающая рама и длинные острые осколки стекла и на сей раз, по счастью, никого не задели. Однако нельзя было бы утверждать, что сброшенный портрет никому не навредил: одна из старших воспитательниц мгновенно вспомнила подобный случай с Квидо и каждому встречному и поперечному рассказывала об этом как о некоей невероятной случайности. Поэтому упомянутый эпизод вскоре получил широкую огласку и далеко не каждому представлялся всего лишь забавным.

– Будь внимательным к таким вещам, – сказал отцу Квидо Шперк. – Люди могут усмотреть в этом взаимосвязь!

– Он же ребенок... – растерянно оправдывал младшего сына отец.

– То-то и оно! – сказал Шперк. – Недооцениваешь! Нормальные дети, когда катят по полу шар, не сбрасывают портрета, что висит в двух с половиной

метрах над полом. Нет, нормальные дети портретов не сбрасывают!

– Уж не винишь ли ты меня в том, что я родила двух ужасно бездарных игроков в кегли? – спокойно сказала мать.

– Нет, не виню! – орал отец и в приступе слепой злобы вlepил Пацо пощечину. Пацо расплакался.

Мать вытерла мальчику слезы и выставила за дверь.

– Это была первая политическая пощечина, которую получил Пацо, – рассказывал впоследствии Квидо. <...>

... – Привет, Павел, – сказала тогда с сияющей улыбкой мать Квидо Павлу Когоуту, давая тем самым понять продавцам, покупателям и не в последнюю очередь самой себе, что не боится заговорить на столь бойком месте со столь знаменитым теперь диссидентом.

Отец Квидо, который несколько изменился в лице, в последнюю минуту решил сделать веселую мину.

Павел Когоут, естественно, мгновенно узнал забываемую Яну из своей пьесы «Хорошие песни», а позже свою приятельницу по театру – впрочем, не прошло и двух лет, как они виделись в Сазаве, – и в его глазах появился проблеск неподдельной радости:

– Привет!

Но следом он как-то смешался и вернулся к тому сдержанно-любезному тону, который давно уже выработал в себе для подобных встреч и который имел лишь одну цель: относиться с особой осторожностью к тем, с кем в данный момент он разговаривает. Однако и по прошествии нескольких минут улыбка на лице матери Квидо не увяла, и посему он решился произнести столь расхожую вежливую фразу, какую в последнее время произносил весьма редко, ибо понимал, что в его устах она тотчас оборачивается жестким психологическим нажимом.

– Заходите как-нибудь... когда вам будет удобно, – сказал он с некоторой оглядкой.

Не желая показаться невежливым, он, видимо, при этом пытался оставить им некий необходимый простор для отступательного маневра, который был бы вполне оправдан.

Десанка Максимович
Детская косичка в Освенциме

перевод Б. Слуцкого

Осень сменяет лето, пятый раз сменяет,
А тонкая, словно ящерка, девочкина косичка
Лежит в Освенцимском музее –
Живет и не умирает.

Мамины пальцы сгорели, но все-таки ясно видно,
Как девочку в путь-дорогу пальцы те собирают,
То они цепенеют, то беспомощно виснут,
И черную ленту предчувствий
В тонкую косу вплетают.

Туго косичка закручена, не расплетется до вечера,
Скупые змейки стелются – мама горько плачет.
Девочка улыбается ласково и доверчиво,
Девочка не понимает, что эти слезы значат.

Вот палачи ледяные – банды их ясно вижу –
Косят людские волосы, мечут в стога большие.
Легкие детские локоны ветер уносит выше,
В грузные копны сложены женские косы густые.

Словно шерсть настриженную, словно руно овечье,
В кучи их кто-то сваливает и припинает ногами.
Вижу – пылают яростью большие глаза человечьи,
Вижу старух испуганных рядом со стариками.

То, что словами не выскажешь, тоже вижу ясно:
Пламя пышет из топки и палачей озаряет,
Длинные их лопаты от детской крови красные,
Стылые детские трупы в топку они швыряют.

Вижу седины бедные, все в серебристом инее,
И рядом – как ящерка – тонкую девочкину косичку,
Вижу глазенки детские – большие, синие-синие.

Зимним днем

перевод А. Ахматовой

Снег тихо до самого вечера падал,
как яблони цвет.
О, я улетела б с такою отрадой
сквозь дали пространства и лет,
куда-то меж снежными лепестками,
как легкий летит мотылек,
кого-то утешить такими словами,
какие другим невдомек.

И в сумерках снег так же медленно падал,
усталый, густой.
Мне встретить кого-то
такая отрада...
Ни тени в долине пустой!
И ночью весь мир словно в белых тенетах,
снежинки ложатся у ног.
Как больно следить непрерывный полет их,
когда человек одинок.

Карел Чапек

Поэт

(рассказ с незначительными сокращениями
из сборника «Рассказы из одного кармана»)

перевод Т. Аксель

Заурядное происшествие: в четыре часа утра на
Житной улице автомобиль сбил с ног пьяную старуху

и скрылся, развив бешеную скорость. Молодому полицейскому чиновнику д-ру Мейзлику предстояло отыскать это авто. Как известно, молодые полицейские чиновники относятся к делам очень серьезно.

– Гм... – сказал Мейзлик полицейскому номер 141. – Итак, вы увидели в трехстах метрах от вас быстро удалявшийся автомобиль, а на земле – распростертое тело. Что вы прежде всего сделали?

– Прежде всего подбежал к пострадавшей, – начал полицейский, – чтобы оказать ей первую помощь.

– Сначала надо было заметить номер машины, – проворчал Мейзлик, – а потом уже заниматься этой бабой... Впрочем, и я, вероятно, поступил бы так же, – добавил он, почесывая голову карандашом. – Итак, номер машины вы не заметили. Ну, а другие приметы?

– По-моему, – неуверенно сказал полицейский номер 141, – она была темного цвета. Не то синяя, не то темно-красная. Из глушителя валил дым, и ничего не было видно.

– О господи! – огорчился Мейзлик. – Ну, как же мне теперь найти машину? Бегать от шофера к шоферу и спрашивать: «Это не вы переехали старуху?» Как тут быть, скажите сами, любезнейший?

Полицейский почтительно и равнодушно пожал плечами.

– Осмелюсь доложить, у меня записан один свидетель. Но он тоже ничего не знает. Он ждет рядом в комнате.

– Введите его... Фамилия и местожительство? – машинально обратился Мейзлик к вошедшему, не поднимая взгляда.

– Кралик Ян – студент механического факультета, – отчетливо произнес свидетель.

– Вы были очевидцем того, как сегодня в четыре часа утра неизвестная машина сбила Божену Махачкову?

– Да. И я должен заявить, что виноват шофер... Я провожал своего приятеля.

– А кто такой ваш приятель? – снова прервал Мейзлик.

– Поэт Ярослав Нерад, – не без гордости ответил свидетель. – Но от него вы ничего не добьетесь. Потому что он... у него...такая поэтическая натура. Когда произошел несчастный случай, он расплакался, как ребенок, и побежал домой... Итак, мы шли по Житной улице: вдруг откуда-то сзади выскочила машина...

– Номер машины?

– Извините, не заметил <...>

– А какого цвета кузов? Кто сидел в машине? Открытая или лимузин?

– Не знаю, – смущенно ответил свидетель. – Цвет, кажется, черный. <...>

Через час полицейский номер 141 позвонил у дверей поэта Ярослава Нерада.

<...> Полицейскому наконец удалось объяснить Нераду, зачем его вызывают в полицию. <...>

– Вы поэт Ярослав Нерад? – спросил Мейзлик. – Вы были очевидцем того, как неизвестный автомобиль сбил Божену Махачкову? <...> Можете вы сказать, какая это была машина? Открытая, закрытая, цвет, количество пассажиров, номер?

Поэт усиленно размышлял.

– Не знаю, – сказал он. – Я на это не обратил внимания. <...>

– Что же вы вообще заметили, скажите, пожалуйста? – иронически осведомился Мейзлик.

– Так, общее настроение. <...> Постойте! – вдруг вскочил поэт. – Ведь я написал об этом стихи, когда пришел домой. <...>

Дома в строю темнели сквозь ажур,
Рассвет уже играл на мандолине,
Краснела дева.
В дальний Сингапур
Вы уносились в гоночной машине.
Повержен в пыль надломленный тюльпан.
Умолкла страсть. Безволие... Забвенье.
О шея лебеда!
О грудь!
О барабан и эти палочки –
трагедии знаменье!

– Вот и все, – сказал поэт.

– Извините, что все это значит? – спросил Мейзлик.
<...> Как-то из всего этого я не могу установить, что «июля пятнадцатого дня, в четыре часа утра, на Житной улице автомобиль номер такой-то сбил с ног шестидесятилетнюю нищенку Божию Махачкову, бывшую в нетрезвом виде. Пострадавшая отправлена в городскую больницу и находится в тяжелом состоянии». Обо всех этих фактах в ваших стихах, насколько я мог заметить, нет ни слова. Да-с.

– Все это внешние факты, сырая действительность, – сказал поэт, теребя себя за нос. – А поэзия – это внутренняя реальность. Поэзия – это свободные сюрреалистические образы, рожденные в подсознании поэта, понимаете? Это те зрительные и слуховые ассоциации, которыми должен проникнуться читатель. И тогда он поймет, – укоризненно закончил Нерад.

– Скажите пожалуйста! – воскликнул Мейзлик. – Ну, ладно, дайте мне этот ваш опус. Спасибо. Итак, что же тут говорится? Гм... «Дома в строю темнели сквозь ажур...» Почему в строю? Объясните-ка это.

– Житная улица, – безмятежно сказал поэт. – Два ряда домов. Понимаете?

– А почему это не обозначает Национальный проспект? – скептически осведомился Мейзлик.

– Потому что Национальный проспект не такой прямой, – последовал уверенный ответ.

– Так, дальше: «Рассвет уже играл на мандолине...» Допустим. «Краснела дева...». Извиняюсь, откуда же здесь дева?

– Заря, – лаконично пояснил поэт.

– Ах, прошу прощения. «В дальний Сингапур вы уносились в гоночной машине»?

– Так, видимо, был воспринят мной тот автомобиль, – объяснил поэт.

– Он был гоночный?

– Не знаю. Это лишь значит, что он бешено мчался. Словно спешил на край света.

– Ага, так. В Сингапур, например? Но почему именно в Сингапур, боже мой?

Поэт пожал плечами.

– Не знаю, может быть потому, что там живут малайцы.

– А какое отношение имеют к этому малайцы? А?

Поэт замялся.

– Вероятно, машина была коричневого цвета, – задумчиво произнес он. – Что-то коричневое там непременно было. Иначе откуда взялся бы Сингапур?

– Так, – сказал Мейзлик. – Другие свидетели говорили, что авто было синее, темно-красное и черное. Кому же верить?

– Мне, – сказал поэт. – Мой цвет приятнее для глаза.

– «Повержен в пыль надломленный тюльпан», – читал далее Мейзлик. – «Надломленный тюльпан» – это, стало быть, пьяная побирושка?

– Не мог же я так о ней написать! – с досадой сказал поэт. – Это была женщина, вот и все. Понятно?

– Ага! А это что: «О шея лебеда, о грудь, о ба-рабан!» Свободные ассоциации?

– Покажите, – сказал, наклоняясь, поэт. – Гм... «О шея лебедя, о грудь, о барабан и эти палочки...». Что бы все это значило? <...>

– Пойдите, – размышлял Нерад. – Что-нибудь подсказало мне эти образы <...> Скажите, вам не кажется, что двойка похожа на лебединую шею? Взгляните.

И он написал карандашом 2.

– Ага! – уже не без интереса воскликнул Мейзлик. – Ну, а это: «грудь»?

– Да ведь это цифра три, она состоит из двух округлостей, не так ли?

– Остаются барабан и палочки! – взволнованно воскликнул полицейский чиновник.

– Барабан и палочки... – размышлял Нерад. – Барабан и палочки... Наверно, это пятерка, а? Смотрите, – он написал цифру 5. – Нижний кружок словно барабан, а над ним палочки.

– Так, – сказал Мейзлик, выписывая на листке цифру 235. – Вы уверены, что номер авто был двести тридцать пять?

– Номер? Я не заметил никакого номера, – решительно возразил Нерад. – Но что-то такое там было, иначе бы я так не написал. По-моему, это самое удачное место? Как вы думаете?

Через два дня Мейзлик зашел к Нераду. <...>

– Я на минутку, – сказал Мейзлик. – Зашел только сказать вам, что это действительно было авто номер двести тридцать пять.

– Какое авто? – изумился поэт.

– «О шея лебедя, о грудь, о барабан и эти палочки!» – одним духом выпалил Мейзлик. – И насчет Сингапура правильно. Авто было коричневое.

– Ага! – вспомнил поэт. – Вот видите, что значит внутренняя реальность. Хотите, я прочту вам два-три моих стихотворения? Теперь-то вы их поймете.

– В другой раз! – поспешил ответить полицейский чиновник. – Когда у меня опять будет такой случай, ладно?

Никита Нанков

перевод Евгения Харитонова

барболинке барболинке барболинке

слы слы слы

шу шу шу

как как как

ты ты ты

сып сып сып

ле ле ле

шься шься

на на на

по по по

л л л

и и и

от от от

ска ска ска

ки ки ки

ваешь ваешь ваешь

как как как

рас рас рас

сып сып сып

авш авш авш

ийся

бис бис бис

ер ер ер

барболи барболин барболинк

е ке нке

барболинке

Вислава Шимборская
Мысли, посещающие меня
на многолюдных улицах
перевод Асара Эппеля

Лица.

Миллиарды лиц на внешности мира.

Вроде бы каждое отличимое

От тех, какие были и будут.

Но Природа – поди ее разбери, –

утомленная, похоже, нескончаемым тружdenьем,

повторяет свои давние выдумки

и придает нам облики,

когда-то уже ношенные.

Быть может, мимо прошел Архимед в джинсах,

императрица Екатерина в тряпках с распродажи,

египетский фараон с портфелем и в очках.

Вдова какого-то босоногого сапожника

из крошечной еще Варшавы,

художник из пещеры Альтамира

с внучками в зоопарк,

косматый вандал по дороге в музей,

чтобы немного повосторгаться.

Кто-то, павшие двести веков назад,

пять веков назад,

полвека назад.

Кто-то, провозимый мимо в золоченой карете,

кто-то – вагоном массового уничтожения.

Монтесума, Конфуций, Навуходносор,

их няньки, их прачки и Семирамида,

знающая только по-английски.

Миллиарды лиц на внешности мира.
Твое, мое, чье –
разве узнаешь?
Быть может, Природа вынуждена обманывать
и, чтобы поспеть, чтобы управиться,
наладилась ловить утонувшее
в зеркале забвения.

Георги Господинов
Естественный роман
(фрагмент)

перевод М. Ширяевой

В каждой секунде в этом мире – длинная вереница людей плачущих и еще одна, покороче, – людей смеющихся. Но есть и третья вереница, состоящая из людей, которые уже не плачут и не смеются. Самая печальная из всех. О ней мне и хочется поговорить.

Расстаемся. Во сне расставание связано только с уходом из дома и больше ни с чем. В комнате все упаковано, коробки высятся до потолка, но там, наверху, все еще просторно. Коридор и другие комнаты полны родственников – моих и Эммы. Они о чем-то шушукуются, шумят и ждут дальнейших действий с нашей стороны. Мы с Эммой стоим у окна. Нам осталось поделить лишь кучу граммофонных пластинок. Неожиданно она вынимает из пакета пластинку, ту, что сверху, и с силой запускает ее в окно. Это мне, говорит она. Окно закрыто, но пластинка проходит сквозь него, как будто разрезает воздух. Инстинктивно я достаю следующую и бросаю ее следом. Пластинка несется, как летающая тарелка, вращается вокруг своей оси, как в проигрывателе, только быстрее. Слышен ее свист. Где-то над мусорными баками она угрожающе отклоняется в сторону низко летящего грязного

голубя. В первый момент кажется, что столкновения удастся избежать, но немного погодя я вижу, как острый край пластинки медленно врезается в его упитанную шею. Все происходит как в замедленном кадансе, и это усиливает ужас. Совсем отчетливо слышится несколько коротких тонов – это пластинка перерезает шею. Острая кость голубиного зоба издает мимолетный звук, скользнув по музыкальной дорожке пластинки. Только начало мелодии. Какой-то шансон. Не помню. «Шербурские зонтики»? «О, Paris»? «Кафе с тремя голубями»? Не помню. Но музыка звучала. Отрезанная голова по инерции пролетает еще несколько метров, а тело мягко шлепается в пыль рядом с мусорными баками. Крови нет.

Во сне нет ничего лишнего. Эмма наклоняется и бросает следующую пластинку. Потом я. Она. Я. Она. С каждой следующей пластинкой повторяется то же, что и с первой. Тротуар под окном завален птичьими головами, серыми, одинаковыми, с затянутыми пленкой глазами. При каждой упавшей голове родственники за нашей спиной отрывисто аплодируют. Мица сидит на подоконнике и хищно облизывается.

Я проснулся от боли в горле. Сначала я хотел рассказать свой сон Эмме, но потом передумал. Это просто сон.

Чеслав Милош

Юность

перевод В. Британишского

Твоя несчастливая и глупая юность.
Твой приезд из провинции в город.
Запотевшие стекла трамваев, суетливая нищета толпы.
Твой испуг: ты вошел в ресторан,
Чересчур для тебя дорогой.
Но все – чересчур дорогое. Чересчур высокое.

Эти здесь, конечно, заметят твою неотесанность,
И немодный костюм, и неловкость.

Не было никого, кто бы рядом стал и сказал:
– Ты красивый,
Ты сильный и здоровый,
Твои несчастья мнимы.

Ты б не завидовал тенору
В пальто из верблюжьей шерсти,
Если б знал его страх и предвидел, как он погибнет.

Та рыжая, из-за которой ты переживаешь муки,
Такой она кажется тебе красивой,
Это же кукла в огне,
Не поймешь, что она кричит устами паяца.

Фасон тех шляп, и платьев крой, и лица в зеркалах
Будешь помнить неясно, как что-то, что было давно
Или осталось от сна.

Дом, к которому ты приближаешься с трепетом,
Ошеломляющие тебя апартаменты,
Смотри, на этом месте кран разгребает руины.

Ты же будешь иметь, владеть, обладать,
Ты бы мог, наконец, гордиться, но гордиться нечем.

Желанья твои исполнятся, и ты обратишься назад,
К времени, сотканному из тумана и дыма.

К переливающейся ткани однодневных жизней,
Которая зыблется, вздымается и опадает,
Как неизменное море.

Книги, которые ты читал, больше не будут нужны,
Ты искал ответа, а жил без ответа.

Ты будешь идти по улицам сверкающих южных столиц,
Возвращаясь к своим истокам, видя в восторге
Белый сад, когда ночью выпал первый снег.

Дончо Цончев

Подарок

(рассказ с незначительными сокращениями
из сборника «Красные слоны»)

перевод Н. Глен

Надо купить Ангелине подарок – сегодня ей исполняется восемь лет. Иду и думаю: не остается ли в наших воспоминаниях только то, что мы сами же потом досочиняем? Ведь не так уж прекрасно было там, у очага, где в мои восемь лет бабушка рассказывала мне разные разности... Если там было так уж прекрасно, чего бы я торопился вырасти? Чего бы манил меня стук копыт тех коней, что мчатся по пламенеющим угольям, сквозь клубы дыма; чего бы рука сама взлетала верх над головой, когда я мерил, на сколько я вырос, съев очередную миску тюри <...>

О, тогда «прекрасное» было и далеко и высоко – еще метр вверх, еще много сказок ... и еще десять или пятнадцать шальных годков. Оно влекло к себе шикарными ботинками и костюмами, роскошными усами, погонами, оно было всем тем, что моя фантазерка бабушка придумывала, лишь бы избавиться от моих пытливых глаз... Раньше прекрасное называлось «потом», а теперь оно зовется «давно». Неужели нельзя не разминуться с ним – и оно, это прекрасное, перемещается во времени, точно тень, точно мечта, к которой никогда нельзя приблизиться вплотную?..

Так, вместо того чтобы зайти в «Детский мир»... я очутился перед кафушкой, в которой заметил знакомые лица. Я зашел и попытался с ходу утопить свои глупые мысли в двух рюмках обыкновеннейшей сли-

вовицы. Завязался разговор, я сказал, что у дочки день рождения, знакомцы тут же выставили меня на угощение, ну и так далее <...>

С трудом расстался я с этой великолепной компанией – мне все-таки нужно было купить подарок и вовремя явиться домой... Что ж мне купить дочке? «Купить», – подумал я, и словно точно ожгло меня. Я тут же полез в карман и убедился в том, чего боялся... У меня в кармане осталось тридцать пять стотинок. Я готов был сам себе вlepить пощечину. Знакомцы мои разошлись. Магазины вот-вот закроются. Я кинулся в писчебумажный магазин напротив и стал рассматривать все мелочи на прилавке.

– Сколько стоит эта точилка?

– Тридцать пять стотинок.

Ура! Теперь сам черт мне не брат. Прозрачная пластмассовая полусфера с рельефным изображением мифического или астрологического стрельца. Я заплатил и вышел. Я совершенно воспрянул духом – что ж такого, новехонькая точилка! Как будто бабушка дарила мне электронные японские подлодки! Мне? Мне было восемь лет? Когда? Тогда, возле начищенных медных ведерок. Неужели это был я? И что я теперь?... Кто же такой я – тот, кто в движении своем от восьми к шестидесяти восьми ищет это убегающее прекрасное, а находит многое другое, совсем непохожее на то, что ищет? Остается ли что-нибудь от всех усилий – или жизнь человека подобна следу, что оставляет в море лодка?

Из самого нутра моего раздался крик: «Ангелина!» Я увидел торт величиной с целый город – торт, который мне так страшно хотелось ей подарить. И две горы, и несколько желтых лун <...> Меня подмывало завопить, побежать, крепко схватить эту малышку за плечи и прокричать ей, что я дарю ей, в сущности, всю свою жизнь <...>

Кое-как я добрался до дома; уже на лестнице слышался гул голосов. Родственники, салаты, вино, пироги – я отлично знал все наперед. Не знал я только деталей: например, что бабушка прислала посылку, а в ней, в конверте, десять левов, что другая бабушка купила ей платье, дедушка – дорогую игрушку, конфеты и шоколад, – вообще множество подобных деталей, от которых мне захотелось залезть в точилку и завертеться так, словно затупившийся карандаш.

Все уставились на меня. Она тоже. Подарки успели в этот день избаловать ее, и она смотрела мне в руки, улыбаясь до ушей.

Я протянул ей точилку. Сказал, что это и есть подарок.

Девочка взяла точилку, помолчала секунду, потом кинула на меня по-старушечьи мудрый взгляд и воскликнула:

– Папа! Папочка, послушай... Знаешь, я именно такую и хотела! Папочка, ты молодец! А то все карандаши ломаются... Смотри, какая красивая!

Я смотрел. Я смотрел ей в глаза, прямо в глаза, а они впились в мои и будто держали меня, не давая разлиться. словно я был неустойчивым сосудом, доверху наполненным чем-то опасным и вверенным в эту минуту глазам Ангелины... Я поднял ее, прижал к лицу и стиснул сильнее, чем нужно.

Ведь и я не ждал от нее этого подарка. Просто потому, что человек, которого я увидел в своей маленькой соплячке, – добрый, прощающий и умный, догадавшийся в восемь лет, что неустойчивые сосуды надо не опрокидывать, а поддерживать, – такой человек стоил подарка несказанно и неизмеримо дороже, чем торт величиной с целый город.

Человек, которого оставит мой исчезающий след.

Единственный в жизни напарник, вдвоем с которым мы ухватили неуловимое «прекрасное» и сжимали его в этот миг, словно клещами.

Жена подтолкнула меня, кто-то из стариков закашлял, я поставил дочку на пол, она спрятала точилку в портфель, и домашнее торжество пошло своим чередом.

Милорад Павич

Ящик для письменных принадлежностей

(фрагменты)

перевод Л. Савельевой

Я, нынешний владелец ящика для письменных принадлежностей, приобрел его в предпоследний год двадцатого века за тысячу немецких марок у официанта из Будвы вместе с загадочной улыбкой, которую он вынес из кухни отеля над порцией кастрадины, приготовленной в тот вечер для посетителей ресторана.

– Не желает ли господин купить необычный дорожный ящик? Морской. Капитанский. С письменным прибором, с отделениями для карт, подзорной трубы и так далее, – вполголоса обратился ко мне в тот вторник официант, подавая ужин.

– Можно посмотреть?

– Я смогу показать вам его утром, во время завтрака. Он у меня здесь, в отеле.

– Принеси, – распорядился я, подумав о том, что у молодых есть время быть мудрыми, а у меня на это времени больше нет.

Ящик оказался большего размера, чем я ожидал, он мне понравился и стал моим.

Ящик был сделан из красного дерева и окован латунью. Пустой, он весил немногим меньше четырех килограммов, или, как сказал официант, был весом с небольшую собаку. Длина и ширина 51 на 27 сантиметров, высота 17,5 сантиметра...

– Если уж вы так придирчивы, – сказал официант, – учтите: то, что имеет силу для сантиметров, имеет

силу и для единиц, в которых когда-то измерялось количество души или любви... <...>

Мне эта вещь принесла больше хлопот, чем пользы, потому что пришлось как следует потрудиться, чтобы обнаружить все тайные отсеки и проникнуть в них. И отпереть все замки. Кстати, больше всего мне в этом помог нюх, потому что каждое из всех этих давно уже не открывавшихся отделений обладало своим собственным, отличным от других запахом. <...>

Верхний уровень ящика для письменных принадлежностей составляют:

его крышка (1) и пять отделений (2–6).

1 КРЫШКА С ЛАТУННЫМ СОЛНЦЕМ

На внешней стороне крышки имеется латунная пластинка в форме эллипсообразного солнца, на ней немецким готическим шрифтом вырезана дата – 1852 – и инициалы Т.А.Р. На выцветшем сукне внутренней поверхности крышки остались пятна от пролитого рома и чернил красного цвета, а также надпись. Это фраза на итальянском языке, которая переводится так: «Всякий раз, когда Европа заболевает, она просит прописать лекарство Балканам».

Если поднять крышку, предназначенную для письма, под ней обнаружится пространство, слабо пахнущее корицей. Мастер, сделавший ящик для письменных принадлежностей, несомненно, считал, что под крышкой должны размещаться карты и инструменты для определения положения судна. Однако сейчас здесь нет ничего, кроме следов нюхательного табака и пачки из сорока восьми почтовых открыток, перевязанных синей ленточкой. Все они адресованы одному лицу, какой-то мадемуазель Henriette Dauville из Rouge, Франция, но ни одна из открыток не была отправлена. На них нет почтовых штемпелей, и все они, кроме одной, изображают арку Defence в Париже.

Исключение составляет последняя открытка, на ней не Париж, а венецианские кони. Текст на открытках написан по-французски, одним и тем же красивым женским почерком, с наклоном, противоположным направлению письма, и крестиком вместо буквы «и». На дне этого большого отделения ящика лежит зубочистка из утиного пера и вывернутая наизнанку кружевная перчатка, сделанная в Которе. Она надушена ароматическим маслом «Кипрская роза».

Если сложить открытки в том порядке, в котором они были написаны, станет ясно, что одной или двух не хватает.

Сорок восемь почтовых открыток.

В это утро я снова легла во сне, а ложка имеет запах. Она пахла capture «Contour de l'oeil Christian Dior». Этот запах и разбудил меня.

Поднявшись с кровати, я выпила две китайские чашки воды, надела перстень, выкованный в третьем веке новой эры для левой руки какой-то женщины, и застегнула на лодыжке цепочку часов «Tissot».

Тут кто-то позвонил.

– «Hermes», parfum spray «Caleche», – определила я, принохиваясь к входной двери. Это была моя сестра Ева.

– Мне кажется, тебе следует сменить image, – сказала я ей.

Мы направились в центр города. В первом же бутике я купила ей «Amarige de Givenshi»... <...>

В самом сердце Парижа, на месте, откуда через один из рукавов Сены открывается прекрасный вид на церковь Матери Божьей, находится букинистический магазин английских книг «Шекспир». В хорошую погоду товар раскладывают перед входом, и именно здесь я снова встретила сестрой.

<...>

К стеклу книжного магазина «Шекспир» был прилеплен листок бумаги пепельного цвета. Написанный по-английски крупными буквами текст сообщал:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

Молодой человек, обладатель «Хазарского словаря» (мужская версия), разыскивает девушку, у которой тоже есть экземпляр «Хазарского словаря» (женская версия). Цель: обмен экземплярами и беседа. Тел.: 22 59 39.

– Теперь тебе ясно?

– Нет.

– Поэтому у тебя и нет любовника. Я только что купила новые духи Elisabeth Arden «Blue Grasse», как и полагается для нового любовника, а здесь, у «Шекспира», отыскала эту чертову женскую версию. Это словарь, в котором на двести девяносто третьей странице нью-йоркского издания Кнопфа есть дырка, та самая, которую этот парень ищет в качестве предмета обмена. Имея в руках такую штуку, я позвоню по телефону из объявления. Интересно узнать, что есть в его экземпляре...

2–6 ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ

Между латунной рамкой ящика и покрытой сукном поверхностью для письма, в верхней его части, находится пять маленьких отделений из светлого и темного дерева, напоминающих пять ванночек. В одном из них, по-видимому, когда-то стояла чернильница, так как на дереве осталось несколько зеленых клякс, а в другом баночка с песком для посыпания свежих записей. Четыре из пяти ванночек квадратные, а пятая прямоугольная, она имеет форму корытца из темной древесины тика и предназначена для перьевых ручек. В центре этого корытца есть небольшая дужка. Судя по всему, к нижней стороне этой ванночки можно было прикреплять промокательную бумагу, отделение

для ручек могло использоваться и в качестве миниатюрного пресс-папье.

Два отделения пусты.

В прямоугольном корытце лежит темно-зеленая ручка из кедрового дерева, на конце ее медное устройство, куда вставляют перо.

В соседней ванночке осталось немного красноватого песка, кроме того, там лежит старый свисток в форме фаллоса и стеклянная пробка от флакона, который в ящике не обнаружен. Свисток предназначен для того, чтобы вызывать духов умерших. Звук у него странный, что-то похожее на «кmt! кmt! кmt!» Это зов, на который откликаются ледяные сны мертвых душ, когда они, чтобы согреться, забираются иногда в теплые сны живых. <...>

Что же касается стеклянной пробки от флакона, то, посмотрев сквозь нее на свет, можно как под увеличительным стеклом прочесть вырезанную на ее доннышке надпись на греческом языке. Эта надпись в стеклянной пене выглядит так: «Не забывай, что твои годы идут парами, как сестры, как мать и дочь или как сестра и брат. А иногда как отчим и падчерица или как любовники...»

Тот, кто догадается перевернуть стеклянную пробку и посмотреть с другой стороны, прочтет следующее: «Для того чтобы встретить ночь всех твоих ночей как день, нужно заранее понять, какова та пара лет, которые входят в твою жизнь».

В отделении, где когда-то находилась чернильница, сейчас стоит пузырек с черной краской и палочка, с помощью которой женщины в азиатских и африканских странах раскрашивают боковую часть своих ступней.

Милорад Павич
Вечность и еще один день:
меню для театрального ужина
(отрывок из пьесы)

перевод Н. Вагановой

МЕНЮ ДЛЯ ТЕАТРАЛЬНОГО УЖИНА

Закуски

Бабочки в сухарях под соусом тартар
Зачем мы здесь?
Соль с оленьего рога

Основное блюдо

Петкутин и Калина

Десерт

Все хорошо, что хорошо кончается
Печальный конец тоже делу венец
«Настало после смерти пробуждение...»

* Закуски *

**БАБОЧКИ В СУХАРЯХ ПОД СОУСОМ
ТАРТАР**

Действующие лица

1-я сестра – красивая молодая девушка.

2-я сестра – красивая молодая девушка.

Молодой человек.

Гости.

Хозяйка.

Время действия – наши дни.

Вечеринка в частном доме.

Гости выпивают и закусывают, кто стоя, а-ля фуршет, кто-то присев в просторной гостиной. Общий гомон. Хозяйка, заметив одиноко скучающего в стороне молодого человека, заговаривает с ним и предлагает присесть на один из тех старинных диванчиков, что умеют на своих шести ножках потихоньку передви-

гаться по комнате. Соседками молодого человека по диванчику оказываются две сестры, молодые красивые девушки. Первая сестра, не мигая, смотрит на молодого человека, и взгляд ее, вначале горячий, постепенно становится холодным.

1-я сестра. Не хотите ли послушать любопытный сюжет?

Молодой человек. Что ж, я не прочь. Не люблю – не слушай, а врать не мешай. В одно ухо влетит, в другое вылетит.

1-я сестра. Было это давно и неправда, а случилось в театре.

Молодой человек. Ах, в театре... Влетело быстро, вылетело еще быстрее. С театром у меня, как говорят, отношения не сложились. Что дальше?

1-я сестра. У нас было три билета: для нас с сестрой и один лишний. Мама уговорила нас сводить в театр молодого человека из провинции, дальнего родственника. Мы его до тех пор в глаза не видели.

Молодой человек (начиная скучать). Ну, понятно, мамы, они все такие.

1-я сестра. Однако родственник у театра не появился по причинам, известным ему лучше, чем нам.

Молодой человек. Да, загулял ветерок в голове у вашего родственничка.

1-я сестра. Мы решили отдать кому-нибудь лишний билет. Перед входом, в самой толпе, спокойно стоял какой-то юный джентльмен. Запрокинув голову, он пил пиво прямо из банки. Мы предложили ему билет. «Сидеть будете во втором ряду партера», – сказала сестра. Подумав, что билет продается – а ему это было явно не по карману, – парень ответил довольно таки нагло: «Сидеть необязательно, я и стоя могу».

Молодой человек. Ну, нахал! Да и вы хороши. Зачем было навязываться?

1-я сестра. Поняв, что мы отдаем билет бесплатно, он соизволил проследовать за нами в зрительный зал, не выпуская из рук банку с пивом. Когда мы пошли прогуляться перед театром после первого действия, он тоже вышел, на ходу допивая пиво. Однако к началу второго действия наш знакомец не появился.

Молодой человек. Вот так номер, чтоб я помер!

1-я сестра. Рядом с нами уселась какая-то старая дама с допотопной прической. Наш приятель, оказывается, совершил хитроумную сделку. Получив от нас даровой билет, он продал его старушке, а на вырученные деньги купил еще банку пива.

Молодой человек. Ну и ну! Так я и думал, судя по началу. Такому палец в рот не клади, откусит. Одну треть оперы, значит, прослушал, а две трети продал бабуле.

Молодой человек. Классная байка. Сделка века! Спасибо, позабавила ты меня!

1-я сестра. Это тебе спасибо, что так случилось.

Молодой человек. Не понял. Если честно, скользнул твой рассказ по ушам, как вода по желобу.

1-я сестра. Неужто не узнал себя?

Молодой человек. Н-нет. Забрестило что-то и пропало...

1-я сестра. Да ведь это ты наш билет два раза продал!

Молодой человек (про себя). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! (Обращаясь ко второй сестре.) Такова сила дурного впечатления. Если вы перед кем-нибудь покажетесь в невыгодном свете, то потом никогда и ни за что не узнаете этого человека, даже свою встречу с ним предадите забвению со скоростью ловкой кражи... Готов поклясться, я вас никогда в глаза не видел.

2-я сестра. Видел ты меня, голубчик, очень даже прекрасно видел. Мы с тобой познакомились давным-давно, задолго до того случая в опере. Было это в доме

моей матери, другими словами, в гостях у твоей тетки. Мне было семь лет, в руках у меня была кукла.

Молодой человек. Ну вот, час от часу не легче... Что же я тогда натворил?

2-я сестра. Ты меня спросил, как это мне удалось в семь лет родить ребенка.

Молодой человек (отчаянно, пытаясь выйти сухим из воды). Да, тут не обошлось без старика Фрейда... Знаете, каждый из нас похож на луковицу: под каждым слоем оказывается следующий; вы его снимаете и ожидаете увидеть бог знает что. Когда же добираетесь до конца, убеждаетесь, что в сердцевине ничего нет. Совсем ничего.

2-я сестра. Ничего? Вы говорите, ничего. Лук и вода. А слезы? Как же пролитые слезы? О них-то вы и забыли!

Молодой человек (стараясь сделать безошибочный шаг и привести дело к решительному концу). М-да... А что было с тем вашим родственником – или кем он вам доводится? Ну, с тем, который в театр не явился?

2-я сестра. Явился он, явился, еще как явился.

1-я сестра. Что, голубчик, разыграли мы тебя, как в театре! А кстати, почему ты театр не любишь?

Молодой человек. Не люблю... А за что его любить? Ни одному слову, со сцены сказанному, не верю. Язык без костей, все перемелет. Хочешь знать, что такое театр? Это первая в мире коммуна. Та же фаланга, крепко повязанная мафия... Такому индивидуалисту, как я, одинокому волку, что в любой компании торчит, как гвоздь в лепешке, там делать нечего. В театре от тебя все время ждут охов да ахов, взлетов мысли и чувства. То влюбляйся в какую-то красотку из трагедии. То подвиг силы беспримерной свершай. А собственно, зачем его свершать? Отчего бы, наоборот, этой дуре в меня не влюбиться. Чем я плох? Нет, театра мне и задаром не надо. А вот поесть

я люблю. Обожаю блюда с красивыми названиями. И чтоб меню с шелковой закладкой, переплет с золотым обрезом, словно подарочное издание нашего классика Негоша или там «Ромео и Джульетты»... Откроешь карточку – и вот тебе сюрприз: «Бабочки в сухарях под соусом тартар», «Слоеный пирог с начинкой из диких улиток» и так далее... Вот если бы в театре можно было выбирать спектакль, как в меню, это бы мне подошло. Что выберешь, то и посмотришь. Представь-ка себе театральный ужин и меню для театральных гурманов. Заказываешь какую хочешь закуску, то есть завязку действия. Устроишься в кресле поудобнее и выберешь в карточке, то есть в программке: хочешь – пирог, хочешь – фрукты, а хочешь – сыр. Представь себе трагическое меню или трагедию в форме обеденной карточки. Согласно волшебной формуле 3+1+3... Лучше не придумаешь. «Засахаренные фиалки»! Не знаешь, что берешь в рот, а распробуешь – и во рту у тебя начнет медленно таять вечность... Идешь в театр смотреть пьесу про любовь. В одном театре – хэппи-энд, все хорошо кончается... Хороший конец только дурачкам нравится, умный ничего хорошего не ждет. В другом театре, глядишь, та же сказка про любовь, но кончается ужас как печально и для героев, и для нас. Поневоле загрустишь, ведь после смерти не надышишься!.. В третьем театре любовный ужин тебе подают с третьей закуской, то бишь завязкой, с третьим финалом на десерт. Приятно, черт подери, хоть разговорами сыт не будешь. (Вдруг переходя на хороший английский язык.) You can trust me. I know everything concerning Elizabethan theater, Ingmar Bergman and Peter Brook's productions!¹³ Счастья вам, радости и здоровья! Приятного театрального аппетита.

---

¹³ Можете довериться моему вкусу. Я знаю о театре все, начиная со спектаклей елизаветинской поры и кончая постановками Ингмара Бергмана и Питера Брука (англ.).

Йордан Радичков
Жаркий полдень
(в сокращении)

перевод Н. Глен

Летом 1963 года на железнодорожной станции города Н. поднялась тревога. Дежурный принял сообщение: поезд № 704 вышел с соседней станции и прибудет через пятнадцать минут. <...> Но поезд опаздывал, и дежурный думал о том, что это задержит армейские перевозки: на четвертом пути стоял воинский эшелон. <...>

Станция Н. притихла, все уселись в тени на перроне, солдаты залезли под платформы, машинисты обоих паровозов открыли клапаны, топки гасли. Солнце передвинулось на небе и начало своей страшной линзой скручивать листья на деревьях, сверкая в антраците открытых складов из топлива, – в этот жаркий полдень оно одно властвовало над пустой станцией, притихшей, растерянной, озабоченной, исполненной ожидания. <...>

Второй день у подножия Черказских гор и на равнине шли большие военные маневры. <...>

В этот самый день трое мальчишек из села Черказки пасли у реки буйволов. <...> Буйволы уже наелись и теперь смотрели на воду, раздумывая, не пора ли купаться. Мухи, подстрекаемые жарой, кусались немилосердно, и буйволы решили, что им сейчас лучше всего войти в воду и утопить мух. <...>

Река бежала сейчас легко, почти на цыпочках, и бережно поддерживала на своей спине мальчишку с остриженными неровно волосами, веснушчатого, как лягушонок. Мальчик едва научился плавать, и реке приходилось быть осторожной – любая маленькая волна могла хлестнуть ему в рот, открытый от напряжения. <...>

Двое других мальчиков поплыли под мост ловить бойков. Мост был длинный, в два пролета. <...> Как все железобетонные конструкции, посередине он не был сварен, чтобы при осадке опор мост не рухнул. <...>

– Тут большой камень, а под ним полно рыбы. Кишмя кишит. <...>

Мальчик оттолкнулся от камня, чтобы заплывать с другой стороны, а первый рыболов все шлепал по воде одной рукой и болтал ногами; другую руку он сунул в пещеру и чувствовал между пальцами притихшую рыбу: в каменном гнезде опоры рыбы и правда было много.

В то время как его товарищ плыл у него за спиной, под мостом вдруг пронесся какой-то странный звук. Он был похож на треск льда на реке зимой... Мост передвинул каменные глыбы и железобетонные пояса своих опор – произошел сдвиг, предусмотренный конструктором еще при строительстве. Конструктор не знал, когда произойдет усадка, когда именно почва ощутит усталость от давления моста, но он это предусмотрел; на средней опоре на месте стыка железобетон, чуть двинувшись, со скрежетом сомкнулся.

– Что это? – спросил мальчик с берега.

– С мостом что-то, – ответил стриженный, все еще держа руку в каменном гнезде, у рыб.

– Ну-ка подайся, я тоже залезу, – сказал второй и снова подплыл к стене.

– Не могу, – сказал первый <...>

Мальчик все пытался выдернуть руку, но ничего не выходило. Усадка моста поймала его в подводный капкан...

– Я тону! – вдруг крикнул мальчик. – Ой, я тону!

Товарищ его быстро поплыл к берегу. Он колотил по воде руками и ногами и, добравшись до песка, закричал:

– Ты держись там, держись, слышишь, держись! Сейчас людей позову. <...>

Вдали он увидел струю дыма, она быстро приближалась, из-за деревьев вынырнул паровоз, но мальчик не сошел с полотна, а все бежал, потом наконец замедлил шаг и стал размахивать своим красным флагом (красной майкой. – *Н. Б.*), а локомотив все рос, и гул рельсов все громче отдавался в ушах.

<...> И вот больше пятисот человек, пассажиры целого поезда, столпились под мостом, на мосту, на обоих берегах, и никто ничего не мог сделать, чтобы вытащить мальчика из реки. Мальчик уже посинел, он болтался в воде и испуганно смотрел на огромную толпу, запрудившую берега и мост.

Страшно-то ведь все равно страшно, даже когда вокруг люди.

Рядом, почти по плечи в воде, стоял крестьянин с тока; он поддерживал мальчика на поверхности реки, подложив ему ладонь под грудь, хотя на дно уже были повалены камни. <...>

Появление пожарной машины, выехавшей на учения, вселило надежды. Командир ее живо соскочил на мост и спросил, что случилось. Ему объяснили. Дальше стали слышны одни команды, пожарные бегали, шлемы блестели, шланги разматывались, затарахтел мотор. <...>

Пространство наполнилось ревом моторов и лязгом гусениц. Берега увидели пыль, вздымающуюся к небесам, а рев моторов и лязг гусениц все приближался к реке. Среди деревьев показались танки, выставившие вперед стволы своих семидесятишести- и стомиллиметровых орудий. Танковый полк разворачивался, готовясь форсировать Черказскую реку. Первые машины уже входили в воду. Мать мальчика кинулась к ним. Она бежала прямо на машины, оглушенная их треском и грохотом, и люди на берегах, глядя на нее, тоже сор-

вались с места, крича и размахивая руками, пытаюсь перекричать моторы и остановить эту армию. <...> Солдаты повторили все то, что другие пытались делать раньше.

Попытки их ни к чему не привели.

Армия была беспомощна, словно попала в плен. Танки на берегах молчали, их орудия глупо разинули пасти. Мертвое железо! Разве может мертвое железо кого-нибудь спасти!

<...> И все-таки надо было действовать. Решили запрудить реку. Если сдерживать течение, пожарники выкачают насосами воду, и мальчик окажется на отмели. <...>

Генерал смотрел, как тягачи корчуют ольху и на канатах стаскивают деревья в воду. Ухали топоры – тесали колья и забивали в грунт...

Он ждал вертолет. И думал о том, что человечество создало религии, дипломатию, Организацию Объединенных Наций, атомную бомбу, а вот как спасти этого ребенка – оно еще не придумало. Ни религия, ни дипломатия, ни ООН не могли бы тут помочь.

Ну а раз так, то поможем мы. Если надо, мы подыдем в воздух реку, и шоссе, и мост, мы заставим все, весь мир, всю мертвую и живую природу двигаться только в том направлении, какое нужно, чтобы спасти ребенка. Если надо, мы и грозу, нависшую над Черкасскими горами, пустим по небу в другом направлении. Все, все устремится к одной только цели, в одном направлении, как Земля вертится только на восток, и днем, и ночью, и в адском грохоте войны, и в спокойствии мира.

Только на восток, всегда за солнцем, чтобы спастись, чтоб убежать из темноты своей собственной тени. <...>

Реку остановили.

Она ткнулась в преграду, ощупала ее мордой, отыскивая щели и надеясь, что где-нибудь да найдет трещину, вся вытянется в струнку и протолкнет в эту трещину свое тело, раздвигая ее и разрушая плотину; так бывало всегда.

Но щелей не нашлось, и река отвернула морду, выползла на берег, легла на траву, ощупала дно, съежилась и снова стала кружить, толкаясь туда и сюда. Она была похожа на змею, которая неспешно, исподволь сворачивается спиралью, напрягая позвоночник и готовясь к броску или удару. <...>

Опоры моста перестали хрипеть...

Мост во второй раз передвинул каменные глыбы и железобетонные пояса своих опор. Те, кто стоял на мосту, почувствовали, как он дрогнул у них под ногами...

Мальчик держал обе руки на коленях, еще не в состоянии понять, что обе его руки свободны, что он вырвался из каменного капкана. Первое, что он почувствовал, было прикосновение рук генерала. Тот подбросил его и стал целовать, а вся толпа, избавленная от напряжения, закричала разом, и тут поднялся такой гам, что можно было оглохнуть.

– Воздух вошел в опоры! – кричали люди. <...>

Если судьба одного ребенка может остановить часть человечества, то ради судьбы мира человечество должно остановить бег всей вселенной и дать ей направление, которое нужно, чтобы спасти мир.

По сути, это ведь единственно возможное направление.

Генерал посмотрел на часы. Через пятнадцать минут форсирование реки должно быть окончено.

Танки шли на юг, все на юг, и туда смотрели их стволы, прощупывая простор. Простору этому ничто не угрожало, и орудия молчали, но машины все шли вперед, отпустив поводья сотен лошадей в своих серд-

цах-моторах, шли сквозь этот жаркий полдень, раскаленный полдень мира.

Тысячи лошадей, тысячи копыт мчатся с ревом и скрежетом стали; стальные гусеницы вращаются и наступают, оставляя позади тишину и покой; они видят перед собой, за этим простором, змею, которая корчится в своем логове, набухает ядом, злобно тычется мордой в берега зеленой земли, пытаюсь найти расщелину, как металась и билась о плотину прегражденная река, а в небе неслись и сверкали тучи, стремясь влить в нее свою адскую силу.

Змея, сиди в своем логове, слышишь, змея!

Сиди и не вылезай, исчадие адово!

Ольга Токарчук

Бегуны

(фрагменты)

перевод И. Адельгейм

Я существую

Я совсем маленькая. Сажу на подоконнике, вокруг разбросаны игрушки – опрокинутые башни из кубиков, куклы с вытаращенными глазами. В доме темно, воздух в комнатах медленно остывает, меркнет. Никого нет; все ушли, скрылись, вдали еще звучат голоса, шарканье, эхо шагов и приглушенный смех. За окном – пустой двор. Тьма плавно изливается с неба. Оседают повсюду серной росой.

Мучительнее всего неподвижность: густая, зримая – холодные сумерки и слабый свет натриевых ламп, что тонет во мраке уже в радиусе метра.

Ничего не происходит, надвигающаяся темнота замирает на пороге, предвечерний гомон стихает, застывает густой пенкой, словно на кипяченом молоке. Силуэты домов на фоне неба растягиваются до бесконечности, мало-помалу сглаживаются острые углы, края,

изломы. Угасая, свет уносит с собой и воздух – становится душно. Теперь мрак просачивается сквозь кожу. Звуки сворачиваются в клубки, втягивают внутрь улиточки глаза; оркестр мира уходит и исчезает в парке.

Этот вечер – кромка мира, я нащупала ее случайно, безотчетно, в игре. Обнаружила, ненадолго оставленная одна, без защиты. Я понимаю, что попалась, ловушка захлопнулась. Совсем маленькая, я сижу на подоконнике, смотрю на остывший двор. Уже погас свет в школьной кухне, там никого нет. Бетонные плиты двора напитались мраком и растаяли. Закрыты двери, опущены шторы, задернуты занавески. Хочется выйти из дому, но некуда. Только контуры моего присутствия становятся все более четкими, дрожат, колышутся, причиняя мне боль. В мгновение ока я осознаю: пути назад нет, я – существую.

Гигиенический пакет

В самолете Варшава – Амстердам я машинально вертела в руках бумажный пакет, на котором позже заметила выведенные авторучкой слова: «12.10.2006. Летим наудачу в Ирландию. Пункт назначения – Белфаст. Студенты Политехнического института в Жешове».

Надпись обнаружилась на доньшке пакета, на единственном свободном месте – с обеих сторон был печатный текст. Он на нескольких языках повторял одно и то же: do you want air sickness bag... sac pour mal de l'air... Spuckbeutel... bolsa de mareo. Между этими словами чья-то рука вписала фразу, единичка была толще других цифр, словно автор на секунду засомневался, имеет ли смысл оставлять это анонимное выражение беспокойства. Надеялся ли он, что надпись на пакете найдет своего читателя? Что я таким образом окажусь свидетелем чужого путешествия?

Меня растрогал этот односторонний акт коммуникации – интересно, какая рука это писала, какими были глаза, что вели ее между строками напечатанного на пакете текста. Интересно, повезет ли им там, в Белфасте, этим студентам из Жешова. Пожалуй, мне бы хотелось когда-нибудь, уже в другом самолете, получить ответ на свой вопрос. Чтобы они написали: «Все отлично. Мы возвращаемся домой». Но я знаю, что на пакетах пишут только от волнения и неуверенности. Ни поражение, ни грандиозный успех этому не способствуют. <...>

Мобильность – это реальность

Огромный плакат на стеклянной стене аэропорта утверждает со стопроцентной уверенностью:

МОБИЛЬНОСТЬ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ¹⁴

Спорим – это всего лишь реклама сотовых телефонов.

Станислав Ежи Лец
Фрашки

Наблюдения художника-ташиста

Как разноцветно и занятно
Порой на честь ложатся пятна.

Всяк тем живет, что рок ему принес:
Один кропает стих, другой – донос.
А если два таланта есть в руках,
То можно накропать донос в стихах.

---

¹⁴ В оригинале по-русски.

Тадеуш Ружевич

Из книг «Ну и что что во сне» (2006), «Выход» (2005)

перевод А. Базилевского

Мелкие объявления и предсказания

меняю зрение на осязание
осязание на обоняние
обоняние на вкус
вкус на пикантные палочки
с беконом в цветном перце
меняю палочки
на стишки

Опиши мне нежность
а я тебе скажу
будешь ли ты графоманом
опиши мне счастье
которое тебе выпало и
несчастье
которое на тебя обрушилось
а я скажу тебе кто ты
скажи мне в стихотворении
предельно кратком
чем отличается любовь
от ненависти
чем отличается
черный квадрат от белого
а я тебе скажу
будешь ли ты Малевичем
или только рамой для картины
скажи мне чем отличается
вторник от среды
а я скажу тебе кто ты
футуролог или футуро
брехун
скажи мне когда миру придет конец
а я тебе скажу когда
ему не будет конца

Иво Андрич
Мост на Дрине
(отрывки из романа)

перевод Т. Вирта

Почти на всем своем протяжении река Дрина течет узкими ущельями в горах или теснинами мрачных каньонов между отвесными скалами. Лишь кое-где расступаются горы, давая простор веселым долинам, и тогда то на одном, то на обоих берегах реки возникают ровные или холмистые пределы, пригодные для обработки и жилья. Одна такая вольная долина открывается и здесь, под Вышеградом, в том месте, где Дрина, делая крутой поворот, стремительно выносит свои воды из глубокой расселины, образованной откосами Бутковых скал и Узавницкой гряды. Излучина так крута, а неприступные стены утесов так близко подходят друг к другу, что, кажется, река вырывается из каменной груди угрюмого сплошного массива. Но тут внезапно горы раздвигаются неправильным амфитеатром, чей поперечник, измеренный мысленно проведенной по воздуху прямой, не превышает пятнадцати километров.

Там, где Дрина всей тяжестью своей зеленой и вспененной водной лавины извергается как бы из сомкнутой стены отвесных черных гор, стоит большой каменный мост строгих пропорций с одиннадцатью широкими пролетами. От этого моста, точно от основания, расходится веером холмистая долина с Вышеградом, его предместьями и деревушками в ложбинах между холмов, лоскутной пестротой пашен, выгонов и сливняков, прихотливой сетью межей и оград, узорной россыпью перелесков и отдельными купами лиственных деревьев. И если на долину посмотреть из самой ее глубины, то так и чудится, будто из-под широких арок белого моста вытекает и разливается не только зеленая Дрина, но и весь этот благодатный цветущий

край со всем, что на нем есть, и сводом южного неба над ним.

На правом берегу реки, непосредственно примыкая к мосту, сосредоточилось основное ядро города с площадью и торговыми рядами, расположенное частью на равнине, частью на отрогах гор. По другую сторону моста, вдоль левого берега реки, протянулось Малухино поле, разбросанное предместье на дороге, ведущей в Сараево. Так, соединяя два конца сараевской дороги, мост связывает город с его предместьем.

Впрочем, слово «связывает» в данном случае такая же условность, как и утверждение о том, что солнце всходит по утрам для того, чтобы людям было светло и они могли заниматься своими делами, и заходит к вечеру, чтоб дать им возможность выспаться и отдохнуть после дневных трудов. Ибо этот каменный мост, бесценное строение непревзойденной красоты, какого не имели и несравненно более зажиточные и бойкие города («таких мостов в империи всего раз-два и обчелся», – говорили в старину), был единственной постоянной и надежной переправой на всем среднем и верхнем течении Дрины и необходимым звеном той дороги, которая связывала Боснию с Сербией, а через Сербию – с прочими провинциями Турецкой империи, вплоть до самого Стамбула. Город же со всеми своими предместьями был всего лишь поселением, естественно и неизбежно возникающим на узловых перекрестках караванных путей и по сторонам важных и больших мостов.

На мосту и на его балконах, возле него и во взаимосвязи с ним, течет и развивается, как мы увидим, жизнь обитателей городка. Хроника событий личного, семейного и общественного характера изобилует ссылками на мост. И в самом деле, дринский мост – место первой прогулки и первых игр всей здешней детворы. Дети христиан с левого берега Дрины в первые же дни своей жизни проделывали путь через мост, ибо в ближайшее воскресенье их несли крестить в цер-

ковь. Но и все другие дети тоже, и те, что родились на правом берегу, и дети мусульман, вообще не знающих обряда крещения, по примеру дедов и отцов, большую часть детства проводили возле моста. У моста они удили рыбу или ловили голубей в его отдушинах. Совершенная гармония этого величественного сооружения из белого ноздреватого, непогрешимо точно ограненного камня с младенческих лет привычна их взгляду. Дети наперечет знали все его искусно вытесанные выпуклости и изгибы, так же, как и все поверья и легенды, связанные с историей его возникновения и создания и представляющие собой диковинный и нерасторжимый сплав воображаемого и действительного, истинного и невероятного. Знали все это с рождения, бессознательно, как бы с ними придя в мир. Знали, как знают молитвы, невесть когда и от кого впервые услышанные.

Знали дети, что мост воздвиг великий визирь Мехмед-паша, чье родное село Соколовичи находится неподалеку от моста за одной из окрестных гор. Да и кто же, кроме визиря, мог обеспечить всем необходимым сооружение этого бессмертного творения из камня. (Детскому воображению визирь рисуется как нечто сияющее, могучее, страшное и неясное.) Поставил же его Раде Строитель, который должен был бы жить не одну сотню лет, чтобы возвести все то прекрасное и вечное, что есть на сербских землях, легендарный и воистину безымянный зодчий, какого только и может признавать толпа, не любящая обременять свою память многими именами и чувством благодарности, пусть даже и посмертным. Знали дети также и то, что русалка, хозяйка реки, воспротивилась строительству моста, как спокон веков противятся неведомые силы всякому строительству, – и ночью рушила воздвигнутое днем. Так продолжалось до тех пор, пока Раде Строителю не был голос из воды и не дал ему совет сыскать двух новорожденных близнецов, брата и сестру, Стою и Остою, и замуровать их в средние опор-

ные быки. Тотчас же по всей Боснии начались поиски близнецов. Тому, кто их найдет и доставит зодчему, назначена была награда.

В конце концов в одном глухом селении стражники отыскали двух близнецов, грудных младенцев, и силой визиревой власти отняли их у матери; но мать ни за что не хотела расстаться со своими детьми и, стеная и плача, не обращая внимания на ругань и побои, приплелась за ними следом в Вышеград. И здесь каким-то образом пробилась к Раде Строителю.

Младенцы были замурованы, ибо иначе быть не могло, но Раде Строитель, по преданию, сжалился над матерью и оставил отверстия в опорных столбах, через которые несчастная могла кормить грудью своих принесенных в жертву детей. Слепые отдушины изящного рисунка, узкие, подобно бойницам, где ныне гнездятся дикие голуби, и есть те самые отверстия. Как память о давно минувшем, вот уже несколько сотен лет из этих отверстий струится материнское молоко. В одно и то же время года из плотно пригнанных швов стекают по камням белые тонкие струйки, оставляющие после себя несмываемый след. (Представление о грудном молоке вызывает в сознании детей образ чего-то сладостно близкого и приторного и своей пугающей таинственностью, наравне с визирями и зодчими, повергает их в смятение и ужас.) Соскабливая эти молочные потеки с опорных столбов, люди продают полученный порошок как целебное средство не имеющим молока родильницам.

Горан Петрович
Осада церкви Святого Спаса
(отрывки из романа)

перевод Л. Савельевой

Для каждого слова есть свое перо. Например, слово «небо» пишут легким касанием летного пера взрослого ястреба, а «травы» – пером с брюшка скворца, «мо-

ре» – пером альбатроса, некоторые книги написаны пером болтливой гаги, а чтобы описать ваш черный костюм, нужно писать с сильным нажимом пером из хвоста крупной галки.

* * *

Каждому дана определенная мера сна или яви. Один будет ее использовать медленно, другой торопливо, но это определенное количество нельзя дополнительно увеличить или уменьшить, оно неизменно. Рано или поздно русло времени становится пустым. Берега остаются на месте, но между ними больше ничего не течет. Некоторое время еще живут покинутая трава, пузырьки от дыхания рыб, следы раков и домики перламутровых улиток, но течение забвения медленно относит и их к далекому морю, куда можно попасть, только предварительно исчезнув.

Приемная мать Богдана жила своей явью немилосердно. Три приемных отца смотрели за мальчиком во сне, она же бдела над ним постоянно. Живя так быстро, после многих лет проведенных без сна, мать Богдана скрылась за опущенными веками и так навсегда там и осталась. Точно так же, как есть люди, которые ради других постоянно видят сны, есть и такие, которые приносят себя в жертву, отдаваясь постоянной яви. А тот, кому жизнь отмерила только одно из двух основных течений, быстрее остальных оказывается в русле времени, по которому, терпеливо двигаясь к бесконечности, течет забвение.

Предчувствие материнской смерти настигло Богдана на болотах, к северу от столицы, где он наблюдал за птицами, готовясь к приемным экзаменам по кафедре орнитологии. Пробираясь через камыши, переправляясь через каналы, уклоняясь от паутины, раздвигая осоку и разгоняя стоявшую над болотами дымку, он неожиданно вышел на берег речного рукава, который вода покинула совсем недавно, оставив после себя еще

влажные воспоминания, грозди пузырьков, наполовину угасшие события, следы раков, комья и клубки корней и трав, извилистые следы улиток... Этот посеревший, жалобный и покинутый мир, может быть, и не привлек бы внимания Богдана, если бы на дне рукава, среди ила, он не заметил маленькое тельце птицы, которая испуганно трепыхалась, совсем одна. Пренебрегая опасностью попасть в трясиину, которая, подстерегая легкомысленных, коварно перемещалась из конца в конец болота, Богдан спустился в пересохшее русло. Необычным было то, что юноша увидел такую птицу, которую никак не ожидал встретить на болоте. Это была самка зяблика, которая, видимо, заблудилась. Решив, что, должно быть, злой ветер заставил ее изменить полет, Богдан нагнулся и как можно осторожнее поднял нежную пульсирующую горстку перьев. А потом его взгляд встретился со взглядом птицы. И сразу после этого она взмахнула крыльями. Как будто хотела прикоснуться к своему спасителю. Одно крыло задело его щеку. Для каждого слова – свое перо. Сомнения не было. Богдан ощутил собственным лицом, что в крыле птицы находилось то самое перо, которое с полной силой смысла вывело слово прощания с приемной матерью.

Как быстро ни мчись, предчувствие не обгонишь. Хотя Богдан отправился домой тотчас же, он натыкался на него повсюду, даже перед дверьми собственного дома. В коридоре на полу лежало тело приемной матери Богдана, душа ее в то утро отправилась куда-то на небеса.

Из большой комнаты доносился слишком громкий звук включенного телевизора. Яркий экран отражался в зеркале, висевшем прямо напротив аппарата. Во всю длину зеркала тянулась трещина.

* * *

Ее платья приезжали к ней из Парижа — в одном сундуке они сами, в другом их шелест, а в третьем вздохи молодых людей, которые и приличествуют в таких случаях.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Многие народы без следа исчезли не потому, что у них было слишком много врагов, а потому, что о них нечего было рассказать. На веки вечные умирает только тот, кого не поминают. А все остальные продолжают существовать так, как о них рассказывают».

Г. Петрович

РЕПОЗИТОРИЙ ВУЗОВ

Учебное издание

Булацкая Наталья Алексеевна

**СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ:
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(болгарская, польская, сербская, чешская)**

Учебно-методическое пособие

2-е издание, переработанное и дополненное

Редактор О. М. Соколова

Технический редактор О. Д. Захаревич

Дизайн обложки О. Д. Захаревича

Подписано в печать 22.06.2015. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага писчая № 2. Цифровая печать.

Усл. печ. л. 9,82. Уч.-изд. л. 7,08. Тираж 100 экз. Заказ 62.

Издатель и полиграфическое исполнение:

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/177 от 12.02.2014.

ЛП № 02330/456 от 23.01.2014.

Ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск.